DEUS HONOR ET GLORIA
Баронъ Боде Колычевъ

ОЧЕРКИ ТУРКМЕНСКОЙ ЗЕМЛИ

И ЮГОВОСТОЧНАГО ПРИБРЕЖЬЯ КАСПІЙСКАГО МОРЯ (*).

ВВЕДЕНІЕ.

Описаніе странъ Востока всегда занимательно уже потому, что переноситъ насъ въ край неизвѣстный, въ край интересный для каждаго мыслящаго человѣка, какъ по исторіи и по разсказамъ о его прошедшей дѣятельности, такъ и по той будущности, которая неминуемо ожидаетъ Востокъ, по неизбѣжному столкновенію въ немъ европейскихъ интересовъ. Прошедшее его представляется намъ въ баснословныхъ преданіяхъ, въ поэтическихъ разсказахъ о восточной роскоши и нѣгѣ, въ историческихъ воспоминаніяхъ о борьбѣ дикихъ народовъ между собою, о мгновенномъ образованіи могучихъ царствъ и о столь мгновенномъ же распаденіи ихъ. Важность Востока въ будущемъ мы видимъ изъ нынѣшняго положенія политическихъ дѣлъ въ Европѣ. Въ истекшемъ году Константинополь послужилъ точкою столкновенія; современемъ, можетъ-быть, такую же точку столкновенія политическихъ и матеріальныхъ интересовъ найдутъ въ Персіи, въ Индіи, въ Китаѣ...

Поэтому мыслящіе люди съ благодарностью пріймутъ всякое изслѣдованіе какой бы то ни было страны Востока.

И если описаніе настоящаго положенія Востока не представляетъ утѣшительныхъ фактовъ ни въ-отношеніи умственной, ни въ-отношеніи промышленной дѣятельности, то послужитъ намъ къ изученію мѣстности, нравовъ и обычаевъ жителей, къ ознакомленію съ источниками и дарами природы и наконецъ къ подкрѣпленію той вѣковой истины, что нѣтъ счастливаго исхода тому государству, въ которомъ вмѣсто закона дѣйствуетъ произволъ, гдѣ видна только рабская зависимость массы народа отъ ненасытнаго самоволія нѣкоторыхъ любимцевъ временнаго властелина, гдѣ, вмѣсто нравственнаго, религіознаго воспитанія юношества, требуются лишь нѣкоторыя формы внѣшняго образованія и гдѣ, наконецъ,

---

(*) За доставленіе этой интересной и въ нынѣшнее время весьма-важной статьи мы обязаны барону Н. Е. Торнау, который самъ написалъ къ ней введеніе, здѣсь же помѣщаемое. *Ред.*

общественное мнѣніе — этотъ безошибочный цѣнитель гражданскихъ доблестей и пороковъ — не налагаетъ клейма безчестія на людей, употребляющихъ во зло власть свою, обогащающихся корыстолюбивыми и обманчивыми дѣйствіями и пренебрегающихъ святостью своихъ обязанностей, какъ частныхъ, такъ и общественныхъ.

Такова, къ-сожалѣнью, въ общихъ чертахъ картина всѣхъ тѣхъ безсильныхъ государствъ Востока, въ которыя не проникъ еще духъ истиннаго образованія, духъ святой христіанской религіи.

Эти же общія черты государственнаго управленія и гражданскаго быта находимъ и въ странѣ туркменской и въ юговосточномъ прибрежьѣ Каспійскаго Моря, описаніемъ которыхъ мы обязаны извѣстному нашей и западной читающей публикѣ путешественнику, соотечественнику нашему, барону Боде.

Сочиненіе его о Луристанѣ и Персидскомъ Арабистанѣ, изданное въ 1846 году на англійскомъ языкѣ, раскрыло страны, казавшіяся недоступными европейскому путешественнику. Сочиненіе это пріобрѣло между западными географами, статистиками и археологами значеніе классическое: на него указываютъ и ссылаются, какъ на положительный авторитетъ. Столь лестное признаніе истиннаго достоинства труда путешествіе по Луристану и Арабистану заслужило потому, что въ немъ нѣтъ ни романическихъ разсказовъ, ни вымысловъ, нѣтъ и тѣни отсутствія правды или правдоподобія. Баронъ Боде не гонится за реторическимъ округленіемъ фразъ: онъ ищетъ вездѣ и повсюду одну правду и раскрываетъ ее предъ публикою (*). Въ путешествіяхъ его мѣстность срисована всегда вѣрно съ натуры, а занимательное описаніе нравовъ и обычаевъ жителей могло быть исполнено только лицомъ, знакомымъ въ-подробности съ бытомъ азіатскихъ народовъ, лицомъ, почерпнувшимъ сравнительныя свѣдѣнія объ обычаяхъ и нравахъ разноплеменныхъ народовъ изъ долголѣтнихъ путешествій по Востоку и по всей Европѣ.

Тѣ же достоинства, которыя указаны въ сочиненіи барона Боде о Луристанѣ и Арабистанѣ, встрѣчаются вполнѣ въ ***Очеркахъ Туркменской земли и юговосточнаго прибрежья Каспійскаго Моря***, съ тою притомъ разницею, что, независимо отъ общей занимательности обоихъ сочиненій для всей ученой публики, путешествіе по Луристану и Арабистану занимаетъ спеціально западную публику вслѣдствіе возможности развитія матеріальныхъ ея интересовъ въ тѣхъ странахъ; путешествіе же по туркменской землѣ представляетъ частный, исключительный интересъ для русской публики. Прибрежье Каспійскаго Моря важно для насъ не столько въ настоящее время, сколько въ будущемъ. Каспійское Море составляетъ исключительную принадлежность Россіи и Персіи; владѣнія наши отстоятъ въ двухдневномъ и четырехдневномъ разстояніи отъ описываемыхъ въ «Очеркахъ» странъ, а въ мѣстахъ этихъ открытъ для торговой дѣятельности путь, на которомъ доселѣ мы не встрѣчаемъ иностраннаго соревнованія; прибрежье Каспійскаго Моря и за нимъ, на вос-

---

(*) Сочиненіе это критически разобрано въ «Revue des Deux Mondes» 1847 г. 15 марта. Мы съ удовольствіемъ дѣлаемъ ссылку на статью эту, доказывающую, какъ высоко западные ученые цѣнятъ труды нашего соотечественника.

токъ, страны Центральной Азіи, богатыя дарами природы, но нуждающіяся въ произведеніяхъ мануфактурной промышлености, представляютъ торговые рынки, на которыхъ торговая дѣятельность можетъ развиться до огромныхъ размѣровъ.

Въ этихъ видахъ сочиненіе, представляемое нынѣ публикѣ барономъ Боде, должно интересовать не только ученый свѣтъ, статистиковъ, историковъ, оріенталистовъ, но и государственныхъ людей, изучающихъ политическое и нравственное положеніе странъ и мыслящихъ о будущихъ судьбахъ государствъ, наконецъ, людей сословій торговаго и мануфактурнаго, помышляющихъ о частныхъ своихъ выгодахъ.

Критическій разборъ «Очерковъ Туркменской Земли и Юговосточнаго Прибрежья Каспійскаго Моря» предоставляемъ, въ ученыхъ журналахъ, нашимъ и иностраннымъ лицамъ, спеціальнымъ въ дѣлѣ и умѣющимъ отличать труды полезные отъ эфемерныхъ произведеній, составляемыхъ по заказу.

Баронъ **Н. ТОРНАУ.**

I.

Изъ Тегерана въ Астерабадъ черезъ долины Альбурскихъ Горъ.

Однообразіе путешествія по Средней Персіи. — Надежда на бо́льшую занимательность въ прикаспійскихъ провинціяхъ. — Лагерь подъ Зергендехомъ, близъ Тегерана. — Ночлегъ. — Персидскій *курбанъ*, или жертвоприношеніе. — Демавендъ. — *Преданіе о тиранѣ Зохакѣ*. — Страна между Демавендомъ и Зербенданомъ. — Округъ *Демавендъ*. — Племена *Пазеки*, упоминаемыя Геродотомъ. — Фируз-Ку. — Бродячіе дервиши. — Растеніе *асса-фетида*. — Страна между Зербенданомъ и Фируз-Ку. — Округъ Фируз-Ку. — Замѣтка о Тенги-Ваши и древней *Лабутѣ*. — Чешме-Али. — Дорога чрезъ высокія долины альбурскія. — Цыганская жизнь илатовъ. — Дѣти. — Ботаника. — Страна между Фируз-Ку и Чешме-Али. — Развалины замка Горнаго Старца. — Ассеранъ. — Физіологическая достопримѣчательность Шамир-Заде. — Подземные каналы. — Фулад-магале. — Воспоминанія о графѣ Симоничѣ.

Деревня Сербенданъ, 17-го іюня 184..

Едва окончилъ я описаніе своего путешествія въ дикія горы Луристана и къ развалинамъ Персеполиса, какъ снова пускаюсь въ путь, но совсѣмъ въ противоположную сторону: я ѣздилъ по направленію къ Персидскому Заливу, теперь же отправляюсь къ берегамъ Каспійскаго Моря.

Театръ подвиговъ моихъ былъ доселѣ по внутренней и Южной Персіи чрезвычайно-однообразенъ; часто между двумя деревушками, въ которыхъ ночую, не вижу ничего, кромѣ безплодной, безлюдной степи, обнаженной даже отъ всякой растительности, кромѣ нѣкоторыхъ колючихъ травъ, которыя могутъ пріятно щекотать вкусъ верблюда, но не имѣютъ ничего привлекательнаго для человѣка, исключая развѣ бо-

таника. Куда ни взглянешь, вездѣ пустыня, если хотите, величественная своею неизмѣримостью и способная возвысить душу до созерцанія безконечности, но эти порывы скоротечны, а путь долгъ! Иногда, конечно, дорога пролегаетъ и черезъ ущелья, по гребню или у подошвы горъ; все это хорошо въ топографическомъ отношеніи, но ни мало не занимательно въ физіологическомъ очеркѣ края.

Надѣюсь, нынѣшнее путешествіе мое будетъ разнообразнѣе прежнихъ.

Впродолженіе долгаго моего пребыванія въ Персіи, я изъѣздилъ почти все государство, кромѣ Астерабада. Теперь, собираясь домой, я очень-радъ взглянуть на эту достопримѣчательную провинцію и на живописные южные берега Каспійскаго Моря.

Я ѣду въ Астерабадъ по дѣламъ службы; иначе, конечно, не пустился бы въ путь въ такой нестерпимый зной, и выбралъ бы осень для своей поѣздки; но я думаю, что еслибъ мы вольны были всегда дѣлать то̀, что̀ хочется, то несносно изнѣжились бы; поэтому хорошо, что законы Провидѣнія и законы общества заодно заставляютъ насъ дѣлать *то̀, что̀ должно*.

Но какъ бы то ни было, а во время лѣтняго зноя путешествовать очень-непріятно — развѣ отдыхать днемъ въ тѣни и ѣздить ночью?... Но въ провинціяхъ Астерабадской и Мазандеранской этого дѣлать нельза по причинѣ густыхъ лѣсовъ и дурныхъ дорогъ; къ тому же я не филинъ и ночью не вижу. Посмотримъ, что̀ будетъ?...

4 іюня 184. я выѣхалъ изъ нашего лагеря подъ Зергендехомъ, между Тегераномъ и Шамиранскими Горами въ-сопровожденіи сослуживцевъ моихъ Ивановскаго и Черняева, которые хотѣли проводить меня до Демавенда, въ десяти фарсангахъ отъ Тегерана; но на первомъ же ночлегѣ Черняевъ, въ то время непривыкшій еще къ палящимъ лучамъ персидскаго солнца, такъ заболѣлъ глазами, что долженъ былъ на другой же день возвратиться восвояси; Ивановскій же и я, персидскіе старожилы, продолжали путь свой.

Первый ночлегъ нашъ былъ въ деревнѣ моего письмоводителя, персидскаго мирзы, числящагося при нашемъ посольствѣ. Въ честь нашего пріѣзда поселяне совершили *курбанъ* (жертвоприношеніе), то-есть зарѣзали двухъ барановъ у ногъ нашихъ. Отъ всего сердца отказался бы я отъ этого изъявленія уваженія и преданности, которое было мнѣ чрезвычайно-противно; но это было не въ моей волѣ. Часто приходится въ свѣтѣ дѣйствовать противъ чувствъ своихъ изъ угожденія къ принятымъ правиламъ приличія, а путешествуя по чужимъ краямъ, необходимо сообразоваться съ народными обычаями. Со всѣмъ тѣмъ, персидскій курбанъ такое варварское обыкновеніе, что я не могъ привыкнуть къ нему. Пусть бы они бросали леденецъ подъ ноги вашего коня въ изъявленіе своей покорности, что̀ также водится между персіянами — это только смѣшно для новичка, но рѣзать барана, который

бьется и трепещетъ въ крови своей у ногъ вашихъ въ честь вашего пріѣзда — ужасно!

Сопровождая шаха въ его путешествіяхъ, я насмотрѣлся на эти сцены; для него убивали не однихъ барановъ, но и коровъ, и буйволовъ, и даже верблюдовъ. Это весьма-древній обычай, относящійся, вѣроятно, еще ко временамъ язычества, когда приносили жертвы богамъ; однако я не думаю, чтобъ онъ былъ заимствованъ у гебровъ.

У персіянъ существуетъ еще обычай, столь же нелѣпый, хотя менѣе-кровожадный; это—подарки, приносимые не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ отдать вещь, но чтобъ получить за нее что-нибудь цѣнное. Я помню, что въ первый пріѣздъ мой въ Персію я проѣзжалъ близь поля, на которомъ пахалъ поселянинъ. Онъ немедленно просилъ меня остановиться и, снявъ съ своихъ буйволовъ ярмо, пригналъ ихъ ко мнѣ, прося принять ихъ какъ *пешкешъ,* или подарокъ, и очень настаивалъ, чтобъ я ихъ принялъ. Я и не зналъ, что̀ дѣлать и куда дѣвать драгоцѣнный даръ, такъ обязательно предложенный; проводники мои намекнули мнѣ, что даритель охотно согласится взять свою скотину назадъ за небольшой подарокъ; я далъ ему нѣсколько мелкихъ серебряныхъ монетъ: онъ былъ очень-доволенъ и увелъ своихъ буйволовъ опять на работу.

Въ слѣдующій день, 15-го іюня, мы разбили свои палатки въ тѣнистомъ саду, посреди города Демавенда; вскорѣ губернаторъ пріѣхалъ ко мнѣ съ визитомъ.

Демавендъ одинъ изъ древнѣйшихъ персидскихъ городовъ; онъ считается по древности вторымъ послѣ *Балха* въ Туркестанѣ. Баснословное мѣстное преданіе говоритъ, что здѣсь тиранъ *Зохакъ* умерщвлялъ ежедневно двухъ человѣкъ, чтобъ мозгомъ ихъ питать двухъ огромныхъ змѣй, выходившихъ изъ плечъ его. Феридунъ избавилъ землю отъ этого чудовища, и въ Демавендской Долинѣ донынѣ празднуютъ день этого избавленія; когда же слышится глухое завываніе вѣтра въ горѣ Демавендъ, которая ничто иное, какъ потухшій волканъ, или когда чувствуется легкое землетрясеніе, народъ думаетъ, что Зохакъ шевелится, потому-что преданіе утверждаетъ, что онъ погребенъ подъ горою Демавендъ. Не повтореніе ли это греческой басни объ Энкеладѣ, погребенномъ подъ Этною?...

Въ городѣ Демавендѣ много развалинъ древнихъ и новѣйшихъ временъ—плоды частыхъ землетрясеній, которымъ подверженъ этотъ край. Чума также посѣщаетъ его; поэтому народонаселеніе не превышаетъ 6-ти или 800 семействъ, разсѣянныхъ въ четырехъ кварталахъ. Въ городѣ есть каравансераи, базары и нѣсколько хорошихъ лавокъ, мечети, частью разрушенныя, Имамъ Заде и одинъ старый минаретъ, котораго не пощадило время. Бо̀льшая часть значительныхъ зданій растрескалась отъ землетрясеній.

Сегодня, 16-го іюня, всталъ я въ четыре часа утра и простился съ пріятелемъ моимъ Ивановскимъ, который возвратился въ нашъ лагерь при Шамиранѣ, а я направилъ путь свой къ востоку.

Съ полчаса ѣхалъ я между горами и, проѣхавъ мимо маленькой деревушки Лале, затерянной, какъ гнѣздо, между деревьями и окруженной пажитями, выѣхалъ на открытую равнину и продолжалъ путь свой верхнею дорогой по скатамъ горъ; нижнюю же дорогу, ведущую чрезъ деревню *Гилортъ*, оставилъ вправѣ. Въ семь часовъ подъѣхали мы къ *Ейне-Верзанъ*, деревнѣ, окруженной вспаханными полями и орошаемой потокомъ, который великолѣпнымъ каскадомъ свергается со скалы неподалеку отъ деревни. Ейне-Верзанъ населенъ племенемъ *курдбяче*.

Въ восемь часовъ мы прибыли въ Сербенданъ, въ четырехъ фарсангахъ отъ Демавенда, оставивъ на полпути влѣвѣ красивую деревню *Джаванъ*.

Въ Сербенданѣ поселены курды *Шадин-лу* изъ *Буджнурда* (въ Хорасанѣ). Близь Сербендана находится большой царскій садъ *Баги-Шахъ* съ аллеями изъ высокихъ тополей. Здѣсь было нѣкогда любимое мѣстопребываніе Ага Мухаммедъ-Хана, основателя нынѣ царствующей каджарской династіи; теперь оно совершенно покинуто и одичало.

Такъ-какъ я долженъ скоро покинуть округъ демавендскій, то здѣсь намѣренъ набросать легкій очеркъ этого края.

Демавендскій округъ граничитъ къ западу рѣкою *Джаджрудомъ*, къ востоку рѣкою *Деличай*. Большая цѣпь Альбурская, изъ которой вытекаютъ обѣ эти рѣки, отдѣляетъ его къ сѣверу отъ *Ларижана* въ Мазандеранской Провинціи, хотя здѣсь граница неясно обозначена, а къ югу, низкая цѣпь тѣхъ же горъ отдѣляетъ Демавендъ отъ плосныхъ равнинъ *Вероминскихъ*.

Демавендскій округъ раздѣляется на четыре *махала*:

1) Сурхе-обрудъ, или Айхъ,

2) Джемрудъ,

3) Керафсерудъ и

4) Торерудъ.

Сурге-обрудъ содержитъ въ себѣ нѣсколько деревень, изъ которыхъ значительнѣйшія: *Бумегинъ*, *Рудегинъ* и *Баге-Изюмрудъ*.

Торерудъ заключаетъ въ себѣ долину, образуемую рѣкою того же имени, которая, протекая чрезъ городъ Демавендъ, въ нижнемъ теченіи своемъ орошаетъ деревни *Гилортъ*, *Хейсоръ*, *Меира*, *Коджанъ*, *Тамшонъ*, и проч. Этотъ край населенъ *турки-пазеками*, такъ называемыми для отличія ихъ отъ другаго племени *пазековъ*, занимающихъ равнины вероминскія. Они не турецкаго происхожденія, и

вѣроятно потомки *пазековъ*, упоминаемыхъ древними географами и обитавшихъ близъ Каспійскаго Моря (*), что за горнымъ хребтомъ.

Джемрудскій магалъ простирается отъ рѣки того же имени до рѣки *Деличай*. Источники Джемруда находятся въ *Обисеръ* (истокъ воды) и *Тоскинъ*, и отсюда текутъ въ направленіи къ *Ейвани Кеифъ*. По берегамъ расположены деревни *Ванъ*, *Килонъ*, *Саронъ*, *Гёк-тепе* и проч.

Весною ручьи, текущіе изъ Ейне Верзанъ, *Джаванъ* и *Сербендана* вливаются въ Джемрудъ; отсюда, вѣроятно, происходитъ и имя рѣки

(*) Въ 11-й сатрапіи, упоминаемой Геродотомъ, племена, кочевавшія вдоль береговъ Каспійскаго Моря, и проч., были *каспіи*, *павзеки*, и проч. *Павзеки*, кажется, были то же, что и *пазики* и *аспазики* Птоломея и Страбона (см. географію Геродота и профессора Вильсона «Asia Antiqua»).

Такъ-какъ этотъ предметъ можетъ быть интересенъ для сравнительной географіи и очень-важенъ съ этнологической точки зрѣнія, я займусь имъ нѣсколько-пространнѣе.

Геродотъ въ 11-й сатрапіи упоминаетъ о *павзекахъ* въ числѣ другихъ племенъ, кочевавшихъ *вдоль береговъ Каспія.*

Поэтому этнографамъ пріятно будетъ узнать, что нынче существуютъ *два племени пазековъ:* одно турецкаго, другое курдскаго происхожденія. Первые переселены были Надиръ-Шахомъ изъ Хорасана въ Хоръ, округъ на востокъ отъ Тегерана, и нынче занимаютъ разныя деревни на южной покатости Альбурскихъ Горъ; другіе *пазеки*, курдскаго происхожденія, живутъ ниже, въ равнинѣ и въ большой деревнѣ *Пелештъ*, неподалеку отъ развалинъ греческой Апамеи, или Лаодикеи, и поблизости города Раджъ, упоминаемаго въ св. писаніи. Есть также и другіе курдскіе пазеки, которые наиболѣе *чадер-нишинъ*, то-есть жители шатровъ, и занимаютъ округъ Вероминскій, на западъ отъ Хора. Курдскіе пазеки говорятъ персидскимъ языкомъ (кое-гдѣ и турецкимъ) и называютъ себя туземцами.

Въ описаніи путешествія моего по Горамъ Луристанскимъ я старался доказать, что всѣ персидскія племена лурскаго, лекскаго и курдскаго происхожденія обыкновенно причисляются къ первобытнымъ обитателямъ *Ирана*, между-тѣмъ, какъ арабы, турки, и проч., всѣ переселенцы позднѣйшихъ временъ.

Отсюда можемъ заключить, что курдскіе пазеки — потомки павзековъ и занимаютъ тѣ же мѣста, гдѣ оставилъ предковъ ихъ отецъ исторіи; до сего дня иліатскія племена Веромины и Хора хотя и селятся иногда въ деревняхъ, но постоянно, смотря по времени года, или уходятъ въ горы, или спускаются въ долины къ сѣверу и югу отъ цѣпи, отдѣляющей Иракъ отъ Каспійскаго Моря.

Турецкіе пазеки, можетъ-быть, отрасль того же корня, которая, войдя въ соприкосновеніе съ турками, позабыла языкъ свой и приняла нарѣчіе могущественнаго сосѣда; подобно племенамъ кочующимъ, близъ туркменской земли, которыя также позабыли природный діалектъ свой и приняли турецкій *(джагатай)*, вслѣдствіе близости и частыхъ сношеній съ туркменцами.

(Джемрудъ значитъ собраніе рѣкъ); въ другія же времена года воды совершенно истощаются поливкою полей и луговъ.

Демавендскій Округъ содержитъ въ себѣ около 60 деревень, двѣ трети которыхъ передаются правительствомъ казеннымъ чиновникамъ, вмѣсто жалованья собирающимъ съ нихъ доходы, что называется *туюль*.

Демавендъ долженъ выставлять на службу *фауджъ*, или полкъ, состоявшій прежде изъ 600 человѣкъ; ныньче же число это возросло до 1200, съ-тѣхъ-поръ, какъ округи *Шахріарскій* и *Саудж-булакскій*, лежащіе на з. отъ Тегерана, обязались выставлять столько же войска. Кромѣ этого пѣхотнаго полка, *курды* и *курд-бяче* вмѣстѣ съ *афшарами* (турецкое племя) изъ Саудж-булака, выставляютъ конницу, или *гулямовъ*, тѣлохранителей шаха.

Демавендъ большою-частью гористъ; поля мѣстами обработаны, остальная же часть безплодна. Почва плодоносна, и тамъ, гдѣ довольно воды для поливки, хлѣбъ родится самъ-двѣнадцать.

Окрестности города Демавенда окружены садами и славятся особенно прекрасными яблоками и абрикосами. Одинъ родъ послѣднихъ, извѣстный подъ именемъ *кейси*, сушатъ и развозятъ по всему государству, особенно же въ Мазандеранъ, откуда ихъ отправляютъ въ Россію,

Нынѣшній начальникъ Демавенда *Мухаммедъ Гашимъ-Ханъ,* братъ покойнаго Абдуллаха, бывшаго губернатора демавендскаго.

Фируз-Ку, 18 іюня.

Я прибылъ въ Фируз-Ку, на одну изъ высочайшихъ плоскостей Персіи, возвышающуюся по-крайней-мѣрѣ на 8000 футовъ надъ поверхностью моря. Несмотря на эту высоту, Фируз-Ку окруженъ еще высокими горами, которыя замыкаютъ его со всѣхъ сторонъ. Онъ граничитъ къ сѣверу съ провинціею Мазандеранъ, къ югу съ вероминскими равнинами; отъ запада къ востоку лежитъ дорога, идущая съ горы на гору изъ Тегерана въ Астерабадъ.

Въ эту минуту я пишу, лежа на коврѣ въ палаткѣ; полы ея подняты и я любуюсь живописною окрестностью. Вотъ пробирается ручеекъ по камнямъ, которые тамъ-и-сямъ замедляютъ его теченіе, и спѣшитъ нести славу Фируз-Ку другимъ, менѣе-знаменитымъ мѣстамъ Ирака. Передо мною тянется высокій хребетъ Альбурскій, мой неразлучный спутникъ отъ самаго Тегерана; чело его покрыто туманами, которые посылаетъ ему изъ Мазандерана Каспійское Море; нѣсколько въ сторонѣ, позади меня, деревушка Фируз-Ку, поднимаясь террасами, прислонилась къ живописной отдѣльной скалѣ, носящей тоже громкое имя Фируз-Ку (Гора Побѣды); на высотѣ ея развалины крѣпости, нѣкогда повелѣвавшей всею страною. Вся картина похожа на Хоремма-бадъ въ Луристанѣ, который я уже описывалъ.

Меня прервалъ дервишъ, одинъ изъ этихъ привилегированныхъ бродягъ, которыхъ можно назвать язвою Персіи и которые бродятъ безъ

всякаго дѣла съ мѣста на мѣсто, питаясь подаяніемъ. Обыкновенный крикъ ихъ заключается въ гортанномъ восклицаніи *Хакъ! Хакъ!* что на арабскомъ языкѣ значитъ: *Богъ правосуденъ!* на языкѣ же дервишей переводится словами: *дай денегъ!* Я притворился, что не понимаю значенія слова *Хакъ!* и мой дервишъ ушелъ съ пустыми руками, къ великому своему неудовольствію.

Прежде чѣмъ принялся за перо, я пробѣгалъ мыслью вѣка минувшіе. По всей вѣроятности, Александръ проходилъ здѣсь на пути своемъ въ страну *Тануровъ* (нынѣшній Мазандеранъ) двѣ тысячи лѣтъ назадъ.

Халаку и, впослѣдствіи, эмиръ-Тимуръ, или Тамерланъ, осаждалъ крѣпость Фируз-Ку, защищаемую горстью храбрыхъ горцевъ; онъ разрушилъ ее, и мы теперь находимъ однѣ развалины, подобно тому, какъ и въ Хоремабадѣ, Тимуромъ же разрушенномъ.

Кромѣ историческихъ воспоминаній, Фируз-Ку приводитъ мнѣ на память и лично до меня касающіяся воспоминанія. Въ 1836 году лѣтомъ мы пробыли здѣсь цѣлый мѣсяцъ. Здѣсь собралъ тогда войска свои шахъ, отправляясь въ походъ противъ туркменцевъ; наше посольство сопровождало его: *посланникъ графъ Симоничъ, баронъ Торнау, докторъ Енишъ и я. Прошло* пять лѣтъ—и какъ судьба разсѣяла насъ по свѣту! графъ Симоничъ въ Варшавѣ, Торнау въ Шемахѣ, Енишъ въ Одессѣ, а я, одинъ изъ всего посольства, остаюсь еще въ Персіи и опять странствую въ этихъ самыхъ мѣстахъ!...

Знаете ли, что, несмотря на то, что мы въ половинѣ іюня, вѣтеръ такъ холоденъ, что я долженъ оставить перо и идти гулять, чтобъ согрѣться!...

. . . .

Возвращаюсь съ продолжительной прогулки и приношу множество душистыхъ растеній, которыя нарвалъ на вершинѣ и на покатостяхъ горы; между прочими есть и *асса-фетида* (*). Г. Фишеръ (директоръ Ботаническаго Сада въ Санктпетербургѣ) долженъ быть доволенъ мною: я уже доставилъ ему много высушенныхъ растеній, набранныхъ въ персидскихъ горахъ, и теперь приготовляю ему альбурскую флору.

(*) Вообще думаютъ, что *assa fœtida* ростетъ только въ восточныхъ областяхъ Хорасана, но я находилъ ее прошлымъ лѣтомъ на горахъ близь Исфагана и потомъ въ Кезосскомъ Округѣ, на полпути между Исфаганомъ и Гамаданомъ. Въ оба раза время собиранія ея уже прошло, и стволъ, толщиною въ руку, почти высохъ. Корень, величиною въ кулакъ, неглубоко уходитъ въ землю. Assa fœtida ростетъ на каменистой почвѣ и въ гористыхъ мѣстахъ. Я узнавалъ его по крѣпкому запаху, который оно содержитъ въ себѣ близь корня, и по застывшимъ каплямъ сока на вѣтвяхъ. Величина растенія отъ 5 до 6 футовъ. Персіяне называютъ его *ангузе*.

Не учившись ботаникѣ, я начинаю къ ней пристращаться; не имѣя здѣсь, въ одиночествѣ моемъ, съ кѣмъ раздѣлить сердечную привязанность, я отдаю ее полевымъ цвѣтамъ, которые принимаютъ ее благосклонно и сообщаютъ мнѣ всегда новыя тайны и сокровенныя прелести чудесъ творенія. Вникая въ нихъ, я проникаюсь всегда новымъ удивленіемъ къ небесной Премудрости, такъ чудно создавшей и такъ великолѣпно и разнообразно украсившей природу. Тотъ же Божественный Законодатель, который устроилъ мозгъ Ньютона, разгадавшій законы вселенной, образовалъ и чашечку этого цвѣтка, который заключаетъ въ себѣ одну каплю росы небесной... Но пусть сохнетъ этотъ цвѣтокъ между листами сѣрой бумаги, а я между-тѣмъ разскажу вамъ переѣздъ свой со вчерашняго ночлега до Фируз-Ку.

Когда зной немножко спалъ и мои люди и лошади отдохнули, мы выѣхали изъ Сербендана; было половина девятаго часа вечера. Путь нашъ лежалъ прямо на востокъ, сначала по странѣ плоской, потомъ нѣсколько-волнистой и наконецъ по горамъ вплоть до Дели-чайской Долины. Здѣсь мнѣ такъ захотѣлось спать, что, несмотря на то, что я сошелъ съ коня и шелъ нѣсколько времени пѣшкомъ, дрема одолѣла. Я велѣлъ постлать себѣ коверъ на берегу рѣки, протянулся на немъ, положилъ голову на камень вмѣсто подушки и крѣпко заснулъ, убаюканный журчаньемъ воды. Отраденъ человѣку сонъ, и правъ былъ Французскій поэтъ, который назвалъ его наравнѣ съ надеждою, однимъ изъ лучшихъ даровъ Провидѣнія.

L'un est le doux sommeil, et l'autre est l'espérance...

Въ три часа мы переѣхали рѣку *Дели-чай*, быструю, но съ хорошимъ бродомъ въ это время года; весною она широко разливается отъ тающихъ снѣговъ и такъ бушуетъ, что сообщеніе на-время прерывается. Отсюда и названіе ея *Дели-чай*, потурецки: сумасшедшая рѣка; подобное же названіе рѣкъ мы встрѣчаемъ и у насъ, на Кавказѣ.

На лѣвомъ берегу ея стоитъ разрушенный каравансерай, а на склонѣ крутой горы находятся природныя пещеры въ скалѣ, служащія пріютомъ для стадъ. Дорога идетъ горами; тамъ и сямъ попадается можжевельникъ и мелкій дубъ, который рѣдко встрѣчается въ средней Персіи; Дели-чай извивается между песчано-каменистыми горами къ юговостоку.

Въ половинѣ седьмаго мы переѣхали въ бродъ *Казан-чай*, тоже горный потокъ, проѣхавъ каравансерай Эмиръ и нѣсколько полей, засѣянныхъ хлѣбомъ. Отсюда до Фируз-Ку простирается плоская возвышенность, занятая частью засѣянными полями, частью лугами. Отъ Сербендана до Фируз-Ку считается около восьми фарсанговъ по направленію къ востоку.

Округъ Фируз-Ку, который, равно какъ и Демавендъ, причисляется еще къ Тегерану, дѣлится на пять булуковъ:

1) Фируз-Ку, собственно такъ-называемый,
2) и 3) Казан-чай (ближе къ Демавенду),
4) Габлерудъ (близь равнины вероминской къ югу) и
5) Афктаръ (близь Семнана).

Эти булуки простираются до слѣдующихъ границъ: къ сѣверу Альбурскій Хребетъ, къ югу Вероминъ, къ востоку Семнанъ, и къ западу Демавендъ.

Губернаторъ Фируз-Ку, Мухаммедъ Гуссейн-Ханъ Сартипъ (титулъ *сартипъ* соотвѣтствуетъ генеральскому чину), сынъ Мухаммеда Сеидъ-Хана и живетъ обыкновенно въ *Арджемендѣ*, главномъ городѣ Казанчайскаго Округа.

Округъ платитъ въ казну 900 томановъ (*) деньгами и 200 харваровъ пшеницы.

Зима въ Фируз-Ку очень-холодна, по причинѣ его высокаго мѣстоположенія; снѣгъ лежитъ часто до весенняго равноденствія, и жители загоняютъ своихъ овецъ въ глубокія горныя пещеры, чтобъ предохранить ихъ отъ суровости климата.

Изъ Фируз-Ку въ низменныя области Мазандерана и Каспія, ведутъ двѣ дороги чрезъ главный Хребетъ Альбурскій: одна чрезъ *Тенги-Вашй* (**) или Су-вашй на Балфрушъ; эта дорога гораздо-западнѣе; другая, чрезъ ущелье Гадукъ на Сари, восточнѣе; караваны обыкновенно избираютъ послѣднюю.

Прежде, чѣмъ заключить этотъ сухой географическій обзоръ, я хочу сдѣлать одно замѣчаніе о прекрасномъ географическомъ сочиненіи Риттера. Не имѣя, вѣроятно, вѣрныхъ свѣдѣній, онъ смѣшиваетъ *Тенги-Вашй* съ *Сери Гадукомъ*, иначе называемомъ *Тамх-Руд-*

(*) Томанъ равенъ нашему червонцу.

(**) Чтобъ показать, какую пользу могутъ принести сравнительной географіи самыя мелочныя замѣтки путешественника по Востоку, я скажу, что изъ разспросовъ насчетъ нижней дороги изъ Суваши въ Барфрушъ (въ Мазандеранѣ), которой держатся обыкновенно горцы, я нашелъ, что она пролегаетъ чрезъ хребетъ горъ, называемый *Лапутъ* или *Лабутъ*. Итакъ имя *Лабуты*, подъ которымъ древнимъ географамъ извѣстна была повидимому вся Цѣпь Альбурская, сохранилось до сего дня (см. Полибій, кн. X и дал.). Такъ-какъ *Сари и Амолъ*, признанные древнѣйшими городами Персіи, лежатъ къ сѣверу неподалеку отъ этой части Альбурсовъ, то нимало не удивительно, что отсюда эти горы принимаютъ родовое имя Лабуты. Большая рѣка *Бабулъ*, протекающая чрезъ нѣкогда-населенный и цвѣтущій городъ *Балфрушъ*, лежащій между *Амоломъ* и *Сари*, вытекаетъ изъ *Лабутскихъ* Горъ.

Сент-Круа полагаетъ, что Антіохъ переходилъ горы въ этомъ направленіи, прежде чѣмъ спустился въ низменный край, и покорилъ города *Тамбрасъ* и *Серингъ*. Въ такомъ случаѣ, вѣроятно, эти два города одно и то же, что *Амолъ* и *Сари*, оба признанные за древнѣйшіе города Персіи.

баръ(*), два совершенно-различныя ущелья; *Сери Гадукъ* отстоитъ отъ перваго болѣе на востокъ.

Тенги-Ваши — узкая трещина въ скалѣ, произведенная сильнымъ землетрясеніемъ. Рѣка *Суваши* быстро стремится черезъ это ущелье; и какъ здѣсь всегда дуетъ сильный сѣверный вѣтеръ, то очень-трудно проѣхать верхомъ по этой узкой тропинкѣ, надъ которою нависли огромныя скалы. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ ущелье нѣсколько расширяется, Фетъ-Али-Шахъ велѣлъ изсѣчь въ скалѣ знаменитый барельефъ, изображающій царскую охоту. Этотъ барельефъ имѣетъ около двадцати фигуръ, большею частью верхомъ, съ соколами и собаками; также нѣсколько газелей. Кромѣ-этого, я не слыхалъ ни о какихъ изваяніяхъ въ сосѣдствѣ Фируз-Ку, и не знаю, въ какой сторонѣ полковникъ д'Арси Тодъ нашелъ два древніе барельефа, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своихъ путешествіяхъ.

Чешме Али, 22-го іюня.

Прощаясь съ вами въ Фируз-Ку, я намѣренъ былъ ѣхать въ Мазандеранъ той же дорогою, которою проѣзжалъ въ 1837 и гдѣ царствуетъ теперь нестерпимый зной. Вдругъ мнѣ пришло въ голову, что я точно такъ же могу достигнуть мѣста моего назначенія, пустившись и по горной дорогѣ, гдѣ воздухъ гораздо-свѣжѣе и пріятнѣе. Сказано— сдѣлано, и вотъ я въ Чешме-Али, одномъ изъ царскихъ ейлаковъ, или лѣтнихъ резиденцій персидскаго шаха. Я радъ, что выбралъ эту дорогу: ѣхалъ очень-пріятно, не страдая отъ сильной жары, потомучто здѣсь днемъ постоянно вѣетъ пріятный вѣтерокъ, и ночи свѣжи, по причинѣ возвышенности этой площади и тумановъ, которые посылаетъ намъ Каспійское Море. Еслибъ я пустился нижней мазандеранской дорогой, то пришлось бы дышать сырой, удушливой атмосферой южныхъ береговъ Каспія, хотя и посреди великолѣпной растительности, прозябающей здѣсь въ такомъ же изобиліи, какъ въ тропическихъ странахъ. Въ тѣни намъ бы не дали покоя рои комаровъ и мошекъ, а песьи мухи, шершни, и прочіе

Parasites ailés
Que nous avons *mouches* appelé,

какъ говоритъ *Лафонтенъ*, до смерти замучили бы бѣдныхъ лошадей нашихъ въ неизмѣримыхъ лѣсахъ, одѣвающихъ сѣверную покатость Альбурскихъ Горъ. Здѣсь, напротивъ, нѣтъ ничего подобнаго. Я ѣду зелеными лугами, окруженными высокими горами; тамъ-и-сямъ поля, засѣянныя хлѣбомъ, холмы и долины, усѣянные многочисленными стадами барановъ съ

(*) Die Erdkunde in Verhæltniss zur Natur. C. Ritter. T. VIII. West-Asien, p. 486.

огромными курдюками, которые рѣзвятся и прыгаютъ съ своими молоденькими ягнятами — вездѣ жизнь и счастіе, на которыхъ взоръ отдыхаетъ съ наслажденіемъ. Это Швейцарія, но дикая, сколько по обычаямъ жителей, илатовъ, кочующихъ здѣсь въ черныхъ шатрахъ своихъ, столько же и по совершенному отсутствію деревень и даже одинокихъ хижинъ.

Вы знаете мое пристрастіе къ бродячей жизни; здѣсь я вполнѣ-доволенъ. Усталые и утомивъ коней, поворачиваемъ мы къ илатскому кочевью; насъ встрѣчаетъ сначала громкій лай свирѣпыхъ собакъ, потомъ радушное гостепріимство жителей. Намъ подаютъ масла съ козьей шерстью — непремѣнный аттрибутъ самаго чистаго персидскаго масла; потомъ одна изъ болѣе-привѣтливыхъ или менѣе трусливыхъ смуглянокъ, наливаетъ изъ кожанаго мѣшка въ оловянный ковшъ густаго пахтанья, въ которое прибавляютъ воды и соли... вамъ смѣшно! но, увѣряю васъ, что это очень-освѣжительный напитокъ, и я потребляю его порядочное количество: онъ чрезвычайно утоляетъ жажду.

Между-тѣмъ всѣ незанятые работою люди въ станѣ окружаютъ меня; я принимаюсь болтать съ *риши сифидами*, сѣдыми бородами; разспрашиваю ихъ о ихъ періодическихъ перекочевываніяхъ въ высокіе и холодные *ейлаки* (лѣтнія пастбища) и въ теплые *кишлаки* (зимнія кочевья) съ своими богатыми стадами, оборванными семьями и бѣдною домашнею утварью.

Кочевые народы въ Персіи — лучшіе топографы своей земли, и отъ нихъ можно получить весьма-любопытныя географическія свѣдѣнія. Слушая разсказы ихъ, я изучаю ихъ физіономію. Хотя дикость — характеристическая черта ихъ, но лица ихъ отличаются мужественною красотою, умнымъ и сметливымъ выраженіемъ. Мужчины и женщины очень-смуглы, съ черными, какъ смоль, волосами и блестящими глазами, очень-болтливы, что̀ даетъ мнѣ удовольствіе любоваться ихъ великолѣпными бѣлыми зубами.

Но дѣти — вотъ мое истинное наслажденіе, несмотря на толстый слой грязи, ихъ покрывающій, подъ-часъ за неимѣніемъ другаго покрова... Эти бѣдныя творенія такъ граціозны въ своихъ позахъ и движеніяхъ, особенно дѣвочки... я слѣдилъ за ними съ особеннымъ наслажденіемъ. Вольныя, какъ горныя козы, не зная никакого принужденія, бѣгаютъ они по тѣмъ же горамъ и долинамъ, такъ же легко и гибко, но живѣе, но прелестнѣе, чѣмъ маленькія животныя, товарищи ихъ дѣтскихъ игръ.

Gay, guileless, sportive, lovely little things!
Playing around the den of sorrow, clad
In smiles, beliwing in their fairy hopes
And thinking man and woman true! All joy
Happy all day, and happy all the night (*)!..

(*) Pollock — «The Course of Time».

(Веселыя, невинныя, рѣзвыя, милыя малютки! Они съ улыбкою играютъ на краю пропасти; они вѣруютъ въ исполненіе прелестныхъ надеждъ своихъ; они считаютъ правдивыми и мужчинъ и женщинъ! Всегда веселые, счастливые весь день, счастливые всю ночь!)

И когда настаетъ время опять вспрыгнуть въ сѣдло, я всегда одѣляю сухарями или мелкими деньгами веселую маленькую толпу, къ великому удовольствію матерей, и пускаюсь снова въ путь. Они такъ бѣдны, что всякая бездѣлка кажется имъ благодѣяніемъ.

Между-тѣмъ я набралъ большую коллекцію растеній; мой гербарій увеличивается съ каждымъ днемъ. Такъ-какъ ботаникъ требуетъ цѣлаго растенія для полнаго изученія, то необходимо вынуть его съ корнемъ, сохранить стволъ, листья, цвѣты и сѣмена; поэтому, пріѣхавъ на станцію, надобно обернуть растеніе въ сѣрую бумагу, положить подъ прессъ, вынуть прежнія изъ отсырѣвшей бумаги и переложить въ сухую; все это беретъ много времени, и потому мнѣ почти нѣкогда заниматься чтеніемъ. Моя дорожная библіотека невелика: Евангеліе, Etwas fürs Herz, Русская Исторія Устрялова, Шекспиръ, Байронъ, Essai sur la Philosophie du Dante, Персидская Географія Риттера на нѣмецкомъ языкѣ, *Стихотворенія Пушкина*, Young's night's thoughts — вотъ и все. Но книги я успѣю перечитать и послѣ; а если пропущу случай собирать растенія, то ужь вознаградить будетъ нечѣмъ, потому я и стараюсь пользоваться временемъ, чтобъ, по пословицѣ, не идти спустя лѣто въ лѣсъ по малину.

Опишу вамъ вкратцѣ пройденный мною путь, хотя Моррьеръ, неподражаемый авторъ *Хаджи-Бабы*, описалъ прекрасно часть этого края, неизмѣнившагося съ-тѣхъ-поръ.

Выѣхавъ изъ Фируз-Ку въ четверть третьяго пополуночи (мнѣ пришлось-таки, по примѣру филиновъ и совъ, гулять ночью), мы ѣхали лугами по берегамъ *Гури-Сифида* къ в. с.-в. и чрезъ два часа прибыли къ узкой тѣснинѣ въ известковой скалѣ, прорытой стремленіемъ рѣки; тутъ же проѣхали и мы; справа, на высотѣ, были развалины башни; нѣсколько-подалѣе, слѣва, другая развалина, называющаяся *Кале-Лошевердъ*, вѣроятно, защищавшая нѣкогда тѣснину, но когда?...

Въ царствованіе багдадскихъ халифовъ исторія указываетъ въ этой странѣ жилище послѣдователей *Гассан-Сабаха*, горнаго старца, которыхъ крестоносцы называли *ассассинами* (assassins). *Мангу*, могольскій вождь, отправляя брата своего *Халагу-Хана* съ войскомъ въ Персію, приказалъ разрушить крѣпости *хашіевъ*, опустошавшихъ эти горы, и на которыхъ поступило къ нему много жалобъ. Решидеддинъ, писавшій исторію этого похода, говоритъ, что прежде снятія осады Фируз-Ку, Халагу разрушилъ крѣпости *Феранъ* (или Ферипъ, см. *ниже*), *Шах-дихъ* и *Кале-Лошевердъ*.

Развалины *Алемута* въ горахъ, за Казвиномъ, также называются

Кале-Лошевердъ (*), но такъ-какъ онѣ гораздо-далѣе къ западу отъ Фируз-Ку, то вѣроятнѣе можно предположить, что Решидеддинъ указываетъ на здѣшнее мѣсто. Впрочемъ, и Алемутъ, главная крѣпость послѣдователей *Шейх-Джебала* (арабское названіе горнаго старца), также былъ разрушенъ могольскимъ ханомъ.

Два часа спустя, мы прибыли на луга *Гури-Сефидскіе.* Направо дорога упиралась въ городъ *Семнанъ* (лежащій въ шести или восьми фарсангахъ), пролегая чрезъ невысокія горы и чрезъ деревни *Бештъ* и *Афктаръ.* Мы миновали нѣсколько черныхъ шатровъ илатовъ, пасущихъ здѣсь стада свои. Далѣе переѣхали горный хребетъ, отдѣляющій рѣку Гури-Сефидъ, текущую къ Фируз-Ку отъ другой рѣки, по берегамъ которой мы теперь ѣдемъ отъ запада къ востоку, по широкой, пространной долинѣ, покрытой частью пастбищами, частью засѣянными полями. Не доѣзжая *Ассерана,* нашего ночлега, лежащаго за семь или восемь фарсанговъ отъ Фируз-Ку, мы переѣзжали въ бродъ вышепомянутую рѣку, пробивающуюся къ сѣверу сквозь горы, чрезъ *Тенги-Мулла-Мухаммедъ;* далѣе она протекаетъ сквозь другое отверстіе, соединяющее главный Хребетъ Альбурскій съ второстепенною грядою и течетъ параллельно съ первою. Потомъ мы спустились въ Ассеранскую *Долину.*

Вы видѣли, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ невысокихъ холмовъ, дорога изъ Фируз-Ку идетъ богатыми пастбищами; воздухъ пріятенъ, неслишкомъ-жарокъ, а когда Мазандеранъ насылаетъ каспійскіе туманы, дѣлается почти холодно; ночью даже немножко морозитъ. Лѣтомъ *сенгеры* изъ Семнана, *афктары* и другія кочевыя племена приходятъ утучнять стада свои ароматическими травами этихъ горъ и луговъ.

Ассеранская Долина простирается отъ запада къ востоку и перерѣзана рядомъ невысокихъ холмовъ; на вершинѣ одного изъ нихъ есть нѣсколько довольно-большихъ развалинъ. Долина орошена рѣкою, текущею съ востока на западъ и протекающею чрезъ ущелье *Тенги-Мулла-Мухаммедъ,* гдѣ она впадаетъ въ *Таларудъ,* въ долинѣ того же имени при мѣстѣ, называемомъ *Дуобъ,* или двѣ рѣки, близъ Пули-Сефида.

Долина прекрасно обработана. Пшеница приноситъ самъ-восемь и самъ-десять. Здѣсь больше сѣютъ красную пшеницу, потому-что бѣлая болѣе подвержена ржавчинѣ, называемой туземцами *зангъ.* Ячмень не родится на искусственно-поливаемыхъ поляхъ по причинѣ сырыхъ

(*) *Кале Лошевердъ* (орлиное гнѣздо) вполнѣ оправдываетъ свое названіе своимъ неприступнымъ положеніемъ. Въ 1840 году я посѣщалъ это мѣсто и съ большимъ трудомъ могъ взобраться на вершину (см. «Библ. для Чтенія» январь, 1854).

тумановъ, падающихъ съ горъ, отъ которыхъ немедленно желтѣетъ трава и колосъ пустѣетъ.

На поляхъ же *деимъ*, обязанныхъ плодородіемъ своимъ рѣдко-выпадающимъ дождямъ, ячмень ростетъ, хотя и неочень-удачно. На высотахъ ассеранскихъ видны слѣды множества разрушенныхъ зданій, доказывающихъ, что край этотъ былъ нѣкогда весьма-населенъ; мѣстныя преданія подтверждаютъ эту догадку. Туземцы разсказывали мнѣ, что Ассеранъ, Рисме-Рудбаръ и прочія окрестныя мѣста во время своего благосостоянія, выставляли 12,000 вооруженныхъ всадниковъ; но нашествіе могольскаго завоевателя *Халагу*, и потомъ *Эмиръ-Тимура*, обратили въ дикую пустыню эти долины, населенныя промышленнымъ народомъ. Истинно, нашествіе степныхъ ордъ Средней Азіи опустошаетъ край хуже чѣмъ стадо саранчи.

Теперь поля обработываются жителями другихъ провинцій, а именно, поселянами изъ *Семнана*, *Сенги-Сера* и *Шамирзада*, но подать, взимаемая съ Ассерана, поступаетъ въ казну мазандеранскаго губернатора, потому-что Ассеранъ составляетъ часть *Хезорджериба*.

Въ югозападныхъ краяхъ, отдѣляющихъ Ассеранъ отъ Семнана, лежитъ прелестная долина *Шамирзаде;* въ ней находится нѣсколько деревень, окруженныхъ фруктовыми садами; но она славится въ-особенности замѣчательною красотою женщинъ и неменѣе-удивительнымъ безобразіемъ мужчинъ; впрочемъ, послѣднее, можетъ-быть, и несправедливо; это говорятъ, можетъ-быть, изъ зависти, тѣ мужчины, которыхъ злая судьба не создала счастливыми жителями этого земнаго *бегишта* (персидскаго рая). Дорога въ Семнанъ идетъ чрезъ деревни *Шамирзаде* и *Сенгизеръ*, потомъ равниною вплоть до Семнана, лежащаго только въ шести фарсангахъ отъ Ассерана.

20-го іюня я выѣхалъ въ пять часовъ утра; сначала ѣхалъ долиною, переправился чрезъ рѣку Ассеранъ, поднялся въ гору къ сѣверовостоку, потомъ спустился въ долину Гуріѐ; здѣсь протекаетъ ручей, впадающій въ рѣку Ассеранъ. Когда эти мѣста принадлежали знаменитому *Зульфекар-Хану*, они были хорошо обработаны, нынѣ же лежатъ въ запустѣніи съ-тѣхъ-поръ, какъ потомки хана ушли въ крѣпость *Талибабадъ*, близь Семнана.

Взбираемся легкимъ подъёмомъ въ гору къ востоку, потомъ спускаемся въ долину *Ау-шоръ*, гдѣ протекаетъ рѣчка *Оби-Сефидъ*, и опять поднимаемся въ гору. Насупротивъ, на склонѣ горы, стоитъ Имам-Заде; вправо, въ долинѣ, виднѣется крѣпость *Риза-Абадъ*, построенная Зульфекар-Ханомъ, спустясь въ долину *Геріндъ*, мы такъ прельстились ея очаровательнымъ мѣстоположеніемъ, что раскинули здѣсь свои палатки и пустили усталыхъ лошадей на траву. Долина покрыта блеющими овцами и кое-гдѣ испещрена черными шатрами илатовъ.

Мехмендеръ прислалъ мнѣ сказать, что стоящіе здѣсь лагеремъ *пельверы* не хотятъ слушать шахскаго фирмана и не даютъ *сурсата* (съест-

ныхъ припасовъ, которые жители обязаны выдавать проѣзжему, получая условленное вознагражденіе). Я послалъ своего персидскаго слугу объясниться съ ними, но илаты приняли его въ каменья и намъ пришлось въ этотъ день поголодать.

Между-тѣмъ я приказалъ своему мирзѣ написать пельверскому предводителю, что буду жаловаться на его племя мазандеранскому губернатору, принцу Ардашир-Мирзѣ, которому оно подвластно (*).

Я узналъ, что у подошвы горы *Нейгабадъ*, на верхнемъ концѣ Аушорской Долины, которую я передъ тѣмъ проѣзжалъ, есть слѣды водопроводовъ, идущихъ подъ землею внизъ по долинѣ и доходящихъ до города *Кумише*, котораго развалины находятся между Фируз-Абадомъ и Даулет-Абадомъ на большой дорогѣ изъ Хорасана въ Мешедъ.

Когда Зульфекар-Ханъ строилъ крѣпость *Ризабадъ*, онъ хотѣлъ-было возобновить водопроводы и употребилъ шесть мѣсяцевъ на расчистку трубъ; но, дойдя до нейзабадскаго родника, откуда текла въ нихъ вода, нашли, что, вѣроятно, вслѣдствіе какого-нибудь природнаго переворота, вода ушла въ землю гораздо-ниже прежняго уровня и взяла другое направленіе къ сѣверу. Меня увѣряли, будто-бы водопроводныя трубы, сдѣланныя изъ обожженной глины и называемыя поперсидски *гунга*, такъ велики въ объёмѣ, что оселъ или даже малорослый мулъ можетъ легко пройдти внутри ихъ. Мнѣ жаль, что я не могу воротиться назадъ и изслѣдовать это точнѣе; но если мнѣ удастся ѣхать назадъ чрезъ Демганъ и Семнанъ, то постараюсь, разсмотрѣть хорошенько; можетъ-быть, мнѣ удастся пояснить нѣкоторыя мѣста древнихъ авторовъ, говорящихъ нѣчто объ огромныхъ подземныхъ водопроводахъ, доставлявшихъ воду съ горъ въ города, лежавшіе въ равнинѣ.

Слѣдующій день мы ѣхали неровною, каменистою стороною, поросшею ельникомъ и можжевельникомъ; по скатамъ горъ росъ барбарисъ и шиповникъ.

Спустясь въ долину *Ресме-Рудбаръ*, мы увидѣли ручеекъ, бѣгущій прямо отъ насъ къ альбурскимъ тѣснинамъ. Говорятъ, что онъ протекаетъ сквозь горы въ низменные края Мазандерана каменистымъ путемъ и приходитъ чрезъ три дня пути въ городъ Сары. Долина Ресме-Рудбаръ частью засѣяна хлѣбомъ, частью покрыта богатыми лугами, на которыхъ разбросаны шатры пельверовъ.

Большую часть этого дня ѣхали мы къ сѣверовостоку и продолжительный, отлогій спускъ позволилъ мнѣ вдоволь налюбоваться широкою и плодоносною долиною *Фулад-Магале*. *Кассабе*, гдѣ мы ночевали.

(*) И сдержалъ слово. Когда я въ ту же осень снова проѣзжалъ чрезъ Мазандеранъ, пельверскій предводитель, по приказанію принца, явился ко мнѣ съ извиненіями. Мы помирились и онъ доставилъ мнѣ лучшія свѣдѣнія о внутренности этой провинціи, столь мало извѣстной европейцамъ,

укрѣпленная деревня, построенная на возвышеніи и находящаяся въ округѣ Хезор-Джериб-Дуденге. Въ ней считаютъ около 200 домовъ; она выставляетъ на службу 400 вооруженныхъ солдатъ.

Жители занимаются земледѣліемъ; здѣшняя пшеница славится бѣлизною наравнѣ съ келатейскою и чехордехскою и даетъ самъ-восемь; между-тѣмъ, какъ красная пшеница *ресме* даетъ самъ-десять, но обѣ часто подвержены ржавчинѣ. Обмолоченное зерно ссыпаютъ въ небольшіе амбары, построенные на ближнихъ поляхъ. Эти амбары прежде служили, вѣроятно, укрѣпленными убѣжищами противъ туркменскихъ набѣговъ, нынѣ же обращены на мирное употребленіе.

Долина Фулад-Магале должна быть теплѣе Ассеранской: здѣсь хлѣбъ почти созрѣлъ, тамъ еще совсѣмъ-зеленъ. Впрочемъ, и въ Фулад-Магале зимы очень-суровы и снѣгъ лежитъ еще нѣсколько недѣль послѣ весенняго равноденствія. Къ сѣверу отъ Фулад-Магале, за снѣжнымъ хребтомъ *Шахдузъ* лежитъ плодоносная долина *Феринъ*, орошаемая *Теджиномъ;* здѣсь ростетъ знаменитый рисъ *амбербу*, извѣстный далеко за предѣлами Персіи.

Феринъ (Феранъ) и *Шахдузъ* (Шахдизъ) также напоминаютъ намъ, что Халагу проходилъ здѣсь съ моголами на пути къ Багдаду (см. «Исторію Персидскихъ Моголовъ» Шериффедина, изд. Катрмеромъ).

Вы видѣли выше, что въ Геріндѣ я перенесъ непріятный отказъ, за-то въ Фулад-Магале меня чуть не на рукахъ носили, вотъ по какому случаю:

Проходя съ войскомъ въ 1836 году этою дорогою, шахъ однажды имѣлъ ночлегъ въ равнинѣ Фулад-Малаге. Сарбазы, по обычаю персидскаго *низама* (регулярныхъ войскъ), чтобъ добыть себѣ ужинъ, бросились грабить мирныхъ жителей; поселяне Фулад-Магале, сопротивлялись имъ и заперлись въ стѣнахъ своихъ; солдаты готовились вломиться силою. Жалобы бѣдныхъ поселянъ никогда бы не дошли до шаха: его окружало такъ много людей, интересованныхъ въ томъ, чтобъ скрыть дѣло, вопервыхъ, начальники этихъ самыхъ сарбазовъ, вовторыхъ, всѣ мустафы и мирзы коммиссаріата и военнаго вѣдомства, которые заодно съ полковыми командирами, рука-руку моетъ! Въ то самое время, когда сарбазы готовы были уже вломиться въ ворота, нашъ посланникъ, графъ Симоничъ со свитою проѣзжалъ мимо на пути въ лагерь. Увидя его, сарбазы пріостановились, а жители, пользуясь случаемъ, отправили къ нему депутацію просить его покровительства. Они обѣщали доставить, по силамъ своимъ, потребное количество съѣстныхъ припасовъ въ шахскій лагерь, лишь-бы только солдатамъ запретили входить въ деревню, гдѣ скрыты ихъ жены и дѣти, иначе они будутъ подвергнуты всякимъ обидамъ и притѣсненіямъ.

Графъ Симоничъ терпѣливо выслушалъ ихъ до конца и обѣщалъ ходатайствовать за нихъ у шаха, по пріѣздѣ въ лагерь, а пока поставилъ

у воротъ одного изъ своихъ конвойныхъ казаковъ, чтобъ удержать нападеніе сарбазовъ, которые немедленно отступили.

Узнавъ о происшедшемъ, шахъ приказалъ одному изъ своихъ *насакчей* (палачей) разбить шатеръ у воротъ деревни и не впускать никого. Графъ немедленно отправилъ одного изъ *гулямовъ*, или служителей посольства, извѣстить о томъ жителей и наблюдать за точнымъ исполненіемъ шахскаго приказа. Послѣ того неудивительно, что жители Фулад-Магале почитаютъ русскаго посланника своимъ ангеломъ-хранителемъ.

Едва я пріѣхалъ, какъ кедхуда (старшина) явился ко мнѣ и съ восторгомъ разсказывалъ мнѣ это происшествіе, которое я зналъ не хуже его; однако я далъ ему говорить въ волю: мнѣ такъ пріятно было слышать похвалы моему почтенному бывшему начальнику. Графъ Симоничъ имѣлъ удивительный даръ пріобрѣтать любовь и уваженіе персіянъ; всѣ о немъ твердили и его имя всегда произносилось съ благословеніемъ; часто удавалось мнѣ наблюдать это въ моихъ разъѣздахъ по Персіи; о немъ говорили съ любовью въ дикихъ степяхъ туркменскихъ, равно какъ и у бахтіаръ дикихъ горъ Луристана, и у арделанскихъ курдовъ на границахъ турецкихъ. Онъ привлекалъ любовь предводителей то замолвивъ за нихъ словцо у шаха, то оказавъ имъ истинное благодѣяніе; иногда даже кивнувъ имъ головою въ какомъ-нибудь собраніи; самолюбію этихъ дикарей очень льстило то, что русскій посланникъ удостоиваетъ узнать ихъ въ толпѣ народа.

II.

Фонтанъ Чешме-Али. — Ключъ Карасу въ Курдистанѣ. — Персидская терпимость. — Дорога отъ Фулад-Магале до Чешме-Али. — Видъ съ Джеган-Наме. — Горные пастухи въ Астерабадѣ. — Туркменскій анекдотъ. — Дорога отъ Чешме-Али до Джеган-Наме. — Проѣздъ чрезъ ущелье Шамширбуръ. — Приключеніе въ гирканскихъ лѣсахъ. — Въѣздъ въ низовый край астерабадскій чрезъ Сундук-Шикенъ. — Пріемъ въ Астерабадѣ. — Освѣщеніе туркменскихъ степей.

Чешме-Али, 23-го іюня.

Я сижу въ очаровательномъ саду, близь фонтана Чешме-Али, обязаннаго своимъ происхожденіемъ, какъ говорятъ туземцы, слѣдующему чуду зятя мухаммедова:

Путешествуя въ знойный день по странѣ безводной и пустынной, Али остановился у подошвы горы, въ надеждѣ найдти ключъ воды и утолить свою жажду; но здѣсь все такъ же было сухо, какъ и въ окрестности. Сострадая объ участи странниковъ, которые, подобно ему, прійдутъ въ это мѣсто и обманутся въ ожиданіи, онъ ударилъ ногою (иные говорятъ: дубиною) въ скалу и—о чудо! изъ скалы немедленно брызнула струя воды, столь обильная, что почти въ самомъ истокѣ своемъ она ужь образуетъ порядочную рѣку. Въ доказательство истины этого пре-

данія, персіяне показываютъ слѣдъ копыта аліева коня на каменной плитѣ близь одного изъ источниковъ (ихъ нѣсколько). Страждущіе глазными болѣзнями, приходя въ Чешме-Али, всегда трутъ пальцами этотъ чудесный слѣдъ и потомъ прикладываютъ пальцы къ глазамъ своимъ.

Я осмѣлился замѣтить, что, кажется, Али не заходилъ такъ далеко на Востокъ... Персидскіе знакомцы мои согласились, что точно историки объ этомъ не упоминаютъ; но одинъ изъ нихъ замѣтилъ, что, въ такомъ случаѣ, чудо еще изумительнѣе!... Противъ этого возражать невозможно—ainsi va pour le miracle!

Во всякомъ случаѣ, Чешме-Али приноситъ честь своему патрону кристальною чистотою и обиліемъ прохладныхъ струй.

Но вотъ что̀ интереснѣе, потому-что достовѣрнѣе и, не во гнѣвъ будь сказано мнимому чуду, опирается на свидѣтельство исторіи: нѣсколько столѣтій до аліевыхъ временъ, Александръ Великій стоялъ лагеремъ у подошвы этой горы, близь фонтана Чешме-Али, на пути изъ Гекатомпилоса въ Гирканію. Діодоръ Сицилійскій говоритъ, что македонскій завоеватель, «оставивъ Гекатомпилосъ (по всѣмъ вѣроятностямъ, нынѣшній городъ *Демганъ*), *прошелъ около 150-ти стадій и сталъ лагеремъ* близь горы, называемой *Большія Скалы* (Хребетъ Альбурскій), у подошвы которой есть пещера, гдѣ отдыхать не отказались бы сами боги; изъ пещеры вытекаетъ значительная рѣка *Стибетъ*» (Діод. Сиц. кн. XVII, § LXXV).

Я знаю только одинъ родникъ, превосходящій Чешме-Али великолѣпнымъ мѣстоположеніемъ и изобиліемъ водъ, исторгающихся изъ нѣдра горы; это—рѣка *Карасу*; вытекая въ предѣлахъ Курдистана, она течетъ по долинѣ *Могидештъ*, протекаетъ *Керманшахъ* и, принимая въ себя нѣсколько побочныхъ ручьевъ, образуетъ рѣку Керхе (древній Хаоспесъ, котораго воды пили только цари), вливающуюся въ Персидскій Заливъ.

Скала, сколько я помню, состоитъ изъ слоистаго песчаника; сквозь разные пласты его и другія отверстія вода пробивается безчисленными ручьями, текущими по дорогѣ и по улицамъ города *Ровенсора;* потомъ они сливаются въ одно и тутъ же образуютъ рѣку *Кара-су.*

Но возвратимся въ Чешме-Али. Фетъ Али-Шахъ былъ большой сибаритъ; онъ выстроилъ надъ рѣкою открытый павильйонъ; по обѣимъ сторонамъ рѣки вырыли глубокіе пруды; по берегамъ ихъ ростутъ великолѣпные чинары, вязы, тополи и плакучія ивы, склоняющія длинныя граціозныя вѣтви надъ прохладными ручьями. Покойный шахъ имѣлъ здѣсь также свою молельню и—судите о персидской терпимости—въ этой самой молельнѣ расположился я на покой—и никто не поперечилъ мнѣ! Я не зналъ назначенія этого зданія, когда-такъ безцеремонно расположился въ немъ; потолокъ *эморета*, или пріемной комнаты, обрушился отъ землетрясенія. Я поужиналъ и выпилъ бутылку

исфаганскаго вина, не возбуждая, повидимому, никакого негодованія арабскаго пророка, ни зятя его Хезрати-Али, патрона этого мѣста. Магометанство замѣтно упадаетъ на Востокѣ, или, лучше сказать, уступаетъ мѣсто равнодушію и совершенному отсутствію религіи.

Стѣны украшены двумя мраморными дощечками съ надписями: одна содержитъ родословную рода каджаровъ, начиная съ Фехтъ Али-Хана, пришедшаго изъ Генджи (нынѣшняго Елисаветполя) и поселившагося въ Ах-Кале, до Фетхъ Али-Шаха. На другой дощечкѣ вырѣзано похвальное слово всѣмъ блестящимъ подвигамъ Фетхъ Али-Шаха. Тутъ, между-прочимъ, сказано, что онъ привелъ побѣдоносное войско съ предѣловъ Рея и далъ законы Бухарѣ; а сказать правду, власть его рѣдко уважалась и въ Хорасанѣ; даже Астерабадъ, заключивъ союзъ съ туркменцами, поднялъ противъ него знамя бунта. Et voilà comme on écrit l'histoire! Кто увѣритъ насъ, что великолѣпныя надписи на мраморахъ Персеполиса, Вана и Гамадана, гласящія о многочисленныхъ народахъ, преклонявшихъ колѣни предъ властелиномъ царей, болѣе справедливы?..

Теперь дремлите, друзья мои, я снова принимаюсь за сухое описаніе дороги.

Изъ Фулад-Магале, отстоящаго фарсанговъ за семь отъ Чешме-Али, ѣхали мы на востокъ с.-в. все полями, хорошо-обработанными вездѣ, гдѣ довольно воды. Тамъ же, гдѣ ея нѣтъ, земля безплодна и заброшена. Справа горы *Зангу* щетинятся мелкимъ кустарникомъ; здѣсь много дичи, особенно красныхъ куропатокъ; слѣва рядъ невысокихъ холмовъ. Проѣхавъ съ часъ, мы оставили вправо дорогу, ведущую въ городъ *Демганъ* чрезъ деревни *Шуваръ*, *Дериваръ* и *Са*, на разстояніи шести или семи фарсанговъ. Жители этихъ деревень считаются потомками гражданъ *Кумише*, покинутаго города въ равнинѣ.

Исторія не упоминаетъ, когда и почему *Кумише* былъ покинутъ, частью, можетъ-быть, вслѣдствіе пониженія водъ горныхъ ключей ниже прежняго уровня, что̀ воспрепятствовало водопроводамъ, упомянутымъ въ первой главѣ, снабжать городъ водою.

Продолженіе той же дороги, но въ противномъ направленіи, ведетъ въ *Сари*, въ Мазандеранѣ. Въ долинѣ *Тудериваръ* поселяне болѣе занимаются садоводствомъ, нежели земледѣліемъ.

На высотахъ, влѣво отъ дороги, есть нѣсколько деревень, именно: *Агре*, *Сурхде* и *Сія-Пере*. Изъ *Сурхде* вытекаетъ ручеекъ, впадающій въ прудъ, обсаженный ивами; здѣсь я позавтракалъ, ровно на полпути отъ слѣдующей станціи.

Остальная часть дороги идетъ засѣянными полями, потомъ безплодною страною; близь Чешме-Али мы переѣхали рѣку того же имени, протекающую чрезъ узкое ущелье на пути въ Демганъ, мимо деревень *Астуне* (Астункъ), *Ояну* и *Манирку*, на разстояніи четырехъ фарсанговъ отъ Чешме-Али.

Джеган-Наме, 25-го іюня.

Сегодня я не располагалъ писать къ вамъ, друзья мои, спѣша въ Астерабадъ, до котораго остается только пять фарсанговъ, но принужденъ былъ остановиться здѣсь на нѣсколько времени. Говорятъ, что поспѣшностью я унижу свое достоинство; я-было и позабылъ объ этомъ; но мой мирза, строгій блюститель этикета, настоятельно увѣряетъ, что я много потеряю въ глазахъ персіянъ своею торопливостью; уступаю ему тѣмъ-охотнѣе, что знаю, какъ здѣшніе жители смотрятъ на приличія; отъ этихъ мелочей зависитъ ихъ уваженіе къ моей особѣ, слѣдовательно и успѣхъ возложеннаго на меня порученія. Въ Персіи принято, что никакой порядочный человѣкъ никогда не долженъ спѣшить, или показывать видъ, что торопится. Пословица: «время создано для рабовъ», вѣроятно, основана на этомъ обычаѣ; здѣсь истинно: «поспѣшишь, такъ людей насмѣшишь».

Завтра мы отправимъ нарочнаго въ Астерабадъ, извѣстить губернатора о моемъ приближеніи; онъ приготовитъ мнѣ квартиру и вышлетъ на встрѣчу *истекбалъ*, или депутацію, чтобъ поздравить меня съ пріѣздомъ. Все это очень-смѣшно, и мнѣ совѣстно вамъ разсказывать про эти мелочи; но онѣ очень-важны въ глазахъ туземцевъ и, въ качествѣ точнаго описателя, я долженъ вамъ передавать картину нравовъ и обычаевъ, съ которыми долженъ сообразоваться часто противъ воли, чтобъ не разногласить съ *мѣстнымъ колоритомъ*.

Но, прежде чѣмъ подчинимся мы скучному церемоніалу офиціальнаго пріема, передъ нами цѣлый день отдыха; воспользуемся же имъ и полюбуемся красотами природы; вѣдь мы на *Джеган-Наме*, что̀ значитъ въ переводѣ: *зрѣлище міра!*

Названіе хорошо придумано. Съ вершины плоской возвышенности Каспійское Море стелется къ сѣверу широкою скатертью; къ с.-в., гдѣ разбиты мои палатки, можно видѣть Астерабадъ; за нимъ тянутся туркменскія равнины, орошаемыя рѣками *Гурганомъ* и *Атрекомъ*, а за ними степь *Дешти-Кипчакъ*. У ногъ нашихъ справа и слѣва неизмѣримые лѣса дубовъ и другихъ огромныхъ деревьевъ покрываютъ сѣверный скатъ Альбурскихъ Горъ и спускаются въ равнину.

Все это, говорятъ, *можно* видѣть въ ясную погоду; подождемъ же, пока разсѣются густыя тучи, скрывающія отъ глазъ эту величественную панораму, и опишемъ пока то̀, что̀ *видно*.

Передъ нами разстилаются знаменитые гирканскіе лѣса, дремучіе, мрачные, часто-непроходимые, пересѣкаемые тамъ-и-сямъ прелестными зелеными полянами, на которыхъ пасутся большія стада рогатаго скота. Здѣшнія коровы принадлежатъ къ такъ-называемой мазандеранской породѣ; у нихъ маленькія головы, красиво-выточенные рожки, глаза блестящіе и смышленые, какъ у газели; тонкія ноги и вообще все тѣло превосходно сложено; движенія легкія и пріятныя; нѣтъ тяжелой и

неловкой поступи обыкновенныхъ коровъ. Особенность этой породы составляетъ небольшой мясистый наростъ на затылкѣ; онъ не только не безобразитъ животное, но служитъ ему какъ-бы украшеніемъ; на концѣ нароста клочокъ волосъ, граціозно-свѣшивающійся на одну сторону. Эта особенность находится у нѣкоторыхъ породъ рогатаго скота въ Индіи.

Скотъ здѣсь находится почти въ дикомъ состояніи, не знаетъ ни хлѣвовъ, ни стойла, а пасется по лѣсамъ и зеленымъ лугамъ, однако понимаетъ призывный кличъ пастуховъ своихъ и собирается по звуку гирканскаго ranz des vaches.

Простодушные пастухи, живущіе и умирающіе съ семьями своими посреди этихъ дикихъ, первобытныхъ явленій природы, должны бы, кажется, вести пріятную жизнь. Но чувствуютъ ли они красоты природы, ихъ окружающей?—не думаю; да имъ и некогда свободно наслаждаться мирною жизнью: господа ихъ большею-частью суровы и взыскательны; сверхъ-того, ихъ безпрестанно угоняютъ въ плѣнъ бродячіе туркменцы, продаютъ узбекамъ въ Хиву, или держатъ у себя въ тяжкой работѣ.

Мнѣ разсказывали туркменскій анекдотъ, который хочу передать вамъ.

Одинъ пограничный персидскій начальникъ сдѣлалъ набѣгъ на земли *Ямудъ туркменцевъ*, чтобъ наказать ихъ за хищничество и полонилъ жену, дочь и внука одного изъ старшинъ. Сынъ этого старшины, отецъ похищеннаго мальчика, отъискалъ погонщика, принадлежавшаго персидскому хану и захваченнаго туркменцами, выкупилъ его и отвелъ къ прежнему господину. Персіянинъ позволилъ ему выбрать взамѣнъ одного изъ трехъ плѣнниковъ. Ямудъ, не задумавшись, схватилъ своего маленькаго сына и ускакалъ, оставивъ мать и сестру въ неволѣ.

Я спрашиваю себя: какъ бы поступилъ я на мѣстѣ туркменца? Я не имѣлъ счастія быть отцомъ, но трудно было бы выбирать между сестрою и матерью; однако, кажется, я выбралъ бы матушку, и вы, милыя сестры, одобрили бы мой выборъ. Но нѣтъ, я сдѣлалъ бы лучше: я предложилъ бы себя въ рабство за ихъ свободу; персіяне неочень-*galants* и охотно взяли бы одного мужчину за двухъ женщинъ.

Къ-счастью, все это однѣ мечты, которыя никогда не осуществятся... Лежа одинъ въ палаткѣ, перебираешь въ мысляхъ все, что слышалъ впродолженіе дня, раздумываешь, что бы сдѣлалъ въ такомъ или такомъ случаѣ, философствуешь подобно зайцу въ лафонтеновой баснѣ:

Un lièvre en son gîte songeait.
Car que faire en un gîte à moins que l'on ne songe?..

Отъ Чешме-Али до Чехарде дорога такая же, какъ и вчера: долина, стѣсненная между двухъ горъ, порою уже, порою шире, частью поля, частью безплодная земля—общее направленіе къ сѣверо-востоку.

Не доѣзжая деревни *Келути*, которая отстоитъ часа на два пути отъ Чешме-Али, влѣво идетъ дорога въ деревню *Немеки*. Часъ спу-

ста, мы увидѣли влѣво деревню *Туехъ*, которой жители большею частью извощики, *чехорвадары*; они содержатъ муловъ для развоза товаровъ между Астерабадомъ и Мазандераномъ, также по городамъ и деревнямъ хорасанскимъ. *Чехарде* отстоитъ фарсанга на три отъ нашей послѣдней станціи; поблизости его разстилается прелестная лужайка.

Отъ Демгана и Чешме-Али до Астерабада три дороги, черезъ горы.

1) Дорога, называемая Чемурзъ:

Отъ	Демгана	до Чешме-Али..........	4	фарс.
—	—	до Чехорде..............	3	—
—	—	до Совера...............	2	—
—	—	до Міяндере.............	6	—
—	—	до Астерабада...........	3	—
		И того	18	фарс.

2) Чрезъ Сундук-Шикенъ.

Отъ	Демгана	до Чешме-Али..........	4	фарс.
—	—	до Чехорде..............	3	—
—	—	до Джеган-Наме........	4	—
—	—	до Астерабада.........	5	—
		И того	16	фарс.

3) Чрезъ Зіяретъ.

Отъ	Демгана	до Чешме-Али..........	4	фарс.
—	—	до Чехорде..............	3	—
—	—	до Шах-Ку..............	4	—
—	—	до Зіярета...............	3	—
—	—	до Астерабада...........	5	—
		И того	19	фарс.

Здѣшній край, усѣянный деревнями, былъ любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ царствующей династіи до восшествія на престолъ Аги-Мухаммедъ-Хана. Этотъ государь называлъ Чехорде, «*пирхане тане менъ*» ближняя къ тѣлу рубашка.

Я осматривалъ остатки разрушенной деревни, разоренной *Зеки-Хан-Зендомъ*, пришедшимъ изъ Шираза ратовать противъ возстающей звѣзды каджаровъ. Шахъ до-сихъ-поръ имѣетъ удѣльное владѣніе въ *Чехорде*, заключающееся въ 40 джерибахъ засѣянной земли, и правомъ поливки на пять дней въ недѣлю.

Чехорде значитъ въ переводѣ *четыре деревни*; одна изъ нихъ разорена; остальныя три: *Зердебанъ*, *Верзанъ* и *Калехъ*. Близь Имамзаде *Багиръ* есть гробница съ куфическими надписями.

Въ сосѣднихъ горахъ, неподалеку отъ Немеки, есть ключъ, называемый *Чешмебадъ*, о которомъ разсказываютъ чудеса. Напримѣръ: если

неправовѣрный коснется струй его, или въ нихъ попадаетъ что нечистое, то немедленно поднимается буря и вся природа содрогается. Мнѣ хотѣлось своими глазами повѣрить чудо, но желаніе поберечь лошадей превозмогло любопытство, къ немалому удовольствію суевѣрныхъ туземцовъ, которые всѣхъ насъ, *френги*, считаютъ *ноджисами*—нечистыми.

Отъ Чехорде дорога идетъ прямо на сѣверъ черезъ *участокъ*, или лугъ, потомъ постепенно поднимается въ гору. Черезъ часъ пути мы переѣхали перекрестную дорогу, ведущую слѣва, отъ деревни Немеки вправо, въ долину Шах-Ку. При спускѣ дорога такъ стѣсняется между двухъ горъ, что навьюченный мулъ едва можетъ пройдти по ней. Жители называютъ этотъ проходъ очень-выразительно: *Шамширъ-буръ*—сабельный рубецъ: утесъ какъ-бы разрубленъ надвое, и съ обѣихъ сторонъ отвѣсныя стѣны поднимаются надъ головою на значительную высоту, оставляя между собою ровно столько пространства, чтобъ можно было проѣхать верхомъ. Дорога очень-негладка и лошадь безпрестанно спотыкается; всадникъ и конь колотятся направо и налѣво о вертикальныя скалы, обрызгиваясь въ то же время грязью горнаго ручья, который пробирается внизъ по ущелью. Надъ головою едва видна узкая полоса синяго неба. Какъ благословляете вы судьбу, когда, промучившись цѣлый часъ въ этой темнотѣ, выѣзжаете наконецъ чрезъ высокія ворота въ открытую поляну! Здѣсь поля, засѣянныя чернымъ ячменемъ, потомъ спускъ въ долину и луга *Совера*, орошаемые тѣмъ же самымъ ручейкомъ, вашимъ постояннымъ спутникомъ по Шамширбуру; онъ также, кажется, очень-счастливъ, что вырвался на свѣтъ Божій и весело бѣжитъ въ долину Шах-Ку, гдѣ вливается въ рѣку того же имени.

При выѣздѣ изъ Шамшир-бура начинается астерабадская область; по ту же сторону его вся страна вплоть до Ассерана составляетъ округъ Хезорджерибъ, входящій въ составъ Мазандерана.

Хезорджерибъ дѣлится на *Дуденге* и *Чехоръ-Денге;* въ первомъ считается отъ 60 до 70 деревень и деревушекъ, во второмъ вдвое болѣе. Дуденге начинается отъ Ассерана и простирается до Чешме-Али; Чехорденге заключаетъ въ себѣ все остальное. Весь округъ Хезорджерибъ можно опредѣлить слѣдующими границами: Къ ю. в. Альбурскій Хребетъ отдѣляетъ его отъ Демгана и Семнана; къ с. онъ встрѣчаетъ долину Шах-Ку, лежащую между нимъ и главною цѣпью горъ и касается низовыхъ земель Мазандерана; къ западу, линія, протянутая отъ *Ашрефа* до *Ширго* обозначала бы предѣлы его, хотя не весьма-акуратно.

Хезорджерибъ богатъ лѣсами и водою. Рѣки *Шах-Ку*, *Теджень*, *Банафтъ*, съ многочисленными впадающими въ нихъ рѣчками и ручьями, вытекаютъ изъ этого округа, или протекаютъ черезъ него на пути своемъ въ плоскій край мазандеранскій.

Поселяне сѣютъ въ долинахъ рисъ, а по скатамъ горъ пшеницу и ячмень. Каспійскіе туманы и дожди достаточно орошаютъ поля ихъ и они не нуждаются въ искусственной поливкѣ, подобно прочимъ, не столь-выгоднымъ частямъ средней Персіи.

Въ Хезорджерибѣ также много овецъ и рогатаго скота; лѣтомъ они пасутся въ горахъ и лѣсахъ, а на два послѣдніе осенніе мѣсяца и на три зимніе перегоняются ближе къ морскому берегу, по причинѣ непогодъ, холода и глубокихъ снѣговъ, которые лежатъ въ горахъ долѣе персидскаго новруза, или весенняго равноденствія.

Хезорджерибъ Дуденге дѣлится на четыре булука, или уѣзда:

1) *Банафтъ*, отъ Ассерана до Ширго, граничитъ къ западу съ Фируз-Ку и Савад-Ку.

2) *Феринъ*, къ с. отъ перваго, съ главнымъ городомъ того же имени, въ 12 фарс. къ ю.-в. отъ Сари и 8 фарс. къ с. отъ Фулад-Магале.

3) *Пуштику*, къ ю. отъ великой цѣпи альбурской, заключаетъ въ себѣ *Гарендъ*, *Ресме рудбаръ*, и *Фулад-магале*.

4) *Зире-ку* у сѣверной подошвы той же цѣпи и къ з. отъ Чехорденге.

Дуденге, какъ выше сказано, имѣетъ отъ 60 до 70 деревень, или, лучше сказать, деревушекъ, и выставляетъ на службу 300 стрѣлковъ. Правильная подать не превышаетъ 750 томановъ, изъ которыхъ ни полушка не поступаетъ въ казну, а распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Везифе, или духовный окладъ. . . .	180	томановъ.
Жалованье милиціи и губернатору. .	420	—
Пенсіи	150	—
И того	750	томановъ, или червонцевъ.

Главный продуктъ Ферина—знаменитый рисъ *амбербу*, такъ-называемый потому, что, свареный, онъ пахнетъ амброю (янтаремъ). Этотъ рисъ ростетъ въ долинахъ по берегамъ рѣкъ *Теджина* и *Ширинруда* на пространствѣ одного фарсанга.

Банафтъ и долина *Фулад-Магале* производятъ болѣе всего пшеницу, славящуюся своею бѣлизною.

Хезорджерибъ Чехорденге, къ которому принадлежатъ Чешме-Али и большія деревни *Келати и Чехорденге,* содержитъ, какъ увѣряютъ, вдвое болѣе деревень, чѣмъ *Дуденге.* Мнѣ кажется, это преувеличено. *Чехорденге* состоитъ также изъ горъ и долинъ; врядъ ли можно вообразить себѣ картину живописнѣе долины Шахъ-Ку. Кое-гдѣ крутые берега рѣки осѣнены высокими деревьями, которыя нависли надъ потокомъ; далѣе, волнами понижаются горы, одѣтыя зеленою муравою, или обращенныя въ поля трудолюбивыми поселянами.

Въ мѣстахъ, гдѣ долина расширяется, богатыя плантаціи сходятъ террасами; по обѣ стороны возвышаются амфитеатромъ громады горъ, покрытыхъ густыми лѣсами.

Уединенныя хижины и небольшія деревушки разбросаны по скатамъ горъ или затеряны въ лѣсу, и только струя дыма, вьющаяся надъ верхушками деревъ, обличаетъ ихъ существованіе въ ранній утренній часъ, когда, съ восходящимъ солнцемъ, начинаются вседневныя заботы трудолюбивой жизни; «потому что, гдѣ бы ни проснулся человѣкъ, вездѣ удѣлъ его — суета и забота!...» (*)

Произведенія Чехорденге, равно какъ и Дутенге состоятъ изъ хлѣба и риса; въ округѣ *Зальмерудъ*, кромѣ-того, ростетъ еще и хлопчатая бумага при истокѣ *Теджина*.

Климатъ Хезорджериба здоровъ; жители сильны и крѣпки. Воздухъ не такъ сыръ, какъ въ низменныхъ краяхъ Мазандерана и Астерабада, и не такъ сухъ, какъ въ Иракѣ и Хорасанѣ, на югѣ великой цѣпи Альбурскихъ Горъ. Большое возвышеніе надъ уровнемъ моря и близость снѣжнаго Шах-Ку умѣряютъ лѣтній зной; но зимы въ Хезорджерибѣ очень-суровы и земля лежитъ подъ снѣгомъ четыре или пять мѣсяцевъ.

Многочисленнѣйшіе изъ кочующихъ племенъ *пельверы*, пасущіе лѣтомъ стада свои на горахъ и долинахъ Гаренда и Ресме-Рудбара; это дикій, безпокойный народъ, съ которымъ насилу ладятъ собственные ихъ начальники.

Главный начальникъ въ Хезорджерибѣ Ибрагимъ-Ханъ; теперь онъ старъ уже, но въ молодости за буйство и непокорность былъ лишенъ зрѣнія Фетъ-Али-Шахомъ.

По выѣздѣ изъ Шамшир-бура, мы оставили вправѣ, въ горахъ, деревню *Разулъ*, переѣхали отрасль горъ и спустились въ долину Шах-ку, идущую отъ востока юго-востока къ западу сѣверо-западу, переѣхали рѣку, ѣхали нѣсколько времени лѣсомъ къ сѣверо-востоку и востоку сѣверо-востоку, потомъ поднялись круто въ гору на высокую площадь Джеган-Наме; здѣсь разбили мы свои палатки—и приглашаю васъ любоваться вмѣстѣ со мною *Зрѣлищемъ міра!*

Джеган-Наме, 26-го іюня.

Pleasant were many scenes, but most to me
The solitude of vast extent, untouched
By hand of Art, where Nature sowed herself
And reaped her crops
(Pollock — on the course of Time).

Сейчасъ возвратился я съ прогулки, промокнувъ до нитки, надѣлъ сухое платье и сажусь разсказывать свои приключенія.

(*) «...For wake where'er he wile
Man wakes to care a toil».
(Lord of the Isles — Walter Scott).

Утро было прекрасное; я всталъ рано, отправился осмотрѣть мѣстность и скоро дошелъ до опушки лѣса. Давно ужь былъ я лишенъ удовольствія гулять въ тѣни большихъ деревьевъ; средняя Персія, подобно Испаніи, совершенно безлѣсна; кое-гдѣ около деревень случается видѣть зелень, но деревья обыкновенно стѣснены между пыльныхъ стѣнъ, или посажены въ симетрическомъ порядкѣ по берегу ручья. Все искусственно, мелко; здѣсь садила и разводила одна природа; все въ большихъ размѣрахъ — все прекрасно, великолѣпно!

Минуя отдѣльныя купы деревьевъ и небольшія рощи, я скоро углубился въ чащу дремучаго лѣса. Я любовался развѣсистыми вѣтвями величественныхъ дубовъ, густою зеленью разныхъ деревьевъ, которыхъ не зналъ и названія. Могучая растительность, разнообразіе цвѣтовъ и оттѣнковъ зелени; волны свѣта, обливавшія нѣкоторыя части картины и темныя массы тѣни, въ которой погружены были другія; красивыя вѣтки плюща, легкою плетеницею пробѣгавшія по вѣковымъ деревьямъ — все приводило меня въ восхищеніе. Не могу выразить вамъ, что̀ ощущалъ я въ это время. Я окруженъ былъ неизмѣримою пустынею—и не чувствовалъ одиночества. Не было поблизости ни живой души, однако была жизнь въ жужжаніи насѣкомыхъ, въ шелестѣ листьевъ, въ легкомъ шумѣ, производимомъ падающими сухими вѣтками; была жизнь въ глухомъ гулѣ, который несся изъ таинственной чащи лѣса; дивный языкъ этотъ не былъ мнѣ чуждъ: онъ пробуждалъ струну, которая сладостно звучала во глубинѣ сердца.

Читали ли вы прекрасные, но малоизвѣстные стихи американца Лонгфелло, вдохновенные дѣвственною природою Новаго Свѣта?... Они отчасти выражаютъ то̀, что̀ происходило у меня на душѣ.

Therefore at Pentacost, which brings
The spring, clothed like a bird,
When nestling buds unfold their wings
And Bishops caps have golden rings
Musing upon many things
I sought the woodlands wide.

The green trees vhispered low and mild;
It was a sound of joy;
They were my playmates, when a child
And rocked me in their arms to wild!
Still they looked at me and smiled
As if I were a boy:

And ever whispered mild and low
«Come, be a child once more!»
And waved their long arms to and fro
And beckoned solemnly and slow;

Oh! I could not choose but go
Into the woodlands hoar.

Into the blithe and breathing air
Into the solemn wood,
Solemn and silent wery where!
Nature whith folded hands seemed there
Kneeling at her evening prayer!
Like one in prayer I stood!

(Longfellow, «Voices of the night») (*).

Величественныя картины, святыя воспоминанія дѣтства и нѣжной улыбки матери, которая содѣлывала дѣтство раемъ, влекли неодолимо къ бесѣдѣ съ Богомъ, къ молитвѣ, которой научила мать—ка̀къ рѣдки и ка̀къ быстротечны такія минуты!... Нечасто приходятъ онѣ, и всегда послѣ глубокаго унынія душевнаго. Въ душномъ воздухѣ тяжко плывутъ свинцовыя тучи, предвѣстницы бури; слышится отдаленный громъ; чудный переворотъ совершается въ природѣ. Вотъ упало на землю нѣсколько крупныхъ капель; вотъ огненная струя змѣею извилась по небу; хлынулъ дождь — и тучи свиваются и клубятся, небо яснѣетъ, и яркое солнце улыбается возрожденной природѣ.

Стыдно плакать при людяхъ: это означаетъ слабость, а мы хотимъ казаться сильными; но передъ Богомъ зачѣмъ таить слезы?... Создатель нашъ знаетъ сокровеннѣйшіе изгибы сердецъ нашихъ; Онъ знаетъ, ка̀къ слабъ и малодушенъ храбрѣйшій изъ людей; только въ тѣхъ, которые исповѣдаютъ Ему немощь свою, являетъ Онъ Свою силу!

Погруженный въ созерцаніе, я шелъ впередъ, не обращая вниманія на бѣлые пары, пробиравшіеся между густыми вѣтвями деревьевъ; сначала они были легки и прозрачны, но постепенно сгущались и наконецъ покрыли меня влажнымъ облакомъ. Я зналъ, что туманы, притягиваемые здѣшними лѣсами съ моря, лежатъ иногда по цѣлымъ днямъ прежде, нежели разсѣются въ воздухѣ или разрѣшатся дождемъ. Я поспѣшилъ домой; но чѣмъ болѣе шелъ, тѣмъ гуще и непроходимѣе становился

(*) Бывало, въ троицынъ день, когда природа красуется въ весеннемъ уборѣ, когда молоденькія птички расправляютъ крылышки, когда золотыя колечки обвиваютъ шейку *баклановъ*—любилъ я мечтать въ глуши лѣсовъ.

Тихо шептали зеленыя деревья и напѣвали мнѣ радостную пѣснь свою; они манили меня въ свои объятія—это были любимыя мечты дѣтства моего!

И вотъ опять лѣсъ смотритъ на меня и улыбается мнѣ, ка̀къ въ давноминувшіе годы младенчества, и опять тихо шепчетъ онъ мнѣ: «будь снова ребенкомъ!» Онъ покачиваетъ длинными вѣтвями, медленно, величаво киваетъ мнѣ своими вершинами — и я иду въ чащу дремучаго лѣса.

Все безмолвно, все торжественно въ глуши лѣсной; радостью дышетъ воздухъ; кажется, природа преклоняется предъ Творцомъ своимъ и простираетъ къ Нему руки въ вечерней молитвѣ—вмѣстѣ съ нею молился и я!

лѣсъ. Здѣсь повалившееся вверхъ корнями дерево преграждало мнѣ дорогу; я долженъ былъ обойдти его; тамъ надобно было свернуть въ сторону, потому-что плющъ, перебираясь фестонами съ вѣтки на вѣтку, совершенно переплеталъ дорогу. Ясно было, что я заблудился. Лѣсъ все становился диче и гуще, слѣдовательно я все болѣе удалялся отъ своихъ палатокъ. Вдругъ услышалъ я стукъ топора и пошелъ въ ту сторону; скоро послышались человѣческіе голоса какъ-будто снизу... Я очутился на краю крутаго оврага и, цѣпляясь руками за вѣтви, спустился кое-какъ къ берегамъ горнаго потока. Ни живой души кругомъ! Кричу — нѣтъ отвѣта! кричу громче — то же безмолвіе, даже стукъ топора не слышенъ болѣе. Вдругъ поразила меня мысль: если это туркменцы, которые заходятъ иногда далеко внутрь страны и бродятъ по лѣсамъ, ища добычи, можетъ-быть, они услышали голосъ мой и, прячась въ деревьяхъ и кустахъ, сторожатъ свою жертву...

Я вспомнилъ, какъ, въ 1836 году, съ другомъ моимъ барономъ Торнау и капитаномъ Стоддартомъ (*) бродили мы по лѣсамъ *калпушскимъ;* тогда шахъ стоялъ подлѣ съ войскомъ своимъ; насъ было много и мы были хорошо вооружены — и тогда насъ предостерегали отъ нечаяннаго набѣга туркменцовъ; а теперь я одинъ, при мнѣ только сабля.

Давно ли я такъ отрадно бесѣдовалъ съ Творцемъ моимъ, давно ли безгранично предавалъ себя святой волѣ Его, а теперь мысль попасться къ туркменцамъ приводила меня въ ужасъ — такъ малодушна наша природа! такъ слаба наша вѣра!...

Велико невѣріе сердца человѣческаго!... Какъ усердно увѣряемъ мы другихъ и самихъ себя, что вѣруемъ искренно; но когда наступитъ случай доказать это на дѣлѣ—мы сомнѣваемся, боимся того или другаго; а что же есть вѣра, какъ не *безусловная* преданность святой волѣ Божіей?...

Я все это сознавалъ вполнѣ, однако, признаюсь, не могъ снести мысли о тяжкомъ рабствѣ у туркменцевъ. Поспѣшно шелъ я, отыскивая дорогу въ туманѣ и чащѣ лѣса; послѣ многихъ трудностей, удалось мнѣ наконецъ выбраться на лугъ, гдѣ паслось нѣсколько коровъ; вѣроятно, онѣ приняли меня за туркменца, потому-что пустились бѣжать со всѣхъ ногъ. Туманъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ такъ густъ, что, казалось, можно было взять его рукою; въ другихъ рѣдѣлъ и клубился; но вообще вся масса его колыхалась вокругъ меня какъ волнующееся море.

Снова послышались голоса (на этотъ разъ окликали меня по имени; я поспѣшно отозвался): это былъ мой вѣрный Гади-бекъ; онъ искалъ

(*) Тотъ самый, который впослѣдствіи былъ преданъ смерти бухарскимъ ханомъ.

меня; сгущающійся туманъ заставилъ его безпокоиться; онъ собралъ нѣсколько туземныхъ пастуховъ и отправился меня отъискивать.

Астерабадъ, 27-го іюня.

Вотъ я и въ Астерабадѣ! Суетливый день прошелъ; все утихло; я отдохнулъ и сажусь писать вамъ, друзья мои.

Сегодня проѣхалъ я самую трудную станцію на всей дорогѣ изъ Тегерана; надобно было спуститься съ сѣверной покатости Альбурскихъ Горъ, въ низовый край каспійскаго прибрежья. Этотъ переѣздъ, сверху внизъ, совершился въ шесть часовъ; большею-частью крутымъ спускомъ по каменистой и часто очень-скользкой дорогѣ, посреди дремучихъ, въ-древности знаменитыхъ гирканскихъ лѣсовъ.

Этотъ спускъ называется очень-характеристически: *Сундук-шикенъ*, сундуко-ломъ.

Остальная часть дороги шла кустарникомъ и гранатовыми рощами. Съ высоты видѣлъ я и Каспійское Море, какъ свѣтлую полосу на горизонтѣ. Ѣхали и полями, съ которыхъ хлѣбъ уже убранъ въ амбары, торчащіе на высокихъ столбахъ, въ предохраненіе отъ сырости и, можетъ-быть, также отъ полевыхъ мышей. Сѣно и солома также сложены на вѣтвистыя деревья. Внизу на поливныхъ поляхъ разводятъ и рисъ.

Неподалеку отъ города меня встрѣтила депутація, состоящая изъ калентара и кедхудъ, или гражданскихъ чиновниковъ Астерабада, которые проводили меня до квартиры. Сюда пріѣхалъ ко мнѣ и *наибъ или намѣстникъ* губернатора, *кади*, то-есть судья, и нѣсколько другихъ; самъ же губернаторъ, Мухаммедъ-Назр-Ханъ теперь въ отлучкѣ, у гоклановъ туркменскихъ.

Завтра отправлюсь отдать визитъ наибу; онъ сынъ губернатора. Но такъ-какъ завтра пятница, то-есть мусульманская джума, которую они свято соблюдаютъ, то я поѣду послѣ обѣда.

Вы безпокоитесь насчетъ астерабадскихъ жаровъ въ это время; спѣшу васъ успокоить: здѣсь всѣ говорятъ, что въ нынѣшнемъ году погода необыкновенно-хороша и о больныхъ вовсе неслышно.

Ввечеру я любовался великолѣпнымъ освѣщеніемъ далекихъ туркменскихъ степей; надъ ними разливался свѣтъ, какъ-будто зарево пожара; теперь все погасло, и пространная Кипчакская Степь, которая тянется до самой Хивы, погружена въ темнотѣ ночи. Завтра взойдетъ солнце и мракъ исчезнетъ; но когда исчезнетъ глубокій мракъ варварства и невѣжества, въ которомъ погружены жители этихъ пустынь? когда Солнце Правды озаритъ ихъ души спасительнымъ свѣтомъ откровенія? — это тайна, которую Всемогущій Творецъ донынѣ не соблаговолилъ еще открыть намъ.

III.

Туренг-Тепе и кладъ.

Любопытныя обращики древняго ювелирства въ шахскомъ музеѣ. — Поѣздка въ Туренг-Тепе.—Деревня Сія-Талу. — Семья гаудоровъ. — Племя махсуд-лу въ Сурхан-Кулахѣ. — Описаніе Туренгтепейской Колоніи. — Образъ колонизаціи, употребляемый астерабадскимъ губернаторомъ. — Кладъ, найденный въ курганѣ.—Подозрѣнія, павшія на губернатора. — Участь работниковъ. — Нѣчто о погребеніи скиѳскихъ царей. — Мраморныя женскія фигуры. — Новѣйшіе курганы въ туркменскихъ степяхъ. — Примѣты, отличающія послѣдователей Зороастра отъ прочихъ вѣроисповѣданій. — Возвращеніе въ Астерабадъ.

Шахъ зналъ, кàкъ я интересуюсь персидскими древностями и, за нѣсколько мѣсяцевъ до отъѣзда моего изъ Тегерана, приказалъ любимцу своему хаким-баши, или придворному медику, Мирза-Бабѣ, показать мнѣ нѣкоторыя любопытныя обращики древняго ювелирства, недавно-присланные ему астерабадскимъ губернаторомъ и найденные въ одномъ изъ кургановъ, которыхъ такъ много въ здѣшнемъ краю. Я срисовалъ ихъ. Пріѣхавъ въ Астерабадъ, мнѣ очень захотѣлось увидѣть то мѣсто, гдѣ они отъисканы; оно находится отсюда только въ трехъ фарсангахъ, и я воспользовался первой свободной минутой съѣздить въ Туренг-тепе.

Итакъ, въ одно прекрасное утро я велѣлъ осѣдлать коней и, взявъ съ собою слугъ своихъ, выѣхалъ изъ Астерабада чрезъ бостамскую заставу на широкую дорогу, пролегавшую между рощами гранатовыхъ деревьевъ. Оставивъ вправѣ деревни *Бала-бульбуль* и *Аузине* у подошвы Альбурскихъ Горъ, мы переѣхали по каменному мосту чрезъ *Зоендерудъ,* который вытекаетъ изъ горъ близь *Зіярета,* орошаетъ рисовыя долины *Пукирдъ,* приносящія до тысячи харваровъ (харваръ—мѣра, которую можетъ снести оселъ) рису и оплодотворяетъ труды бѣдныхъ поселянъ, производя въ маломъ видѣ тò, чтò соименникъ его, Зоендерудъ исфаганскій, производитъ въ огромномъ размѣрѣ на равнинахъ Ирак-Аджема.

Черезъ часъ мы переѣхали *Зія-талу*—горный потокъ, вытекающій изъ *Кузлукскаго* Ущелья и протекающій черезъ деревню *Зія-талу,* состоящую изъ сорока или пятидесяти домовъ. Это было нѣкогда значительное мѣсто, населенное каджарскимъ племенемъ *Давалу,* дѣлавшимъ частые набѣги на Астерабадъ, жилище *Кавалну* каджаровъ. Эти два племени смертельно ненавидѣли другъ друга. Въ домахъ были обширныя темницы и подземелья. Теперь эта деревня разорена; она принадлежитъ близкому родственнику Асаф-ут-Доулета, дяди по матери Мухаммедъ-Шаха.

Близь деревни *Поин-Джалимъ,* лежащей у подошвы высокаго кургана за полфарсанга къ югу отъ Кузлукскаго Ущелья, я повстрѣчалъ семейство страннаго племени *гаудоровъ.*

Гаудоры не персидскаго происхожденія; они попадаются только въ окрестностяхъ городовъ и деревень въ Астерабадѣ и Мазандеранѣ. Полагаютъ, что они вышли изъ Индіи при Надир-Шахѣ и, можетъ-быть, принадлежатъ къ племени индійскихъ паріевъ, слѣдственно, пришлецы въ Персіи. Гаудоры считаются хорошими стрѣлками, поэтому персіяне нанимаютъ ихъ защищать рисовыя поля отъ дикихъ кабановъ. Подъѣзжая къ деревнѣ, я видѣлъ нѣсколько кабаньихъ шкуръ, развѣшенныхъ на вѣтвяхъ деревьевъ — вѣроятно, это трофеи гаудоровъ. Они также ѣдятъ кабанье мясо, которое считается мерзостью у мусульманъ. Семья гаудоровъ, которую я видѣлъ, состояла изъ мужа, двухъ молодыхъ женщинъ и маленькаго ребенка, котораго одна изъ женщинъ качала въ люлькѣ, повѣшенной на вѣтви дерева, по обычаю индійскихъ матерей. Они казались очень-бѣдны, почти неодѣты; женщины, хотя очень-смуглы, но прекрасны собою, высоки ростомъ, стройны и граціозны; черты лица ихъ правильны. Впослѣдствіи я буду говорить о нихъ болѣе.

Потомъ пріѣхали мы въ деревню *Сурхан-Кулахъ*, также лежащую у кургана и состоящую изъ 400 до 500 домовъ. Деревня эта богата и населена турецкимъ племенемъ *Махсуд-лу*, переведеннымъ сюда Аббасомъ-Великимъ изъ нашего *Карабаха*. Они нѣкогда занимали *Роміонъ* и были сильнымъ народомъ, но междоусобныя распри и войны съ туркменцами значительно уменьшили число ихъ. Теперь ими правитъ *Абдулъ Самедъ-Ханъ*, величавый мужчина. Деревня имѣетъ красивое мѣстоположеніе, окружена лѣсами и шелковичными садами; здѣсь выдѣлывается много шелку.

Еще черезъ часъ пути мы пріѣхали въ другую большую деревню *Шамсабадъ*, въ которой отъ 60 до 70 домовъ, расположенныхъ въ шелковичныхъ садахъ. Подобно многимъ деревнямъ въ астерабадской области, Шамсабадъ обнесенъ стѣнами и окруженъ рвомъ.

Наконецъ достигли мы *Туренг-Тепе*, что значитъ *Фазаній Курганъ;* родовое имя этой птицы на персидскомъ языкѣ *каркаулъ*, но собственно фазанъ называется *туренгъ* (всѣхъ цвѣтовъ).

Птица эта водится во множествѣ по берегамъ Каспійскаго Моря, особенно въ буковыхъ и миртовыхъ лѣсахъ, которыхъ такъ много въ низовомъ краю. Какъ ни вкусно фазанье мясо, но оно скоро пріѣдается; соленое же его пересылаютъ въ Тегеранъ и далѣе; тогда оно гораздо вкуснѣе; впрочемъ, о вкусахъ нельзя спорить.

Курганъ Туренг-Тепе стоитъ на возвышенной почвѣ; мѣсто открытѣе, чѣмъ вообще въ окрестностяхъ Астерабада, и господствуетъ надъ равниною къ сѣверу. Широкая рѣка, непересыхающая даже въ лѣтніе жары, подобно прочимъ здѣшнимъ рѣкамъ и ручьямъ, протекаетъ у подошвы кургана и потомъ вливается неподалеку отсюда въ Карасу. Тутъ же поблизости есть черезъ Карасу порядочный бродъ, ведущій въ Туркменію.

Здѣсь астерабадскій беглербегъ, или губернаторъ, вздумалъ заселить свою новую деревню *Нузретабадъ* поселянами, переведенными изъ разныхъ деревень, принадлежавшихъ его предшественнику. Такимъ образомъ собрали здѣсь разнокалиберный народъ, состоящій изъ 150 турецкихъ, белучскихъ, астерабадскихъ и даже гокланскихъ семействъ.

Бѣдняки очень-недовольны этой принужденной эмиграціею изъ прежнихъ жилищъ своихъ, къ которымъ они привыкли съ самаго дѣтства. Они тоскуютъ о своихъ поляхъ , о садахъ , которые насадили отцы и дѣды ихъ, о шелковичныхъ плантаціяхъ, о старыхъ домахъ своихъ, которые они приладили и устроили , сколько позволяли ихъ способы и требованія — о всѣхъ милыхъ воспоминаніяхъ дѣтства, любви и семейныхъ связей, о всемъ, что̀ привязываетъ насъ къ родинѣ и что̀ они покинули для угожденія прихоти суроваго властелина. Теперь они должны начинать жизнь снова, со всѣми трудами, лишеніями, опасностями и сердечными горестями , потому-что они осуждены бороться не съ одною грубою, невоздѣланною природою; они подвержены безпрестаннымъ набѣгамъ ямуд-туркменцевъ, заклятыхъ враговъ беглербега , и которые рады излить на нихъ месть свою за обиды, нанесенныя имъ правителемъ. Страшенъ будетъ отчетъ беглербега въ управленіи въ великій день суда Божія!...

Жилья бѣдныхъ поселянъ очень-воздушныя и сквозныя , а именно: *талары,* какъ они называютъ, то-есть легкія палатки , торчащія на высокихъ кольяхъ. Хорошо, пока жарко и сухо; но не знаю, каково будетъ бѣднякамъ , когда наступитъ холодъ. Домовъ здѣсь вовсе нѣтъ; только тамъ и сямъ разбросаны хижины, сплетенныя изъ хвороста, и нѣсколько черныхъ шатровъ, принадлежащихъ, вѣроятно, гокланамъ.

Для себя же беглербегъ выстроилъ прекрасный домъ на вершинѣ высокаго кургана; тутъ есть также удобное помѣщеніе для его прислуги. Все жилище обнесено толстою кирпичною стѣною. Это одно показываетъ, ка̀къ обширенъ курганъ.

Это жилище необитаемо въ-отсутствіе беглербега, и потому я занялъ его; съ вершины прекрасный видъ на окрестность. Къ юго-западу бѣлѣются стѣны Астерабада; двѣ болѣе-значительныя высоты Альбурскаго Хребта, *Кале-Моронъ* къ востоку чрезъ востокъ юго-востокъ и *Нилку* къ востоку чрезъ востокъ сѣверо-востокъ въ землѣ гоклановъ синѣютъ въ отдаленіи.

Хотя мы еще въ концѣ іюля, но ночь была очень-холодна и я провелъ ее частью въ тщетныхъ догадкахъ : не здѣсь ли, въ Туренг-Тепе, должно искать мѣсто столицы древней Гирканіи?... Страбонъ упоминаетъ о многихъ городахъ, не опредѣляя ихъ мѣстоположенія. Мнѣ кажется несомнѣннымъ , что на этомъ мѣстѣ нѣкогда долженъ былъ стоять городъ : выгодная мѣстность подтверждаетъ эту догадку ; два горныя ущелья—*Кузлукъ* за два фарсанга къ югу и *Катулъ* за три фарсанга къ востоку — открываютъ проходъ чрезъ большой хребетъ въ

верхній край хорасанскій; а обѣ покатости Альбурскихъ Горъ, южная и сѣверная, входили въ составъ Пароянскаго Царства.

Прорывая глубокіе рвы вокругъ кургана, работники находили груды обожженаго кирпича, также обломки посуды, что въ Персіи всегда означаетъ существованіе нѣкогда города поблизости.

Но лучшимъ доказательствомъ служитъ самый курганъ, въ которомъ недавно отрыли много любопытныхъ и драгоцѣнныхъ вещей.

Я срисовалъ многія изъ нихъ (*), но они составляютъ лишь малую часть всего найденнаго; я видѣлъ только тѣ, которыя присланы къ шаху; прочія губернаторъ приберегъ для себя и, вѣроятно, никто никогда ихъ не увидитъ. Многія изъ тѣхъ, которыя я видѣлъ, изъ чистаго золота, напримѣръ: 1) золотой стаканъ, вѣсомъ въ 36 унцій; онъ снизу очень-погнутъ и поврежденъ. Рисунки, на немъ изображенные, напоминаютъ первобытныя времена искусства. На немъ вычеканены двѣ фигуры: мужская и женская. Верхняя часть тѣла мужчины обнажена; нижняя, отъ пояса до колѣнъ, прикрыта звѣриною кожею мѣхомъ наружу, согласно обычаю дикихъ племенъ, пришедшихъ съ береговъ Каспійскаго Моря и участвовавшихъ въ греческомъ походѣ великаго царя. Геродотъ упоминаетъ о нихъ (въ кн. VII, 67), говоря, что они одѣвались въ звѣриныя кожи. Въ правой рукѣ мужчина держитъ кривой ножъ, какіе и донынѣ еще употребляютъ астерабадскіе крестьяне и всегда берутъ съ собою, выходя изъ дома, чтобъ расчищать себѣ дорогу въ чащѣ лѣса; единственная разница въ томъ, что изгибъ нынѣшняго ножа кривѣе. Одежда женской фигуры спускается отъ бедръ до лодыжекъ; на рукахъ и ногахъ ея надѣты запястья.

Кромѣ того, на стаканѣ изображены еще два льва, готовые прыгнуть, два кипариса и четыре большія пчелы, летающія надъ ними (**).

Хотя увѣряютъ, что львы водились нѣкогда въ гирканскихъ лѣсахъ, но ныньче ихъ совсѣмъ не видно. Леопарды же и тигры, даже царскіе тигры, часто попадаются въ лѣсахъ и Альбурскихъ Горахъ, даже въ кустарникахъ.

Кипарисы не ростутъ дико въ лѣсахъ, спускающихся съ горнаго хребта до береговъ Каспія; пересаженные же сюда достигаютъ великолѣпнаго развитія и значительной высоты. Я въ Персіи видѣлъ только одну кипарисовую рощу; это было въ Бахмейскихъ Горахъ, неподалеку отъ Бебехана, въ юго-западной части Ирана, на мѣстѣ древняго

(*) Рисунки эти были представлены мною при запискѣ Англійскому Археологическому Обществу и помѣщены въ трудахъ онаго (см. vol. II, a XXX — 1844).

(**) Французскіе антикваріи должны бы потрудиться отъискать сродство между пароскими и арзасидскими пчелами и пчелами, покрывающими мантію французскихъ императоровъ.

Элимаиса, упоминаемаго въ св. писаніи; *можетъ-быть*, это была одна изъ священныхъ рощъ, посвященныхъ богинѣ *Анаитидѣ*.

Пчелы, изображенныя на стаканѣ, подтверждаютъ догадку о мѣстоположеніи древней Гирканіи, потому-что эта страна изобиловала медомъ.

2) Долженъ быть свѣтильникъ, съ длиннымъ рыльцемъ, вѣситъ 70 унцій золота. Украшенія его выработаны гораздо-искуснѣе, чѣмъ на вышепомянутомъ стаканѣ. Пониже рыльца находится прекрасно-отдѣланная голова *бузику*, или горнаго козла, который предпочитаетъ безплодныя вершины альбурскія лѣсистымъ покатостямъ хребта, понижающимся до Каспія. Подлѣ него кавказскій коршунъ, о которомъ такъ подробно разсказываетъ академикъ Гмелинъ въ путешествіи своемъ въ Гилянъ. Эти коршуны водятся во множествѣ на берегахъ Каспія и часто цѣлыми стаями нападаютъ на дохлую рыбу, которую наши рыбопромышленики въ Персіи бросаютъ на берегу, вынувъ изъ нея только клей. 3) Золотой кувшинъ съ чеканенными украшеніями, вѣситъ $11^1/_2$ унцій и 4) двѣ маленькія золотыя трубы, вѣсящія обѣ $5^1/_2$ унцій. Онѣ въ миньятюрѣ походятъ на трубы, употребляемыя въ Персіи при Некире-Хане, или павильонѣ, гдѣ, на закатѣ солнца, музыка играетъ въ честь шаха. 5) *Изломанная женская фигура изъ красноватаго или тѣлеснаго цвѣта камня*. 6) *Также женская фигура, безъ головы*. Очертанія ея не такъ красивы, какъ въ первой, и угловаты. Груди слишкомъ-близки и овальной формы; между плечъ есть впадина, въ которой, вѣроятно, утверждена была голова. Эта фигура сдѣлана изъ бѣложелтоваго камня, похожаго на марагскіе мраморы, находимые въ адербейджанской области. 7) и 8) Ваза и кувшинъ изъ того же камня. Есть еще подобный кувшинъ, но изломанный. 9), 10), 11), 12), 13) и 14)—наступательныя и оборонительныя оружія, какъ-то: рукояти мечей, ножи, крючья; прекрасной работы молотокъ съ топоромъ на одномъ концѣ; нѣсколько длинныхъ и тонкихъ гвоздей и прутьевъ — всѣ мѣдныя и позеленѣли отъ времени. Замѣчательно, что въ числѣ всѣхъ этихъ вещей нѣтъ ни одной желѣзной; это обстоятельство подтверждаетъ истину показаній Геродота, который, упоминая о масагетахъ къ востоку отъ Каспія, говоритъ, что страна ихъ не производитъ желѣза, ни серебра, между-тѣмъ, какъ золото и мѣдь находятся въ изобиліи (см. Clio. 215) (*).

Мнѣ хотѣлось на мѣстѣ собрать свѣдѣнія, относительно найденнаго здѣсь клада, но жители сообщили ихъ неохотно и замѣтно боялись проговориться. Я могъ узнать нѣсколько подробностей только отъ людей, независящихъ отъ беглербега.

(*) Въ сосѣдней же провинціи Мазандеранѣ производится разработка желѣзныхъ рудъ поблизости *Амоля*, и только недавно найдены признаки желѣза въ горахъ Шах-Ку.

Кладъ этотъ найденъ былъ случайно. Два работника, копавшіе ровъ вокругъ новой деревни Нузрег-абадъ, которую выселялъ губернаторъ, нашли на сѣверной оконечности кургана Туренг-тепе отверстіе, которое вело въ подземный погребъ, гдѣ нѣсколько мѣдныхъ кувшиновъ были цѣпью прикованы къ стѣнѣ. Они дали о томъ немедленно знать губернатору; послѣдній, не теряя времени, поспѣшилъ на мѣсто, и только на другой день пригласилъ нѣсколькихъ муллъ и знатнѣйшихъ жителей Астерабада осмотрѣть сводъ и присутствовать при открытіи кувшиновъ. Въ нихъ не нашли ничего, кромѣ вышеописанныхъ мелочей и нѣсколькихъ человѣческихъ костей огромнаго размѣра, какъ увѣряютъ жители; еще нѣсколько бездѣлокъ, которыя разсыпались въ прахъ отъ прикосновенія наружнаго воздуха. Костей я не видѣлъ и колоссальность ихъ готовъ считать преувеличенною по персидской привычкѣ. Разсмотримъ и пояснимъ остальное.

Оградивъ себя такимъ-образомъ отъ обвиненія, составленнымъ въ Туренг-тепе протоколомъ, губернаторъ навьючилъ пять муловъ утаенными драгоцѣнностями и отправилъ ихъ на свою родину, въ Демганъ. Вышедъ къ ночи изъ Туренг-тепе, они сбились съ дороги въ тѣснинѣ Сундук-Шикенъ. Погонщики, боясь туркменцевъ, или самого губернатора, бѣжали. Мулы же были пойманы и приведены въ Астерабадъ, сейдабадскими поселянами. Какъ-то узнали, что они принадлежатъ губернатору и были имъ отправлены въ Демганъ. Этотъ несчастный случай навлекъ на него подозрѣніе, что дѣло несовсѣмъ-чисто.

Вообще говорятъ, хотя потихоньку, что беглербегъ нашелъ въ этихъ кувшинахъ множество драгоцѣнныхъ вещей, золотыхъ и серебряныхъ монетъ, статуэтокъ или идоловъ изъ драгоцѣнныхъ камней, но припряталъ ихъ для себя, потому-что, иначе, долженъ былъ бы отослать все въ казну: по закону, всякое найденное сокровище принадлежитъ шаху.

Жадный и скупой характеръ беглербега заставляетъ вѣрить этимъ обвиненіямъ; жаль только, если это правда, что для свѣта навсегда пропали драгоцѣнные предметы, которые могли служить ключомъ къ важнымъ археологическимъ открытіямъ. Говорятъ, что беглербегъ перелилъ всѣ монеты и прочія металлическія вещи, чтобъ скрыть всѣ слѣды.

Но вотъ послѣдствіе, подтверждающее подозрѣніе и бросающее мрачную тѣнь на всю эту исторію. Одинъ изъ работниковъ, отрывшихъ кладъ, пропалъ безъ вѣсти; другому, *Ибрагимъ Мухаммеду* Гулеми изъ Мир-Магале, по приказанію губернатора, отрѣзали половину языка, чтобъ научить его, какъ сказано въ приказѣ, не вести тайныхъ, измѣнническихъ сношеній съ врагами государства, туркменцами, или, слѣдуя въ-точности персидской фразеологіи, онъ казненъ за то, что *держалъ языкъ* съ туркменцами, *бо Туркменхо зебанъ доштъ*.

Бѣднякъ живетъ въ Туренг-тепе, но я избѣгалъ сношенія съ нимъ, чтобъ не подвергнуть его большимъ несчастіямъ.

Впослѣдствіи, другой персіянинъ, по имени *Курбанъ Али Ага*, роясь на вершинѣ кургана, нашелъ другой сосудъ, наполненный серебряными монетами, которыя, какъ увѣряютъ, разсыпались въ прахъ отъ прикосновенія воздуха. Беглербегъ не оставилъ бы его въ покоѣ, еслибъ онъ не прибѣгнулъ подъ защиту *Хаджи-Сеидъ-Муфи*, одного изъ духовныхъ сановниковъ астерабадскихъ.

Не интересно ли будетъ теперь справиться, что̀ говоритъ о погребеніи древнихъ царей скиѳскихъ старый пріятель нашъ Геродотъ, и сличить его описаніе съ новѣйшими открытіями?...

«Положивъ тѣло умершаго царя въ могилу на ложе изъ древес-«ныхъ вѣтвей, погребатели втыкаютъ копья со всѣхъ сторонъ подлѣ «тѣла, накладываютъ поверхъ ихъ деревянные брусья и скрѣпляютъ «все это ивовыми вѣтвями. Въ остальную часть ямы они бросаютъ «одну изъ наложницъ покойнаго, удавивъ ее прежде; виночерпія, пова-«ра, конюшаго, одного изъ слугъ, *нѣсколько лошадей*, перворожден-«ныхъ отъ всякаго скота, нѣсколько *золотыхъ стакановъ*, потому-«что никогда не употребляютъ *серебра* или *мѣди*. Кончивъ все это, «они всѣ принимались насыпать *высокій курганъ*, ревнуя въ усердіи «одинъ другому и стараясь сдѣлать его, какъ-можно-выше». (Herodotus Melpomene, C. 71—72 vol. 1) (*).

Конечно, это описаніе относится къ днѣпровскимъ или борисѳенскимъ скиѳамъ; но извѣстно, что скиѳы жили также и на восточныхъ берегахъ Каспійскаго Моря, потому-что здѣсь именно и сражался съ ними Александръ Великій.

Разбирая эти слова Геродота, замѣтимъ, что изъ числа металлической посуды въ Туренг-тепе найдена только *золотая*, что̀ согласуется съ описаніемъ, что скиѳскіе цари употребляли только *золотые стаканы*... Здѣсь найдены также мѣдные прутья и гвозди, которые, вѣроятно, употреблялись, подобно копьямъ, для поддержки и укрѣпленія связокъ дровъ.

Если въ-самомъ-дѣлѣ въ курганѣ найдены были необыкновенной величины кости, нельзя ли предположить, что это кости коней, погребаемыхъ въ одной могилѣ съ господиномъ, согласно скиѳскому обычаю, упомянутому Геродотомъ? Моголы и древніе германцы также имѣли это обыкновеніе.

Больше всего затрудняли меня двѣ женскія фигурки, найденныя здѣсь; ихъ было, вѣроятно, и болѣе. Я узналъ, что одна женская статуэтка, хорошо-уцѣлѣвшая, и съ головою, находится у одного астерабадскаго жителя, бывшаго на ту пору въ отлучкѣ; она была подарена его дѣтямъ вмѣсто игрушки. Для чего эти статуэтки были въ курганѣ?... На идо-

---

(*) См. также Quatremère въ замѣчаніяхъ его на сочиненіе Решидеддина «Histoire des Mongols» стр. 417 — 418.

ловъ онѣ непохожи. Быть-можетъ, въ позднѣйшія времена вдовы, предназначенныя сопровождать супруга своего въ послѣднее жилище его, нашли способъ избѣгнуть горькой участи удавленія, и полагали свои изображенія въ гробницу усопшаго, предпочитая всю жизнь оплакивать его кончину.

Можно дѣлать много догадокъ о происхожденіи и назначеніи множества кургановъ, которые встрѣчаетъ путешественникъ въ Персіи, Туркменіи и степяхъ Южной Россіи.

Не вдаваясь въ дальнѣйшее разбирательство, замѣчу только, что, по моему мнѣнію, вышеприведенныя слова Геродота весьма-удовлетворительно отвѣчаютъ на этотъ вопросъ и въ то же время объясняютъ причину значительной высоты нѣкоторыхъ изъ этихъ кургановъ, которые насыпались выше или ниже, по мѣрѣ усердія и привязанности живыхъ къ усопшему.

Обычай насыпать холмъ надъ усопшимъ и доселѣ соблюдается у туркменцевъ: прежде, чѣмъ погребсти тѣло на общемъ кладбищѣ, они кладутъ его на открытомъ полѣ и накидываютъ надъ нимъ небольшой бугоръ земли, чтобъ привлечь вниманіе прохожихъ, которые творятъ молитву по душѣ усопшаго. Эти бугры, впрочемъ, жалкое подражаніе огромнымъ древнимъ *тепе*; и если усердіе и любовь къ покойнику измѣряются высотою памятника, то горячность нынѣшнихъ туркменцевъ стоитъ на точкѣ замерзанія, между-тѣмъ, какъ ревность ихъ предшественниковъ поднимается до высочайшаго градуса жара.

Послѣдователи Зороастра отличались отъ тѣхъ, которые не слѣдовали его ученію наружнымъ знакомъ; они опоясывали свои *кости*, или *кушакъ*, вокругъ стана, между-тѣмъ, какъ послѣдніе обвивали имъ голову. Это отличительная разница между *Ираномъ* и *Анираномъ*. На головѣ мужчины, изображеннаго на стаканѣ, есть повязка; слѣдовательно владѣлецъ его принадлежитъ къ *Анирану* и проч. Шах-наме, или книга царей, указываетъ на здѣшнія мѣста, какъ на жилище враговъ древнихъ царей *Ирана* — страну *Туранъ*, въ героическіе вѣка персидскихъ романовъ.

Удовлетворивъ своему любопытству, сколько возможно было сдѣлать, не подвергая бѣдныхъ жителей гнѣву властелина, я оставилъ *Туренг-тепе* въ пять часовъ утра и направилъ путь свой на юго-юго-востокъ къ *Мир-Магале*, другой деревнѣ беглербега, состоящей изъ 70 или 100 домовъ и лежащей при той же рѣкѣ, какъ и Туренг-тепе. Здѣсь, переѣхавъ рѣку, мы свернули къ сѣверо-востоку и посѣтили деревню *Гуссейн-абадъ*, построенную на возвышеніи и хорошо-укрѣпленную. Эта деревня состоитъ изъ 400 домовъ; жители занимаются болѣе обработкою полей, которыя приносятъ до 700 харваровъ рису. Отсюда мы снова возвратились въ Мир-Магале, и, взявъ на юго-востокъ, прибыли въ *Сурхан-Кулахъ*, гдѣ я останавливался за день передъ тѣмъ и гдѣ добрые поселяне снова угостили насъ прекраснымъ моло-

комъ, пилавомъ и *кебабомъ*, или бараниной, жареной на вертелѣ; во время жаренья ее поливаютъ гранатовымъ сокомъ.

Поблагодаривъ хозяевъ за угощеніе, мы снова сѣли на коней и возвратились въ Астерабадъ, лежащій прямо на западъ отъ Сурхан-Кулаха. Я остался очень-доволенъ своею поѣздкою и готовъ ѣхать еще куда-нибудь, потому-что въ Персіи нигдѣ не чувствую себя такъ *дóма*, какъ въ дорогѣ.

IV.

Поѣздка въ степь къ туркменцамъ ямудъ.

Желаніе познакомиться съ степными туркменцами. — Депутація отъ туркменскихъ старшинъ, и приглашеніе въ ихъ шатры; отправляюсь съ ними. — Видъ степей. — Различный взглядъ на вещи. — Курганы. — Ямудскій абехъ, или кочевье. — Воздушный павильйонъ. — Балованный жеребенокъ. — Небрежное воспитаніе. — Туркменцы на молитвѣ. — Доенье коровъ. — Домашнія сцены. — Туркменскій ужинъ при свѣтѣ луны. — Ночныя сцены. — Развалины Ак-кале. — Бесѣда въ шатрахъ Кази. — Домашнія занятія туркменскихъ женщинъ. — Женская депутація; причина ея. — Разрушенная плотина Шахъ-Аббаса. — Испугъ поселянъ Мухаммедъ-Абада при нашемъ приближеніи. — Возвращеніе въ Астерабадъ. — Смерть газели.

Жаръ становился невыносимъ, и богатѣйшіе жители Астерабада выѣхали изъ города въ свои прохладные ейлаки, или лѣтнія кочевья въ горахъ. Обширные лѣса и богатая растительность вокругъ Астерабада причиною, что здѣсь гораздо-тягостнѣе, чѣмъ въ открытыхъ странахъ Персіи. Сырость почвы вообще и болотистое свойство края по рѣкѣ Карасу на сѣверъ отъ Астерабада въ-особенности, дѣлаютъ здѣшній климатъ очень-нездоровымъ въ это время года.

Открытая степь туркменская недалеко отсюда. Изъ высокаго окна моего дома я всякій вечеръ могъ видѣть тысячи огней, освѣщающихъ равнины *Дашти-Ховерана*, за которыми разсѣяны ямудскіе шатры. Эти еженощныя иллюминаціи зажгли во мнѣ сильное желаніе познакомиться поближе съ степными жителями.

Я ужь прежде посѣщалъ кочевья гоклан-туркменцевъ и собралъ тогда кое-какія свѣдѣнія о сосѣдяхъ ихъ ямудахъ, но съ послѣдними не сходился еще лично въ ихъ степяхъ.

Теперь я не былъ увѣренъ, что могу безопасно забраться къ ямудамъ. Плоха была надежда на хорошій пріемъ, еслибъ я явился къ нимъ съ рекомендаціями отъ сосѣдей ихъ, начальниковъ астерабадскихъ, потому-что ямуды большею-частью не въ ладахъ съ ними, а теперь особенно они были въ сильномъ негодованіи на губернатора.

Когда я заговорилъ о желаніи моемъ посѣтить туркменцевъ, губернаторскій приставъ и прочіе мои астерабадскіе знакомцы громко возопили противъ этого, заклиная меня и не думать объ этомъ, и ссы-

лаясь на вѣроломный характеръ ямудовъ и ихъ алчность къ грабежу. Можетъ-быть, это все справедливо; но легко было замѣтить, что слова ихъ были внушены преимущественно ненавистью къ ямудамъ и что на безпристрастіе ихъ нельзя полагаться.

Я колебался и раздумывалъ, какъ бы исполнить свое желаніе, когда неожиданный посѣтитель пріятнымъ образомъ вывелъ меня изъ затрудненія.

Однажды мнѣ доложили, что пріѣхалъ ямудскій предводитель, который желаетъ видѣть меня и называется моимъ старымъ знакомымъ. Я приказалъ принять его, и пока ломалъ себѣ голову, чтобъ припомнить, кто бы это могъ быть, явился ямудскій *сардаръ* (военачальникъ), и точно старый знакомый, но котораго я никакъ не ожидалъ встрѣтить въ Астерабадѣ.

Я знавалъ *сардаря* (такъ его вообще величали) въ Тегеранѣ: онъ былъ однимъ изъ заложниковъ, которыхъ персидское правительство всегда держитъ, въ надеждѣ (вообще обманчивой) обезпечить тѣмъ вѣрность ихъ племени.

Поэтому я чрезвычайно удивился, увидѣвъ моего туркменскаго сардаря въ Астерабадѣ и полюбопытствовалъ узнать, какимъ образомъ онъ здѣсь очутился?

Кажется, что онъ вырвался изъ плѣна, объявивъ себя хорошимъ ѣздокомъ и коноводомъ; и какъ персіяне предпочитаютъ туркменскихъ лошадей всѣми прочимъ, то сардарь, чрезъ свои связи съ туркменцами, доставлялъ имъ ямудскихъ коней.

Малый неглупый, онъ нашелъ средство подружиться съ шахскимъ *мирахоромъ*, или смотрителемъ за лошадьми (также туркменцемъ по рожденію) и выпросилъ чрезъ него отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ, чтобъ съѣздить на свою родину, повидаться съ друзьями и привести туркменскихъ лошадей въ Тегеранъ; въ залогъ своего возвращенія онъ оставилъ жену и сына.

Сардарь сказалъ, что, разъѣзжая по кочевьямъ своихъ пріятелей, онъ услышалъ, что изъ Тегерана въ Астерабадъ пріѣхалъ *Френги*; въ надеждѣ, что это я, онъ пріѣхалъ увѣриться въ томъ и предложить мнѣ свои услуги, чтобъ проводить меня въ ямудскія кочевья, будучи увѣренъ, что я принимаю большое участіе въ землякахъ его

Предложеніе сардаря было мнѣ очень-пріятно; я немедленно принялъ приглашеніе, но съ условіемъ, чтобъ нѣкоторые туркменскіе старшины пріѣхали пригласить меня въ свои кочевья. Этимъ условіемъ хотѣлъ я увѣриться, въ какой степени гость мой имѣетъ вліяніе на своихъ соотечественниковъ. Сардарь обѣщалъ и уѣхалъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ возвратился въ-сопровожденіи четырехъ или пяти ямудовъ. Въ числѣ ихъ былъ старшина племени *Сони*, по имени *Кара-Ханъ*, старикъ, съ длинною серебристою бородою; его на-

ружность и обращеніе были гораздо почтеннѣе, чѣмъ кообще у туркменскихъ стариковъ, ведущихъ дикую и хищническую жизнь.

Другой былъ братъ сардаря, *Кули-Ханъ*, предводитель племени *Дунчи;* человѣкъ лѣтъ сорока, худощавый, съ жиденькими усами и рѣдкою бородой, но съ умными, проницательными глазами.

Они приглашали меня пріѣхать въ шатры ихъ и быть ихъ *кунакомъ,* то-есть гостемъ, за безопвсность котораго они ручаются. Я, съ своей стороны, также предупредилъ мѣстныхъ начальниковъ, чтобъ они не обижали пріѣхавшихъ ко мнѣ туркменцевъ, потому-что они мои гости и я отвѣчаю за нихъ.

Кара-Хану и его спутникамъ я изъявилъ величайшее довѣріе, благодарилъ за ихъ ласковое приглашеніе и сказалъ, что готовъ сейчасъ же ѣхать съ ними всюду, куда они меня повезутъ. Не разъ испытывалъ я, какъ справедливо правило, что довѣрчивость внушаетъ довѣріе; теперь я имѣлъ новое доказательство этой истины.

Люди мои и лошади были скоро готовы и мы выѣхали чрезъ *себзимешедскую* заставу, направляя путь свой къ сѣверу-сѣверо-западу. Неподалеку отъ городскихъ стѣнъ находится Имам-Заде, или часовня, Абдуллаха, брата Имам-Риза, котораго гробница въ Мешедѣ. Зданіе хорошо сохранилось; оно осѣнено величественными чинарами и близь него протекаетъ прохладный ручеекъ.

Мы ѣхали узкими тропинками сквозь терновникъ и гранатовый кустарникъ, которые чрезвычайно затрудняютъ проѣздъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлаютъ приближеніе къ Астерабаду совершенно-невозможнымъ.

Около часа дорога шла лѣсомъ; растительность великолѣпна; трава очень-высока. За полфарсанга отъ Астерабада мелькнула сквозь деревья деревня Мухаммед-абадъ.

Повернувъ къ сѣверо-западу, мы опять выѣхали въ чащу, переѣхали ручей, который отъ недавнихъ дождей чрезвычайно вздулся и разлился по открытому полю, кое-гдѣ усѣянному рощами. Къ западу между деревьями лежитъ деревня *Кулахъ*. Я съ удивленьемъ узналъ, что она принадлежитъ Кара-Хану, старому ямуду, моему спутнику, который, кажется, гораздо въ лучшихъ отношеніяхъ съ персидскимъ начальствомъ, нежели прочіе его соотечественники. Онъ беретъ землю на аренду и заставляетъ поселянъ аасѣвать ее пшеницею, ячменемъ и рисомъ. Это большая новость и, кажется, единственный примѣръ, чтобъ ямудъ-туркменецъ былъ аристократомъ.

Земля здѣсь болотиста и поросла высокимъ тростникомъ; подъ водою рисовыя поля. Мы ѣхали узкою полосою насыпной земли, искусственной плотиною, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ узка, что едва одна лошадь можетъ пройдти по ней; зимою здѣсь много дичи. Мѣсто это называется *Сія-абъ* (черная вода). Мы неподалеку переѣзжали въ бродъ рѣчку, носящую то же самое персидское имя (ее чаще

называютъ потурецки *Кара-су* (черная вода), вблизи отъ крутаго моста, по которому туркменцы рѣшаются проѣзжать зимою, когда рѣчка дѣлается слишкомъ-глубока, чтобъ пускаться въ бродъ. На противоположномъ берегу ея видѣнъ высокій курганъ, которыхъ такъ много въ туркменскихъ степяхъ.

Племя Кара-Хана укрывается зимою у подошвы этого кургана, называемаго *Наргизъ-тепе*; онъ закрываетъ кочевья отъ суровыхъ сѣверныхъ вѣтровъ. Лѣсистая сторона осталась теперь совершенно за нами. Здѣсь на всей плоской, сухой равнинѣ не видно было ни кусточка. Сухая трава хрустѣла подъ лошадиными копытами; справа и слѣва виднѣлись большія черныя пространства погорѣлой земли. Знойный вѣтеръ взметалъ вокругъ насъ облака пыли, и между-тѣмъ, какъ жгучее солнце припекало сверху, міріады сѣрой и зеленой саранчи, съ малиновыми полосатыми крыльями, поднимались изъ-подъ ногъ нашихъ, прыгали и стрекотали вокругъ насъ. Это была не та страшная, губительная саранча, язва Аравіи, Египта и другихъ областей Востока—нѣтъ, это саранча, которая скакала и махала крылышками подъ самыми ногами лошадей нашихъ, была очень-невинна; ея докучное счастье мнѣ было несносно только потому, что я измученъ былъ жаромъ и пылью.

Ка́къ, однако, различно судимъ мы иногда о вещахъ!...

Только-что я хотѣлъ громко пожалѣть о томъ, что разстался съ свѣжею зеленью и прозрачными струями и поскучать безплодно, сухою степью, которая передо мною, какъ ко мнѣ подскакалъ одинъ изъ проводниковъ моихъ съ восклицаніемъ: «ну, что̀ саибъ? не правда ли, что ты сталъ точно другой человѣкъ съ-тѣхъ-поръ, какъ выбрался изъ этихъ гадкихъ лѣсовъ? Въ нихъ и не вздохнешь свободно, и копьемъ повернуть негдѣ. То-ли-дѣло въ нашихъ безграничныхъ туркменскихъ степяхъ! Иди куда хочешь: ничто тебѣ не мѣшаетъ! Глазамъ не на чемъ остановиться», и говоря такимъ образомъ, онъ скакалъ взадъ и впередъ на легкомъ конѣ своемъ, свирѣпо потрясая длиннымъ копьемъ, доказывая на дѣлѣ истину словъ своихъ, что точно здѣсь обширное и привольное поприще для мужественныхъ ихъ упражненій (*).

Не доѣзжая шатровъ сонійскаго племени, мы переправились чрезъ Гурганъ, текущій въ глубокомъ руслѣ между крутыхъ береговъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы переѣзжали его въ бродъ, вода была выше сѣдла, такъ-что я совершенно промокъ, что̀, впрочемъ, было довольно-пріят-

---

(*) Симонъ де-Сисмонди, говоря о татарахъ въ своей *Histoire de la chute de l'Empire romain*, замѣчаетъ, что «и нынѣ, какъ въ то время, они готовы, можетъ-быть, разрушить всѣ зданія въ покоренной области-чтобъ *никакое препятствіе*, по любимому ихъ выраженію, *не останавливало бѣга коней ихъ*» (Tome I, Chap. III, p. 86—87).

но въ такой знойный день, и прежде чѣмъ мы доѣхали до кочевья, я ужь совсѣмъ высохъ.

Впродолженіе пути мы проѣхали нѣсколько широкихъ и глубокихъ ямъ, въ которыхъ зимою туркменцы сберегаютъ хлѣбъ свой. Зарывъ его туда, они закрываютъ яму соломою, потомъ насыпаютъ сверху немножко земли и такимъ образомъ дѣлаютъ ее совершенно-непримѣтною для глазъ. Несмотря на эти предосторожности, персидская армія, вторгнувшаяся въ эти степи въ 1836 г., нашла средство открыть ихъ подземныя житницы и поживилась хранившимся въ нихъ хлѣбомъ.

Въ этихъ равнинахъ часто встрѣчаются небольшія насыпи, окопанныя рвомъ. Онѣ назначаютъ мѣсто, гдѣ умеръ туркменецъ и гдѣ тѣло его было омыто и окутано въ саванъ, прежде чѣмъ отнесено было на общее кладбище его племени. Эти насыпи остаются въ воспоминаніе оказанныхъ ему попеченій и призываютъ сочувствіе проѣзжаго, который творитъ молитву за упокой души усопшаго. Эти небольшія насыпи не указываютъ ли происхожденія огромныхъ кургановъ, часто-встрѣчающихся въ туркменскихъ степяхъ, и не доказываютъ ли, какъ я имѣлъ ужь случай замѣтить выше, что они также были насыпаны въ память усопшихъ?... (*).

Мы прибыли въ ямудское *Абе*, или кочевье сонійскаго племени, въ три часа пополудни, и я очутился гостемъ Кара-Хана. Абе состоитъ изъ двадцзти или двадцати-пяти круглыхъ войлочныхъ шатровъ, стоящихъ оваломъ въ приличномъ разстояніи одинъ отъ другаго.

Подлѣ шатра Кара-Хана стояло легкое, воздушное жилье на высокихъ кольяхъ. Оно имѣло видъ клѣтки, висящей высоко въ воздухѣ, открытой со всѣхъ сторонъ, съ плетеной кровлей и шаткимъ поломъ. Къ нему приставлена была почти-перпендикулярно лѣстница, по которой я и вскарабкался, предпочитая всегда *таларъ* (такъ называютъ эти жилья) шатрамъ, въ которыхъ можно задохнуться.

Сидя въ своей воздушной клѣткѣ я смотрѣлъ на происходящее внизу. Женщины чистили и мыли рисъ, потомъ клали его въ котелъ съ водою и ставили на огонь. Въ другомъ углу оторвали головку несчастному пѣтуху; обезглавленный трупъ вертѣлся въ предсмертныхъ конвульсіяхъ. Позади шатровъ стояли привязанныя лошади; конюхи, накинувъ на нихъ попоны, вытирали имъ ноги, между-тѣмъ, какъ борзые кони, горя нетерпѣньемъ вырваться на свободу, грызли удила и били безпокойно землю передними ногами, между-тѣмъ, какъ заднія были скованы и прикрѣплены кольцомъ къ землѣ.

Особенно привлекъ мое вниманіе годовалый жеребенокъ. Онъ былъ привязанъ длинной веревкой къ шесту близь главной палатки старшины.

(*) См. повѣствованіе о большомъ курганѣ *Туренг-Тепе* въ предъидущей главѣ.

Грива была расчесана, хвостъ заботливо подстриженъ въ такомъ родѣ, какъ у ословъ и у муловъ въ Испаніи. Онъ былъ покрытъ красивою, пестрою шерстяною попоною, привязанною широкими, яркими тесьмами; широкое ситцевое покрывало, закрывало его голову и шею отъ мухъ и слѣпней; къ ночи этого баловня накрыли еще другой попоной, войлочной, темной, съ цвѣтами, такой широкой, что она закрывала ему шею спереди, а сзади спускалась до полу. Онъ былъ рѣшительно любимцемъ всего семейства; всѣ, большіе и малые, мужчины и женщины не могли пройдти мимо, чтобъ не приласкать, или погладить его, не сказать привѣтливое словцо, которое онъ какъ-будто понималъ, потому-что бѣжалъ за своими доброжелателями такъ далеко, какъ только позволяла веревка.

Между-тѣмъ, какъ безсловесному животному расточались такія ласки и заботы, цѣлая толпа ребятишекъ ссорилась, дралась и царапалась. Я рѣдко видѣлъ такихъ злыхъ, негодныхъ созданій. У нѣкоторыхъ были луки и стрѣлы; они никакъ не могли играть ладно, а за всякую бездѣлку ссорились и дрались хуже собакъ, которыя грызутся за кость.

Еслибъ туркменцы позаботились о дѣтяхъ своихъ хотя вполовину на столько, какъ о жеребенкѣ, или вообще о лошадяхъ, ихъ можно бы еще исправить; но на нихъ никто не обращаетъ вниманія. Они ростутъ; по мѣрѣ возраста укрѣпляются въ нихъ порочныя склонности, которыхъ родители и не думаютъ искоренять. Впрочемъ, чего жь и ждать отъ туркменскихъ дѣтей, у которыхъ безпрестанно въ глазахъ дурные примѣры отцовъ, которые ни мало не заботятся объ исправленіи злыхъ свойствъ своихъ и предаются безпрепятственно всѣмъ порочнымъ страстямъ человѣческаго сердца?

Посрединѣ кочевья была четвероугольная площадка, нѣсколько-возвышенная надъ общимъ уровнемъ земли и обведенная рвомъ. Долго старался я угадать назначеніе этой площади, когда, предъ закатомъ солнца, увидѣлъ, что все мужское народонаселеніе направляется къ ней и оставляетъ свои сапоги, или туфли, по сю сторону рва, или между рвомъ и мѣстомъ, гдѣ собственно начиналась площадка. Здѣсь они становились на колѣни, иногда поднимали руки къ небу, по примѣру и возгласу муллы, вполголоса бормотавшаго молитвы; иногда падали ницъ и оставались такъ, погруженные въ безмолвныя размышленія.

Солнце клонилось къ западу; жаръ спалъ, стихъ вихрь, вззметавшій столбомъ пыль и степной песокъ; въ природѣ воцарилось спокойная тишина, которая гармонировала съ важнымъ видомъ и по наружности искренними молитвами собравшихся туркменцевъ—все навѣвало на сердце торжественныя думы, которыя я считалъ-было несообразными съ жизнью туркменцевъ.

Женщины не участвовали въ вечерней молитвѣ мужчинъ: онѣ готовили ужинъ, или доили коровъ; во время доенья телята обыкновенно стоятъ подлѣ матерей своихъ.

Въ Туркменіи и вообще во всей Персіи думаютъ, что корова не дастъ молока, если не видитъ подлѣ себя теленка; за-то доенье на Востокѣ гораздо-хлопотливѣе чѣмъ у насъ; пока одна женщина доитъ, другая должна держать теленка, чтобъ не дать ему высосать мать, но, однакожь, довольно-близко къ ней, чтобъ она чувствовала его подлѣ себя и не удерживала молока. Жалко смотрѣть, какъ бѣдный теленокъ старается вырваться и тянетъ рыло къ искусительному питью, между-тѣмъ, какъ нѣжная мать жалобно мычитъ, устремивъ пристальные взоры на милое чадо. Жестоко отнимать у матери пищу, которую благодѣтельная природа приготовила для дѣтей ея! Но такъ-какъ безъ молока не было бы ни сыру, ни сливокъ къ чаю, то, видно, должно быть такъ!

Въ путешествіи Рубруквиса въ Татарію въ XIII-мъ вѣкѣ, читаемъ подобный же разсказъ о доеніи кобылицъ.

«Татары (говоритъ онъ) протягиваютъ длинную веревку между двумя столбами и привязываютъ къ ней жеребятъ тѣхъ кобылицъ, которыхъ должно доить; такимъ образомъ мать стоитъ спокойно подлѣ своего жеребенка и позволяетъ доить себя. Если же она начинаетъ брыкать, жеребенку даютъ немного пососать ее и потомъ снова начинаютъ доить.»

Собаки помогали дѣтямъ собрать скотъ и овецъ и загнать ихъ въ кругъ внутри кочевья, чтобъ ночью не отогнали стада туркменцы, которые вѣчно выглядываютъ, какъ бы ограбить своихъ сосѣдей, если не отправились на дальній промыселъ. Овцы блеяли, коровы мычали; теперь, кончивъ вечерній туалетъ свой, заржали и лошади, требуя на ужинъ ячменя, который и былъ имъ поданъ вымытый и чистый.

Окончивъ дневные труды, все народонаселеніе возвратилось въ шатры; каждое семейство усѣлось ужинать передъ своею *айю*, или палаткою. Ужинъ состоялъ изъ жирнаго, невкуснаго пилава; рисъ плавалъ въ бараньемъ салѣ. Они клали его въ ротъ пальцами, набравъ сначала цѣлую горсть и набивая его потомъ въ ротъ, между-тѣмъ, какъ сало текло по пальцамъ и по губамъ.

Хотя и персіяне также берутъ пищу руками, но они это дѣлаютъ какъ-то чище; они стараются не уронить ни зернышка «между чашей и ртомъ».

Туркменцы не такъ опрятны; смотрѣть на ихъ ѣду гадко и противно. Они разрываютъ баранину руками, каждый хватаетъ себѣ любой кусокъ; объѣдки же и кости сначала доѣдаютъ бѣдныя невольницы, а потомъ остатки бросаютъ собакамъ.

Чтобъ промочить горло послѣ ужина, они пьютъ пахтанье, или кислое молоко съ водою—обыкновенное питье кочевыхъ народовъ.

Между-тѣмъ взошла луна и озарила разнообразныя группы мужчинъ, женщинъ и дѣтей, сидящихъ за деревянными лотками, на которыхъ разбросана была ихъ пища и небогатая посуда.

Восточные народы вообще молчатъ за столомъ; они считаютъ обѣдъ или ужинъ важнымъ дѣломъ, которое не терпитъ развлеченія.

Мало-по-малу разошлись: иные удалились въ шатры, другіе улеглись на коврахъ у входа. Въ станѣ не было огней, и я увидѣлъ, что освѣщеніе, которымъ я такъ часто любовался изъ своихъ астерабадскихъ оконъ, происходитъ не изъ *абе* туркменскихъ, но отъ пожаровъ или *пожоговъ* въ ихъ обширныхъ равнинахъ. Съ моего воздушнаго жилья я могъ теперь любоваться тою же прекрасною картиною. Въ разныхъ направленіяхъ въ пустынѣ пылали огни; иногда густое облако дыма застилало ихъ и вдругъ яркое пламя разрывало тучи; въ иныхъ мѣстахъ огни вились какъ огненные змѣи по темному покрову ночи.

Я всегда предпочиталъ великолѣпныя зрѣлища природы жалкимъ подражаніемъ искусства человѣческаго; охотно я провелъ бы всю ночь, любуясь этимъ прекраснымъ натуральнымъ фейерверкомъ, еслибъ сонъ не предъявилъ своихъ требованій на усталое тѣло.

Видно, я заснулъ крѣпко, потому-что ночью происходила стычка и шумъ не разбудилъ меня. Бродячіе туркменцы вздумали-было угнать лошадей моихъ; но жены моего хозяина пробудились отъ звука шаговъ ихъ и подняли тревогу. Нѣсколько человѣкъ пустились въ погоню за ворами, которые, однако, пользуясь ночною темнотою, ускользнули.

На слѣдующее утро я отправился осмотрѣть *Ахкале* (бѣлую крѣпость), нѣкогда-важное укрѣпленіе, ныньче груду развалинъ.

Ахкале была нѣкогда крѣпостью, если не колыбелью каджаровъ, ныньче-царствующей въ Персіи турецкой фамиліи; но кровопролитные раздоры двухъ главныхъ ея отраслей *Юхари-башъ* и *Ашага-башъ*, также и набѣги туркменцевъ довели Ахкале до нынѣшняго ея разрушенія.

Отъ шатровъ Карахана мы направились къ востоку юго-востоку, проѣхали кочевья *Эльпи, Сори-Джаларовъ* и *Дунчи*, переправились близъ *Казах-тепе* въ бродъ черезъ Гурганъ; бродъ хорошъ, но вода по шею лошадямъ, и прибыли въ Ахкале.

Ахкале стоитъ между рѣками Гурганомъ къ сѣверу и Карасу къ югу; водами послѣдней орошаются окружныя поля. Стѣны зáмка образуютъ четвероугольникъ; онѣ имѣли футовъ двадцать вышины; теперь большею-частью разрушены, но толщина ихъ весьма-значительна. Внутри много пригорковъ, разрушенныхъ кирпичныхъ строеній, вѣроятно, бань; обломки черепицъ и кирпича. Четверо воротъ съ четырехъ сторонъ свѣта ведутъ въ зáмокъ, окруженный широкимъ рвомъ, теперь почти-засыпаннымъ. За сѣверными воротами прежде былъ мостъ черезъ Гурганъ; теперь отъ него уцѣлѣли только каменныя основанія арокъ, виднѣющіяся надъ водою. Эти остатки замѣчательно-любопытны; они состоятъ изъ разноцвѣтныхъ кирпичей съ орнаментными рисунками, въ родѣ нѣкоторыхъ старинныхъ персидскихъ мечетей.

Конечное разрушеніе Ахкале послѣдовало, какъ говорятъ, вслѣдствіе спора за воду между юхарибашами (даванлу) и ашагабашами (каванлу);

въ схваткѣ одинъ человѣкъ былъ убитъ, что такъ раздражило шесть подраздѣленій ашагабашей, занимавшихъ нижній за̀мокъ, противъ шести подраздѣленій юхарибашей, владѣвшихъ верхнимъ, что они, въ ярости, передрались и истребили всѣ домы и владѣнія другъ у друга.

Ахкале необходимо долженъ былъ бы служить оградою противъ вторженій туркменцевъ и защищать окрестныя поля, весьма-плодородныя, и которыя съ небольшимъ трудомъ можно бы опять поливать. Шахъ Аббасъ, построившій крѣпость и поселившій въ ней каджаровъ, устроилъ также широкое шоссе, называемое *кара-хіябанъ*, соединявшее Ахкале съ Астерабадомъ, отстоящимъ отъ него фарсанга на два Это шоссе было отъ 20 до 25 футовъ въ ширину и возвышалось надъ уровнемъ почти на нѣсколько футовъ; черезъ Карасу дорога шла къ югу по мосту, котораго теперь невидно.

Оставивъ разрушающійся Ахкале, мы снова переправились чрезъ Гурганъ. Меня повезли въ Обѐ-кази, гдѣ я видѣлъ конскую скачку, которая, однако, не соотвѣтствовала моимъ ожиданіямъ. Въ этомъ знойномъ климатѣ лѣто не благопріятствуетъ подобнымъ забавамъ, но говорятъ, что весною и осенью онѣ великолѣпны. Также я не былъ чрезвычайно-разстроганъ тоскливою музыкою грубой гитары о четырехъ шелковыхъ струнахъ, называемой *донтаръ*, и длинной *свирѣли*, составленной изъ нѣсколькихъ толстыхъ камышей. Бѣдность инструментальной музыки вознаградилась могучимъ вокальнымъ хоромъ туркменскихъ дилеттантовъ. Предоставляю вамъ вообразить эффектъ этого сочетанія звуковъ.

Молодые люди боролись. Всѣ эти увеселенія происходили въ честь обрѣзанія туркменскаго мальчика.

Прибывъ въ кочевье *Кули-Хана-Дунчи*, брата моего стараго пріятеля, сердаря, я посѣтилъ шатеръ гдѣ женщины ткали ковры.

За станомъ сидѣли четыре женщины, очень-богато-одѣтыя въ желтыя и красныя шелковыя платья. На головѣ ихъ былъ огромный уборъ, унизанный золотыми и серебряными монетами: съ него свѣшивались серебряныя цѣпочки и другія украшенія; при малѣйшемъ движеніи головы, все это качалось и звенѣло и производило шумъ, подобно гремучей змѣѣ.

Пальцы ихъ перебѣгали взадъ и впередъ по стану такъ же быстро, какъ пробѣгаютъ по клавишамъ нѣжные пальчики нашихъ прелестныхъ европейскихъ артистокъ. Работа подвигалась такъ скоро, что я не успѣвалъ слѣдить за движеніями ихъ и не могъ понять, ка̀къ это все дѣлается? Я видѣлъ только ретультатъ—прекрасный коверъ, съ красивыми рисунками, на которыхъ цвѣта шерсти весьма-искусно подобраны. Больше всего меня удивляло то, что у нихъ не было передъ глазами узора. Долговременная ли практика, или какой-нибудь разсчетъ, недоступный непосвященному въ тайны искусства, или природная способность туркменскаго ума, но только работа обличала много вкуса и сдѣлана была очень-чисто.

Полюбовавшись ихъ искусствомъ, я ушелъ въ свой шатеръ, желая отдохнуть послѣ утомительнаго дня. Только-что я прилегъ, какъ мнѣ пришли объявить, что меня ожидаетъ депутація туркменскихъ женщинъ. Едва успѣлъ я накинуть халатъ, какъ передо мной явился цѣлый полкъ туркменскихъ старухъ, чрезвычайно-безобразныхъ. Онѣ пришли привѣтствовать меня.

Я не могъ догадаться о причинѣ такого страшнаго посѣщенія. Спросилъ и получилъ въ отвѣтъ, что онѣ пришли благодарить меня. За что? Загадка становилась еще труднѣе; наконецъ дѣло объяснилось.

Персидскій дворъ съ незапамятныхъ временъ имѣетъ обычай держать заложниковъ отъ разныхъ подвластныхъ ему племенъ и народовъ.

Въ 1835 году, когда въ столицѣ свирѣпствовалъ голодъ, бѣдныя семейства туркменцевъ, содержащихся въ Тегеранѣ дошли до крайней нищеты. Тогдашній россійскій посланникъ въ Персіи, графъ Симоничъ— добрѣйшій человѣкъ, какого я только встрѣчалъ въ жизни — не могъ равнодушно видѣть ихъ горькаго положенія. Онъ доказывалъ министрамъ шаха, что если политика заставляетъ ихъ держать туркменцевъ заложниками, то они обязаны сколько-возможно облегчать плѣнъ ихъ; во всякомъ случаѣ, не должно допустить ихъ умереть съ голоду. Шахъ имѣлъ доброе сердце, и эти представленія подѣйствовали. Но, не довольствуясь тѣмъ, что выпросилъ у его величества повелѣніе снабжать туркменцевъ всѣмъ нужнымъ, графъ Симоничъ еще наблюдалъ постоянно за исполненіемъ приказа. Въ праздникъ Новруза, когда персіене торжествуютъ возвращеніе весны разными забавами и увеселеніями, графъ всегда раздавалъ деньги бѣднымъ степнымъ изгнанникамъ, чтобъ и они могли принять участіе въ празднествахъ, которые, безъ того, только приводили бы имъ на память привольный разгулъ степей и нынѣшній тягостный плѣнъ.

Въ это время и я съ ними познакомился. Бѣдные дикари, видно, передали объ оказанномъ имъ участіи роднымъ и степнымъ друзьямъ своимъ. Этому-то случаю обязанъ я посѣщеніемъ туркменскихъ старушекъ: узнавъ о моемъ пріѣздѣ, онѣ непремѣнно хотѣли видѣть меня и увѣрить, что чувствуютъ глубоко ласки, оказанныя далекимъ друзьямъ ихъ

Признаюсь, я самъ былъ глубоко тронутъ, и далъ бы дорого, чтобъ почтенный графъ былъ здѣсь, слышалъ простыя выраженія ихъ признательности и пожалъ плоды своей благотворительности. Но эти воспоминанія добрыхъ дѣлъ его—только цвѣтокъ, который я бросаю на его могилу! Утѣшительна мысль, что память добрыхъ дѣлъ переживаетъ добраго, какъ благоуханіе изсохшаго цвѣтка переживаетъ красоту его...

Я совсѣмъ позабылъ ужасное безобразіе старыхъ туркменокъ, которое сначала поразило меня, и читалъ на лицахъ ихъ только трогательное выраженіе признательнаго сердца.

Ка́къ украшаетъ благородное чувство души лицо, наименѣе-одаренное природою! съ другой стороны, ка̀къ часто не замѣчаешь наруж-

ную красоту, кàкъ иногда совсѣмъ забываешь ее, когда взоръ проникаетъ во внутренніе изгибы души человѣческой, души божественной! Пріятно было думать, что, несмотря на беззаконные обычаи этихъ торговцевъ людьми, несмотря на разбои, грабежи и убійства, къ которымъ народы эти привыкаютъ съ дѣтства, чувство благодарности могло пустуть столь глубокіе корни и цвѣсти въ пустыняхъ туркменскихъ!

Прогостивъ нѣсколько дней у моихъ ямудскихъ знакомцевъ, я собрался возвратиться восвояси, но хозяева мои и слышать не хотѣли о томъ, чтобъ отпустить меня одного; актакалы, провожавшіе меня до ихъ кочевья, должны были сопутствовать мнѣ и обратно, до Астерабада; они хотѣли доказать персидскому начальству, что тотъ, кто довѣряется имъ, не долженъ ничего опасаться.

Мы снова переправились черезъ Гурганъ и Карасу въ другихъ мѣстахъ, нежели прежде, и пробывъ болѣе получаса въ водѣ по шею лошадей, выбрались на вышепомянутое шоссе *карахіябанъ*, проведенное отъ Ахкале до Астерабада, въ былое, цвѣтущее время этого края.

Когда мы подъѣзжали къ деревнѣ *Мухаммелъ-Абадъ*, поселяне такъ испугались при видѣ туркменскихъ копій, что пустились бѣжать со всѣхъ ногъ и переполошили всю деревню. Туркменцы поскакали за ними съ свирѣпымъ крикомъ: *Алеманъ! Алеманъ!* приводящихъ въ ужасъ персидскія деревни, и наслаждались общимъ страхомъ и тревогою. Я пытался удержать моихъ спутниковъ; но такъ же легко было бы удержать стремленіе вѣтра въ пустынѣ.

Подъѣхавъ къ деревнѣ, мы видѣли, кàкъ эти бѣдные люди искали убѣжища въ небольшой башнѣ, окруженной глубокимъ рвомъ, который защищалъ ихъ отъ внезапнаго нападенія. Мы старались успокоить ихъ, и послѣ нѣсколькихъ переговоровъ, намъ отворили ворота. Добрые поселяне, избавившись отъ своихъ опасеній, принялись хлопотать, кàкъ бы угостить насъ; принесли намъ молока, масла, свѣжаго сыру, яицъ, рису — чего тамъ не было! .. Они не могли довольно выразить свою радость, что перепугались понапрасну!

Я влѣзъ на *таларъ*, и могъ оттуда видѣть внутренность *андеруна*, или женской половины. Тамъ лежала въ обморокѣ отъ страха молодая женщина; подруги старались привести ее въ чувство, въ чемъ скоро и успѣли.

Не удивительно, что бѣдныя женщины такъ пугаются, едва завидя туркменцевъ; горькимъ, часто-повтореннымъ опытомъ знаютъ онѣ, каково попасть въ руки этихъ непріятелей. Если немедленно родные не принесутъ богатый выкупъ, ихъ продаютъ въ Хиву, или принуждаютъ до конца жизни стенать въ тяжкомъ рабствѣ у степныхъ дикарей.

Кончивъ полдникъ, мы сѣли на коней и почти черезъ часъ прибыли въ Астерабадъ. Уже поздно было для-того, чтобъ мои пріятели, ямуды, могли отправиться въ тотъ же вечеръ, я оставилъ ихъ у себя ночевать и играть въ шахматы съ Кули-Ханомъ-Дунчи—отличный игрокъ!

Мой персидскій поваръ приготовилъ намъ ужинать въ саду, такой ужинъ, какого имъ никогда не случалось отвѣдать и врядъ ли когда случится, какъ я думаю извѣдавъ ихъ житье-бытье. Раскинули въ саду палатку, гдѣ они провели ночь, и на слѣдующее утро мы распростились, очень-довольные другъ другомъ и пріятнымъ временемъ, которое провели вмѣстѣ.

Во время моего отсутствія занемогла одна изъ моихъ маленькихъ газелей, или *джейранъ* (поперсидски *агу*) (*); я нашелъ ее умирающею, несмотря на голубую бусинку, продѣтую въ ушко моей баловницы, чтобъ предохранить отъ дурнаго глаза (**).

У меня были двѣ прелестнѣйшія въ свѣтѣ газели. Мнѣ ихъ принесли изъ степи и онѣ скоро сдѣлались чрезвычайно-ручны и бѣгали за мною вездѣ какъ собачки; даже подружились съ моей лягавой собакой, Дильберомъ; ночью одна изъ нихъ спала въ головахъ, а другая въ ногахъ у моей постели.

Теперь бѣдная, въ живыхъ оставшаяся газель, тихо ходила по всему дому, ища свою любимую подружку, темноокую газель. Какъ выразительны были ея задумчивые, прекрасные глаза! Я понималъ вполнѣ ея чувство! Тяжела разлука съ милыми сердцу, но разлука вѣчная — невыносима!

А между-тѣмъ, половина нашего земнаго странствованія проходитъ въ разлукѣ. Друзья покидаютъ насъ, или мы принуждены оставить ихъ; насъ раздѣляетъ небольшое пространство отъ деревни до ближняго города, или отъ родины до чужбины, или отъ земли до неба!

Разлука—одна изъ язвъ, которыми поражено человѣчество; но когда она кончена — какая радость, какая неизъяснимая радость при свиданіи!...

V.

Поѣздка къ гоклан-туркменцамъ въ Гурганскую Долину.

Отъѣздъ изъ Астерабада. — Гуссейнъ-Абадъ. — Благородство персидскаго кедхуды. — Le petit caporal. — Арендаторство. — Зороастровъ рай. — Счастливыя деревушки Діодоровы. — Катулъ — Фендерисъ. — Хомбаданъ. — Персидскій вельможа. — Визитъ туркменскихъ старшинъ. — Безпокойное положеніе страны. — Туркменскіе буяны. — Миротворецъ — Гордость крови. — Встрѣча съ выкупленными плѣнниками. — Роміонъ. — Ак-Имамъ. — Прекрасныя картины. — Переходъ шахскаго войска по Гермерудской Долинѣ и Альбурскому Хребту. — Верблюдъ, смятый полевою артиллеріею. — Туркменскіе плѣнники.

Пока астерабадскій губернаторъ сбиралъ тяжелую контрибуцію съ гокланскихъ племенъ, мнѣ не хотѣлось ѣхать туда и быть свидѣте-

---

(*) Туркменцы называютъ маленькую газель *токоръ* а большую—*кеикъ*; потурецки *джейранъ*.

(**) Голубой камень *фируза* (бирюза) въ большомъ употребленіи въ Персіи для всякихъ чаръ; часто найдете вы голубыя бусы, вплетенныя въ хвостъ любимой лошади.

лемъ непростительныхъ притѣсненій этого трудолюбиваго и, въ сравненіи съ другими туркменцами, смирнаго народа.

Но теперь, когда губернаторъ возвратился въ главную квартиру, я счелъ время удобнымъ посѣтить этотъ любопытный край Туркменіи, который часто видѣлъ въ 1836 году.

15-го сентября, утромъ я выѣхалъ изъ Астерабада. Сильные жары, которые въ этомъ спертомъ и сыромъ воздухѣ такъ разслабляютъ человѣка, теперь уменьшились; я вздохнулъ свободнѣе, выѣхавъ за бостамскую заставу и оставляя на нѣсколько времени за собою астерабадскія стѣны.

Въ первые дни пути страна, которою я ѣхалъ, не имѣла прелести новизны; я недавно проѣзжалъ здѣсь, но все-таки ею можно было залюбоваться: справа великолѣпный Хребетъ Альбурскій смѣлыми очерками поднимался къ далекому востоку, въ направленіи къ Мешеду и Херату; лѣсистыя покатости его граціозными волнами спускались къ равнинѣ, разстилавшейся передъ нами влѣво. Дорога шла то тѣнистыми рощами, то выходила на роскошные луга, испещренные купами деревьевъ, сквозь которыя вдали виднѣлись равнины туркменскія.

Мы остановились ночевать въ Гуссейн-абадѣ. Эта деревня отстоитъ только на три съ половиною фарсанга отъ Астерабада, но я выбралъ предпочтительно ее, потому-что здѣсь живетъ *Меликъ-Гуссейнъ*, человѣкъ весьма-уважаемый всею областью за мудрость и честность. Это такія качества, для которыхъ вездѣ путникъ долженъ свернуть съ дороги, чтобъ изъявить имъ свое почтеніе, тѣмъ болѣе, если онъ имѣетъ счастіе встрѣтить ихъ въ Персіи, гдѣ честность особенно рѣдка.

Я думаю, что Меликъ-Гуссейнъ пріобрѣлъ высокое уваженіе своихъ соотечественниковъ болѣе за поведеніе свое противъ одного изъ сыновей покойнаго шаха. Когда, при жизни отца своего, этотъ принцъ былъ астерабадскимъ губернаторомъ, Меликъ-Гуссейнъ снялъ у него на аренду часть его владѣній. Съ тѣхъ поръ, несмотря на то, что принцъ удаленъ изъ провинціи и впалъ въ немилость, Меликъ-Гуссейнъ продолжаетъ исправно выплачивать ему арендныя деньги. Такое благородное поведеніе не часто встрѣчается между персіянами и вѣрно не найдетъ много подражателей.

Меликъ-Гуссейнъ-Кедхуда, или начальникъ Гуссейнъ-Абада и къ нему-то я пріѣхалъ въ гости. Личное знакомство не уменьшило благопріятнаго сужденія, которое я составилъ о немъ. Въ хозяинѣ своемъ нашелъ я почтеннаго старца, простаго, но благороднаго въ обхожденіи; бесѣда его поучительна — все заставляетъ уважать его сѣдины. Старость уже сама-по-себѣ внушаетъ почтеніе; но какъ это чувство возвышается мыслью, что многіе годы старца проведены въ страхѣ Божіемъ, тогда старость дѣлается чѣмъ-то священнымъ.

Бѣдный старикъ много пострадалъ отъ неустройства персидскихъ такъ-называемыхъ регулярныхъ войскъ во время туркменскаго похода, о которомъ я когда-то упоминалъ.

Отрядъ персидской пѣхоты, подъ командою Хаджи-Хана, будучи отраженъ ямудами, напалъ на мирныхъ жителей Гуссейнъ-Абада и ограбилъ ихъ до-чиста. Депутація деревенскихъ женщинъ, подъ предводительствомъ Кедхуды Меликъ-Гуссейна явилась къ шаху съ жалобою на беззаконные поступки солдатъ.

Шахъ убѣщалъ удовлетвореніе, но Хаджи-Ханъ былъ любимецъ перваго министра Хаджи-Мирза-Агасси, и обиженные остались ни съ чѣмъ.

Меликъ-Гуссейнъ думаетъ, что туркменцы одерживаютъ верхъ именно потому, что пограничной милиціи никогда не выплачиваютъ жалованья и потому воины не имѣютъ средствъ держать лошадей, чтобъ гнаться за непріятелемъ, ни огнестрѣльнаго оружія, чтобъ защищаться.

Прогуливаясь вечеромъ по улицамъ деревни, я встрѣтилъ мальчика лѣтъ осьми, который забавлялся игрушкой, здѣсь вовсе-необыкновенною.

Видно, губернаторъ во время воинской поѣздки своей къ гоклапамъ, имѣлъ при себѣ пушки и останавливался въ Гуссейнъ-абадѣ. Мальчикъ, пораженный новизною, внимательно разсматривалъ орудіе и потомъ сдѣлалъ себѣ подобное въ маломъ видѣ. Изъ камышинки сдѣлалъ онъ пушку, положилъ ее на лафетъ изъ того же легкаго матеріала съ двумя маленькими деревянными колесами, добылъ себѣ гдѣ-то пороху и съ торжествомъ заряжалъ и палилъ изъ своей пушки, къ немалому удовольствію своему и своихъ, не столь искусныхъ товарищей.

Кто знаетъ, не суждено ли мальчику играть нѣкогда въ мірѣ роль «маленькаго капрала» или хотя Надиръ-Шаха и измѣнить положеніе дѣлъ на восточныхъ берегахъ Каспійскаго Моря?... Провидѣніе отъ колыбели избираетъ исполнителей тайныхъ судебъ своихъ и отмѣчаетъ ихъ особенною печатью отъ общей толпы.

На слѣдующій день, 16 сентября, Меликъ-Гуссейнъ далъ мнѣ конвой, состоящій изъ двадцати-двухъ хорошо-вооруженныхъ всадниковъ, чтобъ проводить меня до ближняго ночлега, потому-что край, которымъ слѣдовало мнѣ ѣхать, подверженъ набѣгамъ хищныхъ сыновъ пустыни.

Братъ его, Измаилъ-Бекъ, начальникъ конвоя, разсказывалъ мнѣ много любопытныхъ подробностей о земледѣліи здѣшняго края, которыя повторю здѣсь для нашихъ любителей земледѣлія.

Почва на сѣверной покатости Альбурскихъ Горъ весьма-плодоносна; стоитъ слегка только вспахать и она принесетъ богатую жатву.

Вотъ здѣшнее правило плодоперемѣннаго хозяйства: въ первый годъ обыкновенно сѣютъ пшеницу или ячмень, во второй сезамъ или кунджутъ, потомъ рисъ, послѣ чего поле годъ отдыхаетъ; потомъ начинаютъ тѣмъ же порядкомъ. Къ востоку отъ Астерабада пшеница и

ячмень удаются лучше, чѣмъ въ западной сторонѣ области. Одна мѣра ячменя приноситъ пятьдесятъ мѣръ во время жатвы; кунжутъ прибыльнѣе: онъ приноситъ самъ пятьсотъ.

Во время жатвы кунжутъ собираютъ, связываютъ въ снопы и сушатъ на поляхъ, ставя корнемъ внизъ. Когда высохнетъ, снопъ переворачиваютъ корнемъ вверхъ, чтобъ сѣмена высыпались, подкладывая подъ снопы платье или рогожу.

Кунжутное сѣмя очень-пріятно для вкуса; туземные хлѣбники часто употребляютъ его, чтобъ придать хлѣбу особенный вкусъ. Но главные потребители кунжута астерабадскіе мыловары: изъ кунжутнаго масла и папоротниковой золы они приготовляютъ порядочное мыло для домашняго потребленія и для внѣшней торговли.

Рисъ здѣсъ ростетъ двухъ родовъ: *гермu* (горячій), который собирается ранѣе, и *серди* (холодный), который созрѣваетъ позже. Первый желтоватаго цвѣта и предпочитается; вторый бѣлѣе и тяжелѣе.

Выбравъ небольшую часть поля для рисовой плантаціи, огораживаютъ ее, поливаютъ водою и, вспахавъ слегка плугомъ, раскладываютъ на землю сухіе листья папоротника, называемые здѣсь *палиме*, па которыхъ насыпанъ рисъ; это, вѣроятно, дѣлается по причинѣ возбуждающаго алкоголическаго свойства папоротника. Когда рисъ взойдетъ густыми кучками, его разсаживаютъ въ поле по нѣсколько *былинокъ* вмѣстѣ.

Сначала ѣхали мы къ юго-востоку прелестнѣйшею страною, осѣненною тѣнистыми рощами, окруженною богатѣйшею растительностью во всемъ ея дикомъ великолѣпіи. Проѣхавъ съ часъ, мы сочли за лучшее отдалиться нѣсколько отъ горъ и съѣхать на нижнюю дорогу, или, лучше сказать, въ край безъ всякой дороги, пробираясь по высокой травѣ. Это былъ кратчайшій путь, а потому мы выбрали его, несмотря на то, что здѣсь болѣе подвержены будемъ нападеніямъ туркменцевъ, которые скрываются за купами деревьевъ, или въ густомъ тростникѣ, и внезапно нападаютъ на безпечнаго путника. Здѣсь переѣхали мы по суху русло рѣки *Курухъ*.

Прежде вся эта сторона называлась *Фархмодинъ*. Въ ней считалось 33 деревни, населенныя *морон-калехами;* но впослѣдствіе вторженія *каджаровъ* и *катуловъ* въ царствованіе Аги Мухаммедъ-Хана, и туркменскихъ набѣговъ, остатки морон-калеховъ, подъ предводительствомъ вчерашняго хозяина моего, Мелик-Гуссейна, принуждены были удалиться въ Гуссейн-абадъ и сосѣднія деревни, а прежнія жилища свои предоставить *катуламъ*, афганскаго происхожденія. Теперь весь округъ носитъ имя Катулъ.

Чрезъ полчаса ѣзды мы достигли опять высохшаго русла рѣки Курухъ. Берега ея были прежде усѣяны деревнями; здѣсь стоялъ нѣкогда и городъ Кемаланъ, но все это большею-частью разорено туркменцами, которые переправляются черезъ Гурганъ и перегоняютъ свой

скотъ къ сѣвернымъ краямъ лѣса. Оставивъ къ югу направо тенги, или ущелье Катулъ, ведущее чрезъ *Сіягнергу* и *Шахваръ* въ Тошъ, лежащій въ гористой странѣ Шах-Ку, за пять фарсанговъ отсюда, мы переѣхали черезъ нѣсколько канавъ, наполненныхъ водою, текущею съ горъ, и прибыли въ деревню *Берафтанъ*, расположенную близь горной тѣснины.

Жители разводятъ хлопчатую бумагу, которая въ здѣшнемъ хозяйствѣ сѣется послѣ сезама. Виноградъ, дико-растущій, здѣсь взбирается на высокія лѣсныя деревья также, какъ и хмѣль (астерма); сплетаясь дружно между собою, какъ дѣти одной семьи, они обвиваютъ вѣтви роскошными своими кольцами, и прозрачная зелень ихъ красиво отдѣляется отъ темныхъ листьевъ фиговыхъ деревьевъ.

Не должно забывать, что мы теперь находимся въ странѣ *Вер-Кана*, седьмой райской обители, о которой съ услажденіемъ упоминаютъ зендскія лѣтописи; и я не удивляюсь, что въ позднѣйшіе вѣки Діодоръ, въ описаніи александрова похода въ Персію, говоритъ: «проходя чрезъ *Гирканію (Вер-Кана*, Джурджанъ, *Гурганъ*), Александръ очутился посреди жилищъ, извѣстныхъ подъ именемъ *счастливыхъ деревень*. Онѣ вполнѣ заслуживаютъ это названіе, потому-что ни въ какой странѣ міра не найдете вы такихъ прекрасныхъ плодовъ» (Diodorus Siculus, Lib. XVII). Далѣе историкъ описываетъ изобиліе винограда, хлѣба, смоквъ и меда въ здѣшнемъ краю.

Ныньче одичалая страна все еще роскошна въ своихъ произведеніяхъ; но тщетно ищетъ путникъ *счастливыхъ деревень:* смертоносный *Ариманъ*, въ образѣ туркменскихъ *чапауловъ* (набѣговъ) и персидской апатіи заразили ядовитымъ дыханіемъ своимъ это прелестное созданіе *Ормузда;* и теперь человѣкъ не можетъ жить здѣсь въ мирѣ и безопасности.

Не доѣзжая Сурх-магале, мы оставили за собою нѣсколько деревень, какъ то: *Алесменъ*, въ лѣсу на право *Пичик-Магалъ*, влѣвѣ, и *Курдабадъ* опустѣлый, потому-что жители ушли въ лѣтнія кочевья; засимъ переправились черезъ рѣчку и при Курдабадѣ повернули съ востока на востокъ-сѣверо-востокъ.

Сурх-магале служитъ теперь границею между округами *Катуломъ* и *Фендерисомъ*. Переправясь черезъ Сурх-магале и вскорѣ потомъ черезъ другую рѣку, правымъ берегомъ которой ѣхали нѣсколько времени, мы достигли полей, окружавшихъ деревню *Доркелла-Помпалу* (близь рѣки Гаудар-рудбаръ); они прекрасно обработаны и обсажены шелковичными деревьями. Этими полями доѣхали мы до *Хомбадана*, резиденціи *Миръ Садуллахъ-Хана*, начальника восточныхъ округовъ астерабадскихъ и гокланскихъ земель.

Я остался очень-доволенъ пріемомъ Миръ Садуллахъ-Хана, который можетъ служить образцомъ благовоспитаннаго персидскаго вельможи. Онъ принадлежитъ къ древней фамиліи, занимавшей высщія мѣста при

дворѣ Аббаса Великаго въ XVI вѣкѣ; самъ Миръ Садуллахъ-Ханъ въ молодости своей служилъ при дворѣ Фетъ-Али Шаха. Какъ только я расположился въ открытой *верандѣ*, вѣжливый хозяинъ мой сдѣлалъ мнѣ визитъ въ-сопровожденіи трехъ туркменскихъ предводителей. Это были ямуды, племени *Кучук-Татаръ*, пріѣхавшіе къ хану договориться о размѣнѣ четырехъ плѣнныхъ туркменцевъ, захваченныхъ астерабадскимъ губернаторомъ. Но если ямуды имѣли несчастіе потерять четырехъ земляковъ своихъ, захваченныхъ въ плѣнъ, то персидскій ханъ потерялъ сорокъ человѣкъ изъ своего Фендерисскаго Округа, ограбленнаго туркменцами. Конечно, нѣкоторые были тотчасъ же выкуплены, но бо̀льшая часть стенала еще въ неволѣ, и непріятель не соглашался выдать ихъ, пока беглербегъ не возвратитъ свободу четыремъ плѣннымъ ямудамъ. Но беглербегъ ни за что̀ не согласится па ихъ просьбу; онъ продастъ ихъ на наличныя деньги или промѣняетъ на хорошихъ туркменскихъ коней, предоставляя роднымъ и друзьямъ персидскихъ плѣнниковъ освобождать своихъ ка̀къ знаютъ.

Бѣдный хозяинъ мой Миръ Садуллахъ-Ханъ находится въ весьма-затруднительномъ положеніи. Прежде здѣшній край былъ хорошо заселенъ, но въ началѣ XIX вѣка ямуды, соединясь съ гокланами (весьма-необычайный союзъ, ибо племена эти въ вѣчномъ раздорѣ между собою) сдѣлали въ него вторженіе. Они встрѣтили сильный отпоръ со стороны отца нынѣшняго хана, который успѣлъ заключить съ ними мирный договоръ; но, отправляясь къ нимъ, былъ измѣннически умерщвленъ; туркменцы, воспользовавшись его смертью, напали на беззащитныя фендерисскія деревни, увели въ плѣнъ болѣе 12 тысячъ персіянъ и продали ихъ въ Хиву и Бухару. Страна до-сихъ-поръ еще не оправилась.

Послѣ послѣдняго несчастнаго похода беглербега дѣла пошли еще хуже: непосредственные начальники катульскіе вмѣстѣ съ жителями ушли въ горы и не смѣютъ спуститься въ равнины, чтобъ собирать рисъ въ поляхъ своихъ; такимъ-образомъ Миръ Садуллахъ-Ханъ предоставленъ совершенно собственнымъ своимъ средствамъ.

Въ прежніе годы астерабадская область не только не платила подати, но еще правительство снабжало ее хорошо-вооруженною конною стражею для охраненія границъ и деньгами для выкупа персіянъ, попавшихся въ плѣнъ непріятелю; теперь всѣ эти благія мѣры оставлены, если не самимъ правительствомъ, по-крайней-мѣрѣ, начальниками, посылаемыми для управленія областью.

Миръ Садуллахъ-Ханъ подтвердилъ мнѣ то, что̀ я прежде слышалъ отъ самыхъ ямудовъ, то-есть, что они вовсе не преданы грабежу; что многіе изъ нихъ были бы не прочь отъ того, чтобъ сдѣлаться спокойными земледѣльцами и охотно входятъ въ дружескія сношенія съ Персіею; но всѣ эти добрыя желанія людей смирныхъ и благонамѣренныхъ не служатъ ни къ чему, пока нѣтъ между ними центральной власти, которая могла бы упрочить все справедливое и полезное. Те-

перь всѣ миролюбивыя намѣренія разрушаются туркменскими буянами, которые не признаютъ никакой власти и будутъ продолжать свои *чапаулы* на персидскія границы, пока правительство не соберетъ снова войска, чтобъ идти противъ нихъ и не принудитъ всѣхъ туркменцевъ уйдти глубже въ степь, на жизнь суровую и полную лишеній, или навсегда откочевать къ Хивѣ.

Жизнь этихъ народовъ можетъ служить образчикомъ положенія общества, неподчиненнаго никакой законной власти; пусть заглянутъ сюда заступники совершенствъ человѣческой природы, предоставленной необузданной волѣ своей.

Миръ Садуллахъ-Ханъ просилъ меня поговорить съ старшинами ямудовъ кучук-татарскихъ, *Кон-Яхмазъ* и ихъ Кази-Абдулеюбъ-Ханомъ, полагая, что слова Френги имѣютъ всегда большое вліяніе на этихъ грубыхъ сыновъ природы.

Хотя я и не былъ такъ увѣренъ въ своемъ вліяніи, какъ мой хозяинъ, однако, когда онъ привелъ ихъ ко мнѣ на слѣдующее утро, я всячески старался объяснить имъ неизъяснимыя благодѣянія мира и пагубныя послѣдствія разбоевъ и войны. Не знаю, до какой степени подѣйствовали на нихъ слова мои; однако они звали меня въ гости въ свои кочевья, слышавши, что я посѣщалъ сосѣдей ихъ огскихъ и аттабайскихъ ямудовъ.

Любезный хозяинъ мой сѣлъ на коня и проводилъ меня на нѣкоторое разстояніе; онъ бы поѣхалъ вмѣстѣ со мною и къ гокланамъ, еслибъ не былъ въ ссорѣ съ ямудами; теперь же, опасаясь безпрестанно ихъ набѣга, онъ долженъ былъ оставаться дома и взять свои предосторожности.

Дорогою мы разговорились о разныхъ любопытныхъ обычаяхъ туркменскихъ. Миръ Садуллахъ-Ханъ упомянулъ, между-прочимъ, что они чрезвычайно-высокаго мнѣнія о своемъ происхожденіи, и ни за что не отдадутъ своей дѣвицы въ замужество за персіянина, или даже за узбека, подъ властью которыхъ находится часть ямудовъ. Онъ мнѣ разсказалъ по этому поводу слѣдующій случай:

Отецъ его, Мирза-Наги-Ханъ, бывшій начальникъ Фендериса, влюбился въ туркменскую дѣвушку кучукскаго племени, которая благосклонно отвѣчала на любовь его и даже позволила ему увезти себя. Черезъ годъ ханъ, полагая, что гнѣвъ племени за этотъ поступокъ уже утихъ, позволилъ молодой женѣ своей повидаться съ родителями; она отправилась къ нимъ въ родной своей туркменской одеждѣ, въ сопровожденіи многочисленной свиты. Но едва только подъѣхала она къ шатрамъ своего племени, какъ ямуды схватили ее, повлекли наверхъ ближняго кургана и въ глазахъ родныхъ истерзали ее въ куски. Опасаясь мщенія оскорбленнаго мужа, все племя немедленно откочевало въ Хиву. Прошло нѣсколько лѣтъ, ханъ написалъ къ нимъ, приглашая ихъ возвратиться; признавалъ себя виноватымъ въ томъ, что не уважилъ ихъ

повѣрья и обычаевъ, и говорилъ, что теперь, удовлетворивъ своему мщенію, они могутъ возвратиться спокойно. Они возвратились; но едва только прибыли на мѣсто, какъ персидскій ханъ внезапно напалъ на нихъ, захватилъ шестьдесятъ ихъ женщинъ, которыхъ и казнилъ въ отмщеніе за смерть жены своей.

Миръ Садуллахъ-Ханъ разсказывалъ о послѣднемъ поступкѣ, какъ о дѣлѣ весьма-естественномъ—такъ глубоко вкорененъ въ груди персіянина *законъ мести*, la peine du talion. Онъ порицалъ своего отца только за то, что онъ женился на туркменкѣ, вопреки обычаямъ племени; такъ же судилъ объ этомъ и покойный Фетъ Али-Шахъ, хорошознавшій туркменскую гордость крови; онъ также осуждалъ Мирза-Наги-Хана только за неосторожную женитьбу.

Прежде, чѣмъ мы разстались съ фендерисскимъ начальникомъ, мы повстрѣчали шестерыхъ жителей Роміона, возвращавшихся изъ плѣна домой; они были выкуплены своими родными. Ханъ приказалъ сопровождавшимъ его всадникамъ посадить ихъ на коней сзади — можно вообразить, кàкъ обрадуются имъ встревоженныя семейства!

Сравнивая нашу безопасность съ жизнью здѣшнихъ народовъ, всегда-подверженныхъ безпокойству за себя или за родныхъ своихъ, кàкъ должны мы считать счастливыми, кàкъ должны благодарить Бога за то, что живемъ въ христіанской землѣ, подъ покровительствомъ законовъ!

Отъ *Хумбадона* до *Роміона*, ближайшаго моего ночлега, считается фарсанга три. Гора *Ниль-ку*, къ которой я приближался, лежитъ на востокъ, чрезъ в. с.-в. Мы ѣхали верхнею дорогою, лѣсомъ, порою пересѣкаемымъ полянами; теперь въѣхали въ густой лѣсъ, переправились через двѣ рѣки, лежащія за часъ пути одна отъ другой; послѣдняя, *Чекулъ*, находится на полпути отъ Роміона. Еще часъ спустя, достигли мы рѣки Роміонъ, переправились черезъ нее и повернули на югъ къ деревнѣ *Роміонъ*, оставивъ *Ак-Имамъ* на возвышеніи за фарсангъ отсюда къ сѣверо-востоку.

Ак-Имамъ былъ зимнею резиденціею Гуссейн-Хана, отца покойнаго Фѣтъ Али-Шаха; лѣто проводилъ онъ въ Кусорѣ (*). Самъ покойный шахъ живалъ здѣсь, прежде чѣмъ отправленъ былъ вмѣстѣ съ дядею своимъ, по повелѣнію Керимъ Хана-Зенда, въ Ширазъ. Тогда, вѣроятно, никто не думалъ, что бѣдный заложникъ будетъ нѣкогда самовластнымъ повелителемъ Персіи.

Деревня Роміонъ состоитъ изъ 120 домовъ и населена *киличами*, племени Гирейли, которые забыли родной свой турецкій языкъ и теперь говорятъ потуркменски. Туркменскій языкъ — испорченный турецкій: *тюркъ джагатай*.

(*) *Кусоръ* лежитъ въ горахъ, переѣзда на два къ востоку отъ Роміона; теперь онъ населенъ хаджеларскимъ племенемъ.

Здѣсь живутъ также нѣсколько гокланскихъ семействъ. Главное занятіе ихъ шелководство; всѣ домы обсажены шелковичными деревьями. Многія женщины сушили сѣмена дикихъ гранатъ, употребляемыя для приправы почти всѣхъ блюдъ своихъ, которымъ они сообщаютъ пріятную кислоту; изъ нихъ также дѣлаютъ шербетъ.

Отъ Роміона до береговъ Гургана будетъ фарсанга три; до *Бостама,* за цѣпью горъ, жители считаютъ два дня пути; ночь проводятъ они въ горахъ.

Рѣка Роміонъ вытекаетъ изъ *Моронскихъ* Горъ, фарсанга за два къ юго-юго-западу и образуется изъ сліянія двухъ ручьевъ, текущихъ отъ подошвы *Ку-Морона.*

На слѣдующее утро, 18-го сентября, мы рано выѣхали изъ Роміона. Дорога наша считается опаснѣйшею въ цѣломъ краю, благодаря частымъ встрѣчамъ гоклановъ съ ямудами на нейтральной землѣ. По милости Миръ Садуллахъ-Хана, при мнѣ было пятьдесятъ человѣкъ вооруженныхъ стрѣлковъ—довольно-грозная сила; порою мы пробирались черезъ лѣсъ или кустарникъ, порою выѣзжали на открытыя поляны.

Сначала ѣхали къ сѣверу по долинѣ, поросшей высокимъ тростникомъ, переправились черезъ рѣку *Тиланъ*, вытекающую изъ *Кафр-Кале* и впадающую въ Роміонъ; отселѣ пробирались между развалинами, называемыми *Джезире, или острова*; черезъ часъ пути, взобрались на поросшую лѣсомъ гору, спустились съ нея и, переправясь черезъ горный потокъ, въѣхали въ прелестную долину, замкнутую къ востоку черною, лѣсистою горою *Сузеро.*

Кто, подобно мнѣ, провелъ много лѣтъ въ средней Персіи, состоящей изъ безплодныхъ горъ и безплодныхъ долинъ, для того сѣверный склонъ Альбурскихъ Горъ, увѣнчанный роскошными лѣсами, испещренный прелестными долинами, орошенный многочисленными рѣками, украшенный великолѣпною растительностью, имѣетъ особую прелесть.

Въ частыхъ и продолжительныхъ путешествіяхъ моихъ на Востокѣ и на Западѣ, никогда не видалъ я страны, которая равнялась бы красотою съ Джурджаномъ: здѣсь миловидность англійскихъ ландшафтовъ соединена съ величественными картинами Кавказа. Но не грустно ли замѣтить, что тамъ, гдѣ природа наиболѣе расточаетъ лучшіе дары свои, тамъ человѣкъ дикъ и суровъ, какъ здѣшніе туркменцы, или погруженъ въ лѣность и безчувственность, какъ жители Малой Азіи и Европейской Турціи.

Послѣ трехъ часовъ пути, мы остановились позавтракать на берегахъ рѣки *Гермеруда,* служащей границею между Фендерисомъ и гокланскими землями. Гора Кале-Моронъ виднѣлась къ юго-юго-западу. Акъ-Имамъ къ сѣверо-западу чрезъ сѣверо-сѣверо-западъ; деревня *Но-де* за полфарсанга къ востоку отъ входа въ долину Гермерудъ; въ ней находится отъ девяносто до ста домовъ; насупротивъ нея, по ту сторону тѣснины, стоитъ, окруженная деревьями, деревня *Новый-Кун-*

дузъ (между-тѣмъ, какъ старый Кундузъ, ныньче опустѣлый, остался позади за часъ пути отъ насъ); здѣсь живетъ мирза Мусса, племянникъ Миръ Садуллахъ-Хана.

Я былъ на берегахъ Гермеруда нѣсколько лѣтъ назадъ, а именно: въ 1836, когда шахъ возвращался изъ своего неудачнаго похода противъ туркменцевъ. Мѣста, теперь повидимому спокойныя, представляли тогда страшную картину тревогъ и смятенія; но и того хуже было, когда армія вступила въ гермерудское ущелье и должна была пробивать себѣ путь по скалистымъ берегамъ рѣки, то бороться съ быстрымъ потокомъ, вздутымъ ноябрскими дождями, то взбираться на скользкія крутизны, то погружаться въ мрачные, непроходимые лѣса гирканскіе безъ дороги и по колѣно въ грязи. Такъ поднимался по сѣверному склону Хребта Альбурскаго шахъ съ дворомъ своимъ, гаремомъ, палатками и со всѣми роскошными принадлежностями персидскаго лагеря; за нимъ шла не только пѣхота и конница, но конная, верблюжья артиллерія.

При свитѣ его были также саперы и инженерные офицеры, но ихъ никогда не посылали расчищать дорогу или отъискивать удобнѣйшіе пути для войска и артиллеріи; да и къ-чему?... Вѣдь при царскомъ лагерѣ были чальвадары, или погонщики мулловъ!

Однажды шаху донесли, что пушки такъ глубоко завязли въ болотѣ, между горъ, что вытащить ихъ невозможно. Онъ чрезвычайно прогнѣвался на перваго министра, которому поручена была армія; даже говорили, что послѣднему грозитъ опала.

Но хитрый хаджи, бывшій при авангардѣ, скоро прослышалъ, что̀ ему готовится. Подъѣзжая къ болоту, гдѣ завязли пушки—что̀ увидѣлъ шахъ?... Старый министръ его, шапка на бекренѣ, стоялъ по колѣно въ грязи и своими руками помогалъ тащить орудіе, поощряя примѣромъ людей и лошадей. Это такъ понравилось государю, что онъ привѣтствовалъ хаджи похвальнымъ восклицаніемъ: «Барикаллахъ!» за усердіе къ службѣ.

Часто смѣшно бываетъ смотрѣть, ка́къ бѣдный мулъ, съ навьюченной на спинѣ его палаткой, съ шестами, торчащими спереди и сзади, запутается между деревьями и не можетъ двинуться ни взадъ, не впередъ. Но смѣхъ скоро смѣняется глубокимъ чувствомъ сожалѣнія, когда видишь усилія несчастнаго верблюда, отъ природы несозданнаго для скользкихъ дорогъ, когда онъ изо всѣхъ силъ старается выкарабкаться изъ глубокой грязи, въ которой завязъ съ высокой и тяжелой ношей, навьюченной ему на спину. Послѣ многихъ толчковъ и проклятій чальвадаровъ и многихъ безполезныхъ усилій бѣднаго животнаго, наконецъ вьюкъ снимаютъ. Но вотъ сзади слышенъ шумъ... нечего терять времени: пушки гремятъ, а верблюдъ лежитъ на дорогѣ. Ободрительное *еллахъ*! артиллеристовъ—и лошади ихъ преодолѣли препятствіе; они примяли подковами горбъ лежащаго верблюда, за ними про-

неслось тяжелое орудіе, потомъ захрустѣла хребтовая кость и горбъ— послышался раздирающій стонъ несчастнаго раздавленнаго животнаго... сердце рвется при взглядѣ на него, на взоръ его, исполненный тяжкой муки...

Бываетъ, впрочемъ , и хуже. Взяли въ плѣнъ нѣсколько туркменцевъ ; взяли также въ заложники мужчинъ , женщинъ и даже дѣтей, и повезли ихъ въ столицу ; нѣкоторые изъ нихъ были отданы солдатамъ на охраненіе. Переходы были долги и трудны. Одинъ бѣдный туркменецъ отъ усталости и голода не могъ идти далѣе и упалъ на дорогѣ; солдатъ , карауливщій его , не могши принудить его идти впередъ, отрубилъ ему голову, чтобъ представить начальству въ доказательство того , что туркменецъ не убѣжалъ. Но всего ужаснѣе въ этомъ возмутительномъ варварствѣ было то, что бѣдная вдова туркменца принуждена была нести окровавленную голову своего мужа до самаго ночлега, на который расположилась армія!...

Персіяне смотрятъ на эти жестокости холодно и равнодушно. Вѣдь это туркменецъ, а стоитъ ли жалѣть о туркменцахъ!...

VI.

Продолженіе.

Роміонскіе туфенгчи, или стрѣлки.—Развалины Даштанга, или Салосиля.—Встрѣча съ туркменцами. — Нафазъ-Сардарь, предводитель гокланскаго племени. — Скачка. — Разрушенный станъ Гяур-кале. — Судьба гокланскихъ бѣглецовъ изъ Хивы. — Невѣста. — Развалины Пероза. — Препятствія, которыя встрѣчаютъ страстнаго антикварія на Востокѣ. — Топографическія подробности. — Священный кланъ Атта.—Жалобы гоклановъ. — Война съ ямудами. — Различіе поколѣній. — Керих-гокланы. — Болидеръ. — Туркменская честность. — Кара-балхан-гокланы. — Кои-аркекли. — Очеркъ текке-туркменцевъ. — Занятія гокланскихъ женщинъ. — Шелковичные черви. — Памятникъ. — Развалины Шахрекъ. — Сапоги Узбека и ходатайство о возвращеніи гокланской красавицы. — Мнимые араб-гокланы. — Приключеніе въ Сенгерѣ. — Возвращеніе въ Астерабадъ.

Отдохнувъ съ часъ , мы снова пустились въ путь , переправились черезъ Гермерудъ, ѣхали вдоль Альбурскаго Хребта подъ тѣнью развѣсистыхъ дубовъ и скоро спустились въ равнину къ гокланамъ.

Во время короткаго моего отдыха на берегахъ Гермеруда, мой черный отрядъ *туфенгчи*, или мушкетеровъ, смѣненъ былъ другимъ , состоящимъ частью изъ пѣхотинцевъ, частью изъ всадниковъ , подъ начальствомъ Мирза-Муссы , племянника Миръ Садуллахъ-Хана. Эти горные туфенгчи очень-красивый народъ, и хотя немногочисленны , но славно дерутся съ туркменцами. Они одѣты въ черное платье; на головѣ черная персидская баранья шапка , за плечомъ необыкновенно-длинный мушкетъ. Блѣдныя лица ихъ оживлены бодрыми , проница-

тельными черными глазами и украшены окладистою черною бородою; вообще наружность ихъ сурова и повелительна; на лицѣ написана дума и тревожная забота — и не напрасно!...

Черезъ полтора часа пріѣхали мы къ разрушеннымъ стѣнамъ и широкимъ рвамъ *Даштанга;* они поросли густою, высокою травою и осѣнены великолѣпными дубами и другими деревьями; этотъ лѣсъ тянется къ сѣверу до одинокой башни *Гумбети-Кабусъ.* По землѣ разсѣяны большіе кирпичи; туземцы говорятъ, что здѣсь былъ нѣкогда городъ *Сало-силь.* Два первые слога напоминаютъ имъ *Саулъ* или *Соулъ*—маленькій городокъ, находившійся въ Джурджанѣ, по словамъ арабскихъ писателей (*); антикварій же съ удовольствіемъ вспоминаетъ, что *Sauloé Parthaunissa* древняя столица арзасидовъ также находилась въ Гирканіи.

Не доѣзжая еще Даштанги, мы вздрогнули, увидѣвъ вдругъ отрядъ конныхъ туркменцевъ, который, выскакавъ изъ-за рощи, бросился на насъ съ обыкновеннымъ своимъ воинскимъ крикомъ. Мы приготовились-было къ оборонѣ, но оказалось, что это гокланскіе всадники, подъ предводительствомъ Нафазъ-Сардаря. Ихъ предувѣдомили о нашемъ посѣщеніи и они выѣхали намъ на встрѣчу, чтобъ проводить насъ въ шатры свои и защитить, въ случаѣ какого-нибудь нападенія.

Нафаз-Сардарь очень-красивый мужчина, лѣтъ тридцати или тридцати пяти, смуглый, съ правильными чертами лица, умными, бодрыми глазами и короткою бородою. Онъ ѣхалъ на прекрасномъ ворономъ жеребцѣ; на немъ былъ синій персидскій *джубе*, или кафтанъ, разрѣзанный на бокахъ; за плечами висѣла на перевязи винтовка. Онъ считается страхомъ враговъ своихъ; слава его гремитъ по всему краю до границъ ямудскихъ, и хотя гокланы имѣютъ и другихъ сердарей, или предводителей, но всѣ добровольно уступаютъ ему пальму первенства.

Чтобъ выказать достоинство коней и свою ловкость, гокланы попарно скакали по гладкой равнинѣ; тотъ, кто возвращался первый, протягивалъ ко мнѣ руку, чтобы получить въ награду нѣсколько серебряныхъ сагиб-крановъ, которые я держалъ въ горсти на-готовѣ.

Ак-Имамъ лежитъ отъ Даштанги прямо къ югу, Кале-Моронъ къ юго-юго-западу, высоты Джеган-Наме къ юго-западу, Ниль-ку къ востоку сѣверо-востоку, а Гумбети-Кабусъ къ сѣверо-западу черезъ сѣверо-сѣверо-западъ.

Продолжая путь свой къ сѣверо-востоку, мы черезъ часъ пути переѣхали рѣку *Чиль-чай*, вытекающую изъ горъ *Кафе-Кажи;* она протекаетъ черезъ *Песерикъ* и, соединяясь съ Гермерудомъ при развалинахъ Джурджана, впадаетъ въ Гурганъ. Извилистое ея теченіе по долинѣ означено деревьями, растущими по берегамъ ея.

(*) См. D'Herbelot, Bibliothèque Orientale, «Saoul».

Въ дубовой рощѣ, проѣзжая кладбищемъ, я видѣлъ черную каменную плиту съ арабскою надписью, вѣроятно, весьма-древнею, потомучто туркменцы не украшаютъ могилъ своихъ арабскими похвалами.

Переѣхавъ другую небольшую рѣчку, заключенную въ глубокихъ берегахъ, прибыли мы къ кочевью Нафазъ-Сардаря; оно состоитъ изъ контингента, который каждое отдѣленіе гокланскаго племени выставляетъ для охраненія своихъ границъ и владѣній отъ заклятыхъ враговъ своихъ, ямудовъ.

Хотя мнѣ хорошо-извѣстна была несомнѣнная храбрость новыхъ моихъ знакомцевъ, и я увѣренъ былъ, что они будутъ мужественно сражаться въ случаѣ нужды, но такъ-какъ позиція ихъ противъ непріятеля очень-открыта, я захотѣлъ удостовѣриться собственными глазами, хорошо ли они ограждены противъ нечаяннаго нападенія.

Отдохнувъ немного и позавтракавъ прекрасной молодой бараниной и кислымъ молокомъ, я отправился въ-сопровожденіи моего привѣтливаго хозяина на рекогносцировку. Оказалось, что мои новые знакомцы прекрасно выбрали мѣсто. Лагерь ихъ стоялъ между двухъ рѣкъ, текущихъ въ глубокихъ берегахъ и впадающихъ одна въ другую, образуя треугольникъ, широкій базисъ котораго обращенъ былъ къ друзьямъ ихъ, а острый уголъ къ непріятелю. Ближе къ шатрамъ былъ высокій четыреугольный лагерь, окопанный рвомъ — памятникъ прежнихъ дней, называемый *Гяур-Кале;* онъ обнесенъ высокимъ землянымъ валомъ и широкимъ рвомъ, который весною наполняется водою изъ *Чиль-гези*, протекающей близь восточной окраины стана, междутѣмъ, какъ Карасу омываетъ его съ запада. Валъ вокругъ крѣпости имѣетъ отъ восьмидесяти до ста футовъ въ высоту и очень широкъ, кромѣ-того, укрѣпленъ деревьями и кустарникомъ.

Самая крѣпость представляетъ высокую, нестройную громаду, поросшую высокою травою, деревьями и кустарникомъ; мѣстами разбросаны обломки жженаго кирпича. Кѣмъ и когда построена эта крѣпость—неизвѣстно. Названіе ея *Гяур-Кале,* или крѣпость *невѣрныхъ*, позволяетъ предполагать, что она существовала прежде мусульманскаго владычества въ Персіи; впрочемъ, должно признаться, что такое заключеніе очень-поверхностно. Въ этомъ краю вообще обширное поле для историческихъ разъисканій; но, къ-сожалѣнію, слишкомъ мало лѣтописей въ помощь любознательности.

14-го сентября день былъ дождливый; я провелъ его съ Нафазъ-Сардаремъ и его земляками, которые пришли бесѣдовать со мною въ обширной, отведенной мнѣ палаткѣ. Я свелъ разговоръ на сказанія ихъ племени и узналъ много любопытнаго.

Посѣтивъ незадолго передъ симъ ямудовъ, я могу сравнивать оба эти племени. Гокланы бѣднѣе своихъ сосѣдей. Недавно еще они находились гораздо-болѣе въ цвѣтущемъ состояніи, теперь же совершенно истощены огромными налогами, которые должны платить персидскому ди-

вану, поборами своего *хакима*, или губернатора, и притѣсненіями *собеда*, или сборщика податей; кромѣ-того, многіе изъ нихъ были уведены въ *Ургенджъ*, то-есть, въ Хиву (древній городъ Хивинскаго Ханства) и возвратились оттуда съ пустыми руками.

Если хивинскій ханъ узнаетъ о побѣгѣ ихъ, то за ними отправляютъ погоню; захвативъ несчастнаго бѣглеца, заряжаютъ имъ мортиру и выстрѣливаютъ, чтобъ отучить земляковъ слѣдовать его примѣру; но, несмотря на такія варварскія наказанія, многіе изъ бѣдняковъ успѣваютъ пробраться черезъ степь, направляясь по звѣздамъ, по высотамъ Кале-Моронъ и Гумбети, особенно по шпицу демавендскому, руководимые инстинктомъ сердца—этой магнитной стрѣлкой, которая неуклонно ведетъ къ жилищу дѣтства, къ друзьямъ молодости...

Мѣста, отведенныя имъ въ Хивѣ гораздо-хуже здѣшнихъ; пажити скудны, вода дурна, сѣнокосовъ почти нѣтъ, климатъ нездоровый: неудивительно, что они изнываютъ съ тоски по очаровательныхъ долинахъ альбурскихъ и богатыхъ поляхъ гурганскихъ.

На конѣ они могутъ проскакать степь въ пятнадцать дней, при большей скорости даже въ двѣнадцать; на верблюдѣ же требуется двадцать дней; верблюдовъ они, впрочемъ, рѣдко и употребляютъ, потому-что подвергаются большой опасности быть пойманными. Хивинскій ханъ обыкновенно посылаетъ за ними въ погоню текке-туркменцевъ, находящихся въ его службѣ; они иногда убѣгаютъ въ Балканы къ ямудамъ, несмотря на вражду, обыкновенно ихъ раздѣляющую.

Впродолженіе дня хозяинъ мой водилъ меня по кочевью и показывалъ внутренность нѣсколькихъ шатровъ, чтобы дать мнѣ понятіе о гокланскомъ хозяйствѣ. Въ одномъ изъ нихъ я видѣлъ гокланскую дѣвушку въ необыкновенно-огромномъ головномъ уборѣ изъ перьевъ фазаньихъ, *тураджевыхъ* (*тураджъ* — красивая птица, водящаяся на Гурганѣ и Кавказѣ) и даже простыхъ пѣтушьихъ, набранныхъ въ своемъ же курятникѣ. Бѣдняжка очень конфузилась и краснѣла все время, пока мы на нее смотрѣли. Этотъ румянецъ украшалъ ее во сто разъ болѣе, чѣмъ смѣшной нарядъ; можетъ-быть, она стыдилась этой безобразной шапки, которая, вопреки увѣренія Пушкина (*), такъ дурно шла къ ея невинному пригожему личику; за-то родители ея замѣтно восхищались великолѣпнымъ нарядомъ, тѣмъ болѣе, что онъ привезенъ былъ издалека, изъ Хивы, чтобъ возвысить красоту ихъ дочери (**).

(*) «А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ,
Какая шапка не пристанетъ?»

«Русланъ и Людмила».

(**) Вотъ какъ выражается французскій путешественникъ Ricold de Mont Croix, посѣщавшій Монголію въ XIV-мъ столѣтіи: «Sont les dames des Tartres moult honorées entre eulx, et portent les dames des Tartres sur leurs chiefs couronnes (bogtak) plus grandes et plus haultes que nul-

Туркменскихъ дѣвушекъ очень-рано выдаютъ замужъ, но онѣ остаются у родителей еще года два, чтобъ изготовить себѣ приданое, прежде нежели отправятся въ домъ своего юнаго супруга. Кажется, что молодая красавица въ ужасной *кочбуркѣ* (такъ называютъ этотъ уборъ) была также невѣста, потому-что очень-прилежно пряла шерсть и была окружена огромными сундуками, въ которыхъ, вѣроятно, собирается все ея будущее хозяйство.

20 сентября. Путь нашъ лежалъ сегодня на сѣверо-востокъ черезъ с. с.-в. Дорога однообразная, за исключеніемъ нѣсколькихъ бродовъ черезъ ручьи. Въ пять часовъ утра хозяинъ мой стоялъ у входа моей палатки, въ половинѣ шестаго мы сѣли на коней и отправились въ кочевья Мурадъ Али-Хана, предводителя племени кирриховъ. Вскорѣ по выѣздѣ, мы переѣхали рѣку *Чильгези*, поросшую тростникомъ и кустарникомъ, называемымъ здѣсь *сіяталу*—колючее растеніе съ желтыми цвѣточками. Тминъ, или что-то очень-похожее на него видомъ и вкусомъ, поднимаетъ высокій стебель свой надъ тростниками и качаетъ своими полными сѣменъ коронками; еще какое-то растеніе съ длинными вѣтками, покрытыми цвѣтами некрасивыми, но чрезвычайно-душистыми; запахъ ихъ напоминаетъ нѣжное благоуханіе ванили или геліотропа. Проѣхавъ черезъ дубовую рощу, мы выѣхали на поляну, на которой разсѣяны шатры *Санкрикъ*-гоклановъ; далѣе виднѣлись рисовыя поля и глубокія канавы, проводящія воду для поливки.

Мѣсто, называемое *Перезъ*, или *Перозъ*, содержитъ въ себѣ остатки двухъ укрѣпленныхъ лагерей, изъ которыхъ меньшій имѣетъ четыреста-пятьдесятъ шаговъ въ длину и двѣсти-тридцать въ ширину; теперь же заросъ высокою травою и деревьями. Бо́льшій изъ двухъ еще неприступнѣе: онъ совершенно окруженъ деревьями и колючимъ кустарникомъ. Я замѣтилъ, что вдоль всѣхъ береговъ Каспія, начиная отъ западной провинціи Гилянъ, даже и въ нашемъ Талышѣ, во всемъ Мазандеранѣ, Астерабадѣ и вверхъ по Гурганской Долинѣ, всѣ кустарники и деревья вооружены иглами, иногда въ полпальца длиною и чрезвычайно-острыми. Часто онѣ буквально впивались мнѣ въ бока и не допускали осмотрѣть многихъ любопытныхъ мѣстъ въ этихъ дикихъ, безвѣстныхъ странахъ. Астерабадскимъ же жителямъ они служатъ лучшею защитою противъ враждебныхъ туркменцевъ, которые должны блуждать въ открытыхъ и широкихъ степяхъ.

Перезъ лежитъ за фарсангъ отъ рѣки Гургана и фарсанга за два отъ Ниль-ку.

Часа за два пути отъ вчерашняго нашего ночлега есть курганъ, называемый Куш-тепе, лежащій прямо противъ ущелья Чильгези; слѣ-

---

les aultres dames du monde» (см. L'hystoire merveilleuse, plaisante et recreative du grand Khan de Tartarie. Paris 1529 fol. 36 v.).

дуя по этой долинѣ черезъ *Френги-Порсіанъ,* выѣзжаешь на лугъ *Хош-Ейлакъ,* любимое лѣтнее кочевье покойнаго шаха.

Вскорѣ переправились мы чрезъ рѣку *Пойсинъ,* вытекающую изъ Ниль-ку и впадающую въ Гурганъ. Здѣсь мы нашли шатры *бегдаловъ,* которые вмѣстѣ съ *чакирами* составляютъ около четырехсотъ семействъ, находящихся подъ начальствомъ *Одинъ-Вели-Хана.*

Неподалеку отсюда видѣли мы мѣсто, нѣкогда весьма-заселенное. Здѣсь находится ключъ чистой воды и старая Имам-Заде, или гробница благочестиваго Абдуллаха; также высокій холмъ, называемый *Шах-Пессендъ.* Вокругъ засѣянныя поля и много воды.

Мы остановились позавтракать въ *Обехъ,* или кочевьѣ *чакировъ,* близь рѣки *Эшек-ли,* вытекающей изъ долины того же имени; за фарсангъ отъ Ниль-ку, сближающейся съ нею въ верховьѣ къ югу чрезъ юго-юго-востокъ. Гурганъ, въ который вливается *Эшек-ли* находится отъ насъ въ томъ же разстояніи къ сѣверу.

Приближаясь къ горамъ, мы переѣхали чрезъ ручей *Карез-ли,* впадающій въ Эшек-ли. У подошвы горы бьетъ обильный ключъ воды неподалеку отъ кургана Кара-Шеихъ.

Мы ѣхали на сѣверо-востокъ; по правую нашу руку тянулись низкіе холмы, за нами громада альбурская; передъ нами и влѣво волнующаяся почва склонялась къ Гургану. Проводники сказали мнѣ, что въ Гурганъ впадаетъ справа рѣка *Ходжи-Каушъ,* текущая къ югу изъ *Холис-Пегамбера,* что вода этой рѣки горьковата и берега очень-круты. Берега Гургана также очень-круты и бродовъ мало.

Прошу прощенія за всѣ эти подробности; но этотъ уголокъ свѣта еще не былъ описанъ европейцами; немногіе даже не заѣзжали сюда, потому мнѣ и хотѣлось представить читателю топографическое описаніе страны, такъ-какъ оно отмѣчено въ моемъ журналѣ.

Теперь мы въѣхали въ верхнюю долину гурганскую, окаймленную съ обѣихъ сторонъ невысокими горами; передъ нами *Пушти-Кемеръ,* отъ котораго начинается стѣна *Кизиль-Алланъ.* Долина засѣяна ячменемъ и пшеницею, и почва, кажется, очень-хороша, потому-что зерно (какъ увѣряли туземцы) приноситъ самъ-пятьдесятъ.

Туркменцы *Атта* считаются потомками первыхъ калифовъ и потому священными между прочими туркменцами; они пользуются своими преимуществами и занимаются торговлею. Никто нигдѣ не безпокоитъ ихъ; они скупаютъ хлѣбъ, ростущій на берегахъ Гургана и перевозятъ его на берега Аттрека и далѣе, къ *Чорву,* ямудскаго же племени, также какъ и къ *текке*-туркменцамъ за *Чиндеръ, Сундъ* и *Коррекале.*

Предводитель керриховъ, Мурадъ Али-Ханъ выѣхалъ мнѣ на встрѣчу съ братомъ своимъ Бабою и многими гокланскими наѣздниками. Сказавъ другъ другу нѣсколько привѣтствій, мы очень подружились, и вскорѣ оказалось, что всѣ они чрезвычайно терпятъ отъ притѣсненій астера-

бадскаго беглербега. Они очень на него сѣтуютъ, также какъ и всѣ гокланы, которыхъ мнѣ случалось встрѣтить.

«Шахъ ничего не знаетъ (сказалъ мой хозяинъ). Я желалъ бы, чтобъ ты сказалъ средоточію вселенной, что мы, гокланы, дѣлаемъ чапаулы въ земли враговъ его, и все награбленное повергаемъ къ праху ногъ его, а ему ничего не достается; беглербегъ все забираетъ себѣ—и всегда еще недоволенъ. Одинъ изъ нашихъ сардарей недавно захватилъ въ добычу пятьсотъ верблюдовъ у племени *дозъ* въ Балканахъ, и беглербегъ немедленно отнялъ у него пятую часть. Я самъ былъ брошенъ въ тюрьму не дальше какъ нынѣшнею весною, только для-того, чтобъ содрать съ меня пятьсотъ тумановъ за выкупъ; съ Сафаръ Али-Ханомъ предводителемъ *Кои* сдѣлали то же. Это невыносимо; и если такъ продолжится, мы уйдемъ въ Хиву, куда нѣкоторые изъ нашихъ ужь и отправились.»

Что мнѣ было сказать въ утѣшеніе моему обиженному хозяину?... Онъ говорилъ сущую правду, и надежды на лучшее было мало.

Чтобъ развеселить изъ, я сталъ разспрашивать о подробностяхъ ихъ послѣдней побѣды. Недавно была у нихъ стычка съ ямудами, и они одержали верхъ. Вообще гокланы считаются лучшими *сагиб-шамширами* (рубаками) изъ всѣхъ туркменцевъ. Предводителемъ ямудовъ въ этомъ дѣлѣ былъ нѣкто, слывущій за *Наиба*, или посланника ихъ святаго имама. Онъ до-сихъ-поръ считался неуязвимымъ, но гокланская стрѣла ранила его въ руку: видно, матушка современнаго Ахиллеса держала его за ручку, а не за ножку, погружая въ Стиксъ. Теперь ямуды говорятъ, что ихъ *ходже* неуязвимъ только персидскимъ оружіемъ, но туркменцамъ что жь можетъ противиться?...

Туркменцы различаютъ *туркменцевъ чистой крови*, называемыхъ *Икъ*, отъ *Гулъ*, рожденныхъ отъ плѣнныхъ персіянокъ. Гокланы также гордятся своимъ происхожденіемъ, какъ и ямуды. Они никогда не заключаютъ брачныхъ союзовъ съ ямудами, или текке, частью вслѣдствіе вѣчныхъ ихъ распрей, частью по вышесказанной причинѣ. Единственное исключеніе изъ этого правила случилось въ царствованіе Аги Мухаммедъ-Хана, который заставилъ ямудовъ вступить въ родственныя связи съ гокланами; но ни тѣ, ни другіе никогда не отдадутъ своей дочери за текке, потому-что послѣдніе считаются ниже ихъ родомъ. Преданіе ихъ говоритъ, что *Туркменъ*, родоначальникъ великаго туркменскаго племени, имѣлъ двухъ сыновей, *Ямуда* и *Гоклана*, рожденныхъ отъ свободной женщины *Икъ*; *Текке* же, третій сынъ, былъ рожденъ рабынею, *Гулъ*. Родоначальникъ туркменцевъ имѣлъ, вѣроятно, и другихъ дѣтей, равно-благородныхъ, потому-что туркменцы *Сарихъ* и *Салуръ* предъявляютъ также права на званіе *Икъ;* кажется даже, что *Салуры*, кочующіе близь *Серекса* въ Хорасанѣ, считаются самыми *наджибъ*, или благороднѣйшими изъ всего туркменскаго рода.

Нынѣшніе мои пріятели очень-хорошо ограждены отъ внезапнаго нападенія непріятелей, отъ которыхъ справа отдѣлены Гурганомъ и впадающими въ него рѣками *Сарису* (противъ нашего кочевья) и *Ходже Каушъ; Дереворъ*, протекающій близь самаго Обеха слѣва, впадаетъ въ Гурганъ же; дно всѣхъ этихъ рѣкъ вязкое и берега очень-скользки.

Керрихи считаютъ ныньче отъ 400 до 500 семействъ; остальные 200 ушли въ Хиву подъ начальствомъ Гейдеръ-Хана и Килиджъ-Хана.

21-го сентября. Снова поднявшись рано утромъ, въ половинѣ шестаго, мы поѣхали берегомъ Гургана на сѣверо-востокъ чрезъ сѣверо-сѣверовостокъ. Долина постепенно съуживается, окаймленная съ обѣихъ сторонъ отраслями Альбурскихъ Горъ, въ видѣ круглыхъ холмовъ, покрытыхъ деревьями въ богатомъ, пестромъ осеннемъ уборѣ. Кое-гдѣ видны и безплодныя горы, и чѣмъ ближе къ Гургану, тѣмъ отвѣснѣе; иныя спускаются отлогою покатостью къ рѣкѣ. Долина хорошо обработана, покрыта рисовыми и хлопчато-бумажными плантаціями; также много полей, засѣянныхъ ячменемъ, пшеницею, кунджутомъ и *джоверсомъ*—трава, извѣстная въ Туркменіи какъ *хунукъ*, или прохладительная пища для лошадей. Весь этотъ край покрытъ шелковичными плантаціями; шелководство составляетъ главное занятіе гоклановъ. Гранатовыя и фиговыя деревья ростутъ дико.

Черезъ часъ пути достигли мы кочевья *Боиндеръ* гоклановъ на лѣвомъ берегу Гургана; проѣхавъ немного далѣе, прибыли въ другой *Обехъ* того же племени; шатры раскинуты были частью по краю обрывистаго берега Гургана, частью на склонѣ горъ. Здѣсь насъ пригласили отдохнуть и позавтракать чрезвычайно-жирнымъ пилавомъ съ бараниною, и неменѣе жирною *катламою*—родъ толстыхъ слоеныхъ лепешекъ, изжаренныхъ въ маслѣ, котораго не жалѣютъ.

Я узналъ, что большая часть *боиндеровъ* (500 семействъ), подъ предводительствомъ Ак-Ахмета и Ак-Килиджа, ушли въ Хиву; остается только 200.

Здѣсь я разстался съ провожавшими меня киррихскими старѣйшинами, Мурадъ-Али-Ханомъ и братомъ его, Бабою, и продолжалъ путь свой вверхъ по долинѣ. Отъѣхавъ недалеко, я услышалъ за собою лошадиный топотъ и, оглянувшись, увидѣлъ всадника, скачущаго ко мнѣ во всю прыть. Это былъ хозяинъ шатра, въ которомъ я завтракалъ; онъ догонялъ меня, чтобъ возвратить плеть, которую я у него позабылъ. Поблагодаривъ и существенно вознаградивъ его за безпокойство и похваливъ за честность, я нечаянно пожалъ скрытую въ рукояти хлыста пружину и оттуда выскочилъ потайной кинжалъ. Всѣ спутники мои ахнули отъ удивленія. Я никогда не забуду жадности, сверкнувшей въ глазахъ моего хозяина; съ языка его сорвалось восклицаніе горькой самоукоризны: «какой я дуракъ, что отдалъ такую драгоцѣнность!» Благодарность моя значительно уменьшилась; не оставалось сомнѣнія, какое чувство побудило его возвратить мнѣ забытую вещь: считая плеть

для себя ненужною, онъ очень-радъ былъ выказать передо мною свою честность и получить награду; но едва увидѣлъ кинжалъ, наступательное и оборонительное оружіе—корыстолюбіе заговорило!... Впрочемъ, чего же и ждать отъ необразованныхъ, бѣдныхъ степныхъ собратій нашихъ, живущихъ безъ правилъ нравственности, безъ руководства?... Удивительно, что они еще не хуже! Они заслуживаютъ сожалѣніе и еще болѣе снисхожденіе!...

Продолжая путь свой, любовался я тою же прекрасною страною; въ кочевьѣ дѣятельныхъ *карабалханскихъ* гоклановъ женщины трудились въ садахъ и шелковичныхъ плантаціяхъ.

Нѣсколько-далѣе предводитель *кои* гоклановъ *Нуръ-Генди-Ханъ* выѣхалъ мнѣ на встрѣчу съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ своимъ, скакавшимъ на маленькой лошадкѣ, и другими туркменцами; въ спровожденіи ихъ въ чесять часовъ утра прибылъ я въ кочевье *Аркекли*. Здѣшній старшина *Сафаръ-Али-Ханъ* приготовилъ для меня четыре палатки.

Здѣсь находится нынѣ крайняя граница гокланскихъ владѣній; прежде они простирались далѣе къ сѣверовостоку до истоковъ Гургана, Сундской и Чиндерской Долинъ и крѣпости Корре-Кале; но вслѣдствіе нападеній узбековъ и переселенія части собственнаго ихъ племени въ Хиву, эти мѣста опустѣли и теперь служатъ убѣжищемъ разбойникамъ текке и бродягамъ ямудскимъ, которые дѣлаютъ чапаулы на гокланскія владѣнія.

Такъ-какъ станъ текке при *Кизиль-Арвадѣ* будетъ переѣзда за три отсюда къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ гоклановъ, то, мнѣ кажется, здѣсь кстаки будетъ дать краткое понятіе объ этой многочисленной отрасли туркменскаго племени.

Текке раздѣляются на два главные разряда: *текке-ахалы* и *текке-теджены*, по имени округовъ, ими занимаемыхъ, и простираются на востокъ отъ соплеменниковъ своихъ гоклановъ по сѣверному склону Альбурскихъ Горъ. Каждый отдѣльный аулъ выбираетъ рѣчку или ручеекъ, текущій съ горы, и поселяется на берегахъ ея, строитъ себѣ въ горѣ маленькое укрѣпленіе, въ которое уходитъ при нападеніи непріятеля и которое служитъ достаточною защитою противъ подобнаго войска и при такомъ образѣ войны.

Текке считаются богатѣйшими изъ туркменцевъ; богатства ихъ состоятъ наиболѣе изъ овецъ, верблюдовъ, особенно же лошадей, славящихся на всемъ Востокѣ своимъ ростомъ, силою, терпѣніемъ; впрочемъ, на бѣгу онѣ не такъ быстры, какъ у прикаспійскихъ сосѣдей ихъ.

Текке занимаются также земледѣліемъ, но поля ихъ необширны по причинѣ скудости воды; они достаютъ свои съѣстные припасы, какъ то: пшеницу, ячмень, рисъ, *джаугенъ* (родъ проса) изъ Хивы въ обмѣнъ на барановъ, верблюжью шерсть, конскій волосъ, ковры, войлоки, *каджары*, или попоны, *джубе*, или одежду изъ верблюжьей и овечьей

шерсти, но главное, на лошадей. Лучшіе туркменскіе ковры приготовляются женщинами текке.

Большая часть текке признаетъ владычество хивинскаго хана. Набѣги дѣлаютъ они большею-частью на Хорасанъ; иногда заходятъ даже до воротъ Мешеда, грабятъ караваны богомольцевъ и купцовъ и сильно тревожатъ курдистанскія селенія вокругъ Буджнурда, Кучана и далѣе къ востоку.

Текке считаютъ до 40,000 семействъ.

Гокланки въ Аркелли и сосѣднихъ Обехахъ ткутъ шелковыя матеріи; онѣ славятся своимъ искусствомъ между всѣми туркменками. Рано весною, когда только начинаютъ распускаться шелковичные листочки, онѣ берутъ сѣмя шелковыхъ червей, которое до-сихъ-поръ сохранялось въ холоду, и, завернувъ въ кисейные мѣшечки, кладутъ себѣ подъ-мышки: насѣкомое отъ теплоты скоро выходитъ изъ сѣмени; такимъ же образомъ выводятъ червей въ Гилянской Провинціи, гдѣ шелководство составляетъ главную промышленость жителей. Вылупившихся червячковъ кладутъ на нѣжные листья бѣлой шелковицы, которыми они питаются; по мѣрѣ того, какъ они увеличиваются въ объёмѣ и въ силѣ, на полу назначеннаго для нихъ шатра разсыпаютъ листья крупнѣе и въ бòльшемъ количествѣ; листья должно насыпать каждый день свѣжіе и безъ росы, которая очень вредитъ червямъ; не должно также класть листья грудами, чтобъ они не сопрѣли, и вообще слѣдуетъ оставлять въ шатрѣ свободное теченіе воздуха; послѣдняя предосторожность, впрочемъ, не очень соблюдается.

Когда червь достигаетъ полнаго своего развитія, то перестаетъ ѣсть и начинаетъ ползать по стѣнамъ, ища въ тѣни мѣстечка, гдѣ бы могъ свить свою куколку и превратиться въ хризалиду. Тѣ, которые вползаютъ выше, считаются сильнѣйшими и здоровѣйшими; ихъ немедленно отбираютъ, потому-что они даютъ шелкъ ровнѣе и крѣпче, нежели тѣ, которые свиваютъ коконы ниже.

Мнѣ не удалось много разспрашивать объ этомъ занимательномъ предметѣ, потому-что вѣрныя свѣдѣнія можно получить только отъ женщинъ, а съ ними бесѣдовать мнѣ невозможно. Я также не могъ добиться, какія краски они употребляютъ, и замѣтилъ только, что у нихъ есть свои секреты, которыхъ онѣ не открываютъ посторонимъ; достовѣрно только, что краски ихъ болѣе растительныя, чѣмъ минеральныя.

Итакъ, я достигъ крайнихъ предѣловъ земель, ultima Thule, занимаемыхъ нынѣ гокланами. Еслибъ мой фендерисскій хозяинъ, Миръ-Садуллахъ-Ханъ сопутствовалъ мнѣ, какъ располагалъ-было, мы бы поѣхали и подалѣе къ сѣверу, въ прекрасныя долины, орошенныя *Чиндеромъ* и *Сундомъ*, или *Сумбаромъ*, о которыхъ я такъ много наслышался и которыя чрезвычайно желалъ видѣть; но съ моею немногочисленною

прислугою пуститься въ дикіе краи, гдѣ встрѣчаются только разбойники, было бы неблагоразумно, и потому я счелъ за лучшее возвратиться.

Хотя я провелъ немного времени между моими новыми знакомцами, но, присмотрясь ближе къ ихъ ежедневнымъ занятіямъ, заинтересовался ими; они такъ довѣряли моей *скромности*, открывая мнѣ простодушно свои потребности, свои страданія, свои опасенія и надежды, что мнѣ *жалко* было разстаться съ ними.

Можетъ-быть, прелестныя картины природы, которыми я наслаждался здѣсь и которыя долженъ былъ покинуть, также содѣйствовали этому сожалѣнію. Пребываніе въ Джурджанской Долинѣ возбудило много впечатлѣній въ душѣ моей. Находясь постоянно подъ очарованіемъ вѣчно-разнообразныхъ красотъ природы, я восхищался необычайною роскошью произведеній этой прекраснѣйшей въ мірѣ страны; я полюбилъ ея трудолюбивыхъ жителей, которымъ для полнаго счастія недостаетъ только мира и безопасности, по-крайней-мѣрѣ на сколько они совмѣстны съ нашимъ падшимъ состояніемъ. Они просятъ только, чтобъ ихъ оставили въ покоѣ—требованіе, кажется, очень-умѣренное, и которое можно бы такъ легко исполнить... Съ другой стороны, меня возмущали притѣсненія, которымъ они подвержены со стороны персидскаго начальства; я жалѣлъ самое правительство, которое (не говоря уже о человѣколюбіи) было такъ слѣпо и не понимало, что собственная его польза требуетъ всячески пріобрѣсти расположеніе этого умнаго, смышленаго народа и поощрять промышленость, къ которой онъ такъ способенъ и склоненъ отъ природы (*).

22-го сентября. Вставъ рано поутру, по обыкновенію, въ половинѣ шестаго часа, простился я съ добрыми моими аркеклійскими хозяевами и отправился въ обратный путь, сначала на юго-юго-западъ, потомъ прямо на югъ, переправился черезъ двѣ рѣчки, *Зау* и *Биби-Гандау*, которыя ниже сливаются въ одну. Справа видѣлъ простой памятникъ, воздвигнутый въ честь туркменца, разрушившаго крѣпость (которой развалины указывали мнѣ далѣе); крѣпость эта была сооружена персидскимъ начальствомъ, чтобъ удержать въ страхѣ гоклановъ. Простъ и, повидимому, неваженъ этотъ монументъ, но глубоко впечатлѣніе, имъ производимое: оно выражаетъ внутреннее чувство цѣлаго племени!

Дорога идетъ по возвышенной плоскости, окруженной горами; близь кочевья *Кои* шелковичныя плантаціи и сѣрный ключъ. Впродолженіе

(*) Мнѣ сказывали, что 400 гокланскихъ семействъ, содержащихся заложниками въ Тегеранѣ, стоятъ правительству 16,000 томановъ (червонцевъ) въ годъ. Оставивъ (если это уже необходимо) только 100 семействъ, которыя равно отвѣчали бы той же цѣли, правительство сберегло бы 12,000 томановъ; а 300 семействъ, возвратясь на родину, обработывали бы землю, благословляя шаха, который возвратилъ имъ свободу, отечество и прелестныя долины гурганскія.

дня я проѣхалъ много разныхъ кочевьевъ: *Кои*, *Кара-Балканъ*, *Боиндеръ ай-дервишскихъ* гоклановъ, и спустясь постепенно въ долину близь кочевья *Ай-Дервишь*, пріѣхалъ въ *Дугулумъ* и остановился ночевать въ шатрахъ *Одинъ Вели-Ханъ*, племени *Чекиръ*.

23-го сентября. Переѣхавъ Карезли, свернулъ съ дороги, чтобъ осмотрѣть развалины *Шахрека*, который былъ прежде городомъ, судя по курганамъ, каналамъ, кладбищамъ и жженымъ кирпичамъ, разсѣяннымъ на весьма-большомъ пространствѣ; но я не нашелъ никакихъ данныхъ, по которымъ могъ бы заключить что-нибудь о его минувшемъ. Все было похоже на то, что̀ я видѣлъ, осматривая сасанидскія и, можетъ-быть, не столь древнія развалины въ недавнюю поѣздку мою по Южной Персіи. Тамъ, благодаря сухости климата, развалины лучше сохранились; за-то здѣсь все поросло роскошною растительностью. Деревья закрываютъ густою зеленью бывшія жилища человѣка; виноградъ и фиговыя деревья одичали; гранатовый кустарникъ, терновникъ и хмѣль, сплетающій стѣною древесныя вѣтви, достаточно преграждаетъ путь любопытному антикварію.

Можете судить, ка̀къ непреодолимы были эти препятствія, когда они помѣшали мнѣ заглянуть въ пещеру, находящуюся въ шести веретахъ отсюда, и которую народный богатырь Рустемъ обратилъ въ стойло для коня своего во время войны съ Афразіабомъ, царемъ туранскимъ. Я непремѣнно бы посѣтилъ пещеру, если не ради самого героя, то въ память Фирдоуси.

Ниль-ку лежитъ прямо на югъ отсюда, на разстояніи около фарсанга, а *Кале-Моронъ* на юго-западъ, куда мы и ѣхали. Мой хозяинъ, добрый старикъ *Одинъ Вели-Ханъ*, прощаясь со мною, принесъ пару киргизскихъ сапоговъ, съ высокими каблуками и острыми, загнутыми носками, прося меня принять ихъ; въ награду за то, возвратясь въ Тегеранъ, я долженъ былъ выхлопотать его дочери (содержащейся съ мужемъ своимъ заложниками въ Тегеранѣ) позволеніе возвратиться къ своему старому отцу: ему, кажется, очень-хотѣлось видѣть ее. *Мир-Ахуръ*, начальникъ шахскихъ конюшень, родомъ туркменецъ, обѣщалъ похлопотать о ея освобожденіи, и Одинъ Вели-Ханъ немедленно выслалъ пятьдесятъ полновѣсныхъ томановъ, «чтобъ умостить дорогу». Сынъ его *Арти-Ханъ* былъ также въ Тегеранѣ; имени же своего зятя старикъ не могъ припомнить. Я поступилъ непростительно и до-сихъ-поръ упрекаю себя въ этомъ: возвратясь въ Тегеранъ, на радости скораго свиданія съ друзьями на родинѣ, вовсе позабылъ о просьбѣ старика. Мнѣ жаль теперь, что я не принялъ его красныхъ сапоговъ: они бы бросились мнѣ въ глаза и напомнили бы его желаніе. Я утѣшаюсь только надеждою, что Мир-Ахуръ памятливѣе меня, тѣмъ-болѣе, что одаренъ *золотыми* вспомогательными средствами, согласно прекрасному французскому правилу: *les petits cadeaux entretiennent l'amitié, et les grands — l'augmentent.*

Мы переѣхали *Кара-су,* протекающую близъ *Ниль-ку*, и прибыли въ небольшую деревню, населенную сорока арабскими семействами. Никто не могъ сказать мнѣ, происходятъ ли они отъ первобытныхъ здѣшнихъ арабскихъ жителей, или перешли сюда въ позднѣйшія времена. Они называютъ себя *араб-гокланами*, говорятъ гокланскимъ языкомъ; физіономія ихъ, однако, обличаетъ болѣе сродства съ персидскимъ племенемъ; впрочемъ, иные имѣютъ и туркменскія черты.

Деревня стоитъ на возвышеніи у подошвы *Ниль-ку*. Юрты выстроены изъ тростника, смазаннаго глиною; иные живутъ въ черныхъ шатрахъ.

Переѣхали сухое русло рѣки, далѣе переправились чрезъ *Чильгезе,* текущую между высокихъ береговъ. Чильгезе вытекаетъ изъ высотъ *Кусора* и обтекаетъ деревни *Фра* и *Фурсіанъ*. Взявъ направленіе параллельно съ горами, тянущимися слѣва, мы переѣхали рѣчки *Оганъ*, *Нурому* и нѣсколько глубокихъ и широкихъ каналовъ; ѣхали въ тѣни дубовыхъ рощъ и по полянамъ пробирались въ высокой травѣ.

Подлѣ слитія Нуромы съ Деличамъ есть курганъ *Килидж-тепе*.

Подъѣзжая къ деревнѣ *Сенгеръ*, расположенной частью на скатѣ лѣсистыхъ горъ, частью на рѣкѣ *Чильчай*, текущей изъ Кончи, мы сошли съ лошадей, позавтракать. Я выслалъ впередъ своего *мехмендара,* даннаго мнѣ фендерисскимъ губернаторомъ, Миръ-Садуллахъ-Ханомъ, чтобъ приготовить намъ кушанье; но, прибывъ въ деревню, нашелъ своего мехмендара въ весьма-жалкомъ положеніи, съ избитою и окровавленною рукою, безъ шапки, шашки, ружья и пистолетовъ; изъ его несвязныхъ жалобъ я нескоро могъ дознаться о причинѣ его несчастія.

Кажется, жители Сенгера, дикіе хаджелары, недовольны Миръ-Садуллахъ-Ханомъ и желаютъ передаться одному горскому предводителю, начальнику крѣпости *Нардинъ;* его интригамъ приписываютъ отчасти и неудовольствіе жителей. Какъ бы то ни было, сенгерцы, чтобъ высказать свою непріязнь Миръ-Садуллахъ-Хану, схватили его слугу, избили его и отняли оружіе.

Чтò мнѣ было дѣлать? Я не могъ надѣяться образумить ихъ, однако долженъ былъ вступиться за обиженнаго. Итакъ, позавтракавъ и отдохнувъ, мы поѣхали къ лѣсу, въ которомъ скрылись оскорбители бѣднаго мехмендаря, съ добычею, отнятою ими у своей жертвы. Оставивъ людей своихъ въ нѣкоторомъ разстояніи, я подъѣхалъ къ нимъ; упорное молчаніе было отвѣтомъ на мои объясненія. Я говорилъ, что оскорбленіе человѣка, находящагося при мнѣ на службѣ, принимаю за личную себѣ обиду, которой не заслуживалъ ничѣмъ; я пріѣхалъ къ нимъ, какъ мирный гость, какъ кунакъ, въ надеждѣ, что они пріймутъ меня такъ же дружелюбно, какъ всѣ прочіе, которыхъ я посѣщалъ; что лучшимъ доказательствомъ ихъ расположенія будетъ возвратить моему мехмендарю отнятую у него собственность; но они или не поняли меня хорошенько, или были слишкомъ-взволнованы, чтобъ слушать мои убѣ-

жденія; только всѣ мои миролюбивыя усилія остались безуспѣшны. Я отложилъ дальнѣйшее попеченіе, прибавивъ только, что когда увижу шаха, то вѣрно не стану хвалить передъ его величествомъ поведенія сенгерскихъ хаджеларовъ; но они и къ этому убѣжденію остались такъ же равнодушны, какъ къ прежнимъ.

Путь нашъ лежалъ вдоль береговъ Чильчая на юго-западъ чрезъ западо-юго-западъ, потомъ на *Доменику*, или подошву Альбурскаго Хребта, красиво-понижающагося къ долинѣ. Проѣхавъ сліяніе Нурмы, или Нуромы, съ Чильчаемъ, мы поднялись въ гору прекрасною дубовой рощей; спустившись, проѣхали долину и переправились через рѣку Гермерудъ и прибыли въ деревню *Но-де*.

Отъ Но-де до Астерабада ѣхали ужь прежде знакомою дорогою, оставивъ только влѣвѣ Роміонъ.

VII.

Джурджанъ, или Ховеранъ, и Хорасанская Степь.

Историческій очеркъ. — Веркана зендскихъ хроникъ. — Счастливыя деревни, видѣнныя Александромъ-Великимъ. — Гирканія при пареянскомъ правленіи. — Стѣна Гога и Магога, или Кизиль Алланъ. — Арабское владычество — Каусъ. — Селджуки, моголы и турки при Аббасѣ-Великомъ. — Набѣги туркменцевъ. — Каджарское вліяніе. — Общіе предѣлы великаго туркменскаго семейства. — Рѣки: Гурганъ и впадающія въ него; Аттрекъ и впадающія въ него. — Горы и долины. — Туркменская Степь и дороги въ Хиву. — Климатъ. — Древности. — Кизиль Алланъ. — Развалины города Джурджана и Гумбети Кабуса. — Мое приключеніе.—Тигры. — Биби Ширванъ. — Истахлъ.— Гяуръ Кале. — Дашталги. — Перозъ. — Шахрекъ.

Страна, лежащая теперь предъ нами, была извѣстна въ глубочайшей древности, и несмотря на то, что множество ордъ изъ Средней Азіи въ разныя времена прорывались черезъ нея въ Персію, она успѣла сохранить свое имя съ небольшими звукоизмѣненіями. *Веркана* зендовъ, *Гирканія* греческихъ писателей, *Джурджанъ* арабскихъ лѣтописей, нынѣ *Гурганъ*; итакъ, можемъ сказать утвердительно, что родословная Джурджана непрерывно сохранилась въ-теченіе многихъ вѣковъ.

Еще задолго до того, какъ отецъ исторіи называетъ *Гирканію* въ числѣ сатрапій персидскихъ царей, мы узнаемъ изъ Вендидада, что *Веркана* была одна изъ семи обителей блаженства, освященная Ормуздомъ и населенная зендами, прежде чѣмъ въ постепенныхъ переселеніяхъ своихъ отъ востока къ западу они заняли страну, нынѣ извѣстную подъ именемъ *Ирана*, или *Персіи*.

Изъ Шах-наме, или царской книги Фирдоуси, и изъ мѣстныхъ преданій мы видимъ, что здѣсь совершались многіе подвиги персидскаго героя *Рустама* во время войны его съ Афрозіабомъ, царемъ туранскимъ.

Но лучшія свѣдѣнія о здѣшнемъ краѣ заимствуемъ мы у историковъ Александра-Великаго, которые въ пышныхъ выраженіяхъ разсказываютъ о красотахъ здѣшней природы и плодородіи земли. Діодоръ, какъ было уже замѣчено мною въ предъидущей главѣ, называетъ ее страною *счастливыхъ деревень* и выхваляетъ превосходное качество вина и смоквъ; онъ говоритъ, что однихъ зеренъ, высыпающихся изъ колосьевъ, довольно бываетъ для возращенія на слѣдующій годъ богатой жатвы, и вовсе ненужно засѣвать земли (Diodorus Sicil. Lib. XVII, § 75, 329 B. C.).

Страбонъ, основываясь на показаніяхъ Аристовула, называетъ разные города, какъ-то: *Таламбросе, Симаріане, Карта, Царскій Тепе* и проч. (Strabo. Vol. I. C. IX), не опредѣляя ихъ мѣстоположенія, что̀ и препятствуетъ новѣйшему путешественнику открыть истинное ихъ мѣсто въ слѣдахъ разрушенныхъ городовъ, во множествѣ разсѣянныхъ по Гурганской Долинѣ.

Видно, что страна эта во всѣ времена была подвержена набѣгамъ варваровъ, кочевавшихъ на границахъ ея, или приходившихъ ордами съ дальнихъ предѣловъ Востока. Даже древнѣйшій писатель, Страбонъ, замѣчаетъ, что эта прекрасная область далеко еще не достигла той степени благосостоянія, которую опредѣлила ей природа, потому-что *гирканцы всегда находятся подъ игомъ варваровъ*, изъ числа которыхъ врядъ-ли исключаетъ онъ самихъ парѳянъ (Strab. Vol. I, C. IX).

Но, несмотря на свое угнетеніе, Гирканія неоднократно была колыбелью государей, правившихъ судьбами Персіи.

Изъ Гирканіи вышли *арзасиды*, или цари парѳянскіе; въ наше время Астерабадъ даровалъ Персіи нынѣ царствующую фамилію *Каджаровъ*.

Для защиты Гирканіи отъ варварскихъ набѣговъ сооруженъ былъ валъ, или стѣна, простирающаяся отъ сѣверо-востока отраслей Альбургскаго Хребта до береговъ Каспія. Сооруженіе этого вала приписываютъ Искендеру Зулькарнейну I (см. D'Herbelot, Bibliothèque Orientale), а не Искендеру Руми, или Александру Македонскому; но время построенія его неопредѣленно. Говорятъ, что онъ былъ починенъ сасанидскимъ царемъ Нуширваномъ Великимъ въ VI-мъ вѣкѣ; арабскіе писатели называютъ его *Садд-Яджужи-Маджужъ*, или стѣна Гога и Магога (*). Нынѣ туземцы называютъ ее, или по-крайней-мѣрѣ ея остатки, стѣна *Кизиль-Алланъ*.

(*) Сэръ Джонъ Малькольмъ въ своей «Персидской исторіи», основываясь на свидѣтельствѣ восточныхъ авторовъ, приписываетъ, однако, сооруженіе этого вала Александру-Великому. Онъ говоритъ:

«Многіе авторы полагаютъ, что онъ (Александръ-Великій) есть пророкъ Зулькарнейнъ, упоминаемый въ Коранѣ, и что онъ построилъ знаменитый валъ противъ *Яджуза* и *Маджуза*. Эти злые демоны, извѣстные намъ подъ именемъ Гога и Магога, живутъ, по словамъ персидскихъ

Джурджанъ былъ покоренъ арабами при *Солейманѣ Абдуль-Мелекѣ*, седьмомъ халифѣ изъ дома уміадовъ. *Езидъ ибнъ Малекъ*, прогнавъ *Саве* и *Фируза*, вмѣстѣ правившихъ Джурджаномъ, овладѣлъ городомъ и всею областью.

Въ позднѣйшіе вѣки, когда Персія была растерзана гражданскими раздорами и распрями *делеймовъ* и *самановъ*, эта провинція вмѣстѣ съ другими прикаспійскими землями досталась *Шамгуру*; изъ потомковъ послѣдняго одинъ *Каусъ*, или *Кабусъ*, сынъ *Вашмегира*, пріобрѣлъ нѣкоторую славу.

Этотъ государь извѣстенъ въ арабскихъ лѣтописяхъ какъ ученый и поэтъ; но онъ прославилъ имя свое болѣе всего безкорыстнымъ гостепріимствомъ, оказаннымъ нѣкоему *Фахри Даулету*, изъ племени *буядовъ*, гонимому своими братьями, всесильными при дворѣ багдадскихъ халифовъ.

Каусъ согласился скорѣе оставить свое государство и бѣжать въ *Нишапуръ* (въ Хорасанѣ), нежели выдать несчастнаго, прибѣгнувшаго къ его покровительству.

Въ отсутствіе его чума опустошила Джурджанъ и истребила все народонаселеніе Астерабада, бывшаго тогда (въ началѣ XI вѣка) столицею этой страны. По возвращеніи своемъ въ Джурджанъ, Каусъ царствовалъ недолго; онъ уступилъ престолъ сыну своему, *Манучеру*, который, въ свою очередь, долженъ былъ уступить побѣдоносному оружію султана Махмуда Газневидскаго.

фабулистовъ, въ горѣ *Кафъ*, средоточіи міра; исчадія же ихъ, появляющіяся во всякомъ видѣ и образѣ, обыкновенно грабятъ и разоряютъ сосѣднія земли, жители которыхъ пожаловались Александру, который и построилъ этотъ валъ для ихъ защиты. Эти злые духи всякій день скребутъ его когтями и уходятъ, надѣясь завтра докончить разрушеніе; но на утро, приходя къ стѣнѣ, находятъ ее исправленною, усилія же ихъ остаются недѣйствительными, потому-что они никогда не говорятъ *иншаллахъ*, то-есть *помоги Богъ*, и никогда не разрушатъ они этого вала, развѣ случится имъ дать одному изъ дѣтей ихъ имя *Иншаллахъ*, и тогда, удаляясь вечеромъ, они позовутъ мальчика: «пойдемъ домой, Иншаллахъ, мы докончимъ завтра». *Употребивъ нечаянно это благочестивое слово*, они воспрепятствуютъ исправленію поврежденій вала; онъ обрушится, они ворвутся въ міръ и ихъ грабежи и разоренія будутъ однимъ изъ признаковъ, возвѣщающихъ конецъ міра».

Эта выписка взята изъ «Толкованій Корана». Басня эта, вѣроятно, указываетъ на валъ, построенный на берегахъ Каспійскаго Моря Александромъ, для защиты отъ набѣговъ скиѳскихъ на Персію (см. Malcolm «History of Persia», vol. I, Ch. V, p. 80).

Историкъ здѣсь очевидно упоминаетъ о стѣнѣ, остатки которой находятся близъ Дербента, на западныхъ берегахъ Каспія, а не на стѣну, здѣсь описываемую, о которой Малькольмъ, кажется, не имѣлъ положительныхъ свѣдѣній.

Потомъ Джурджанъ попеременно страдалъ подъ игомъ селджукидовъ и моголовъ изъ дома чингисова; наконецъ эмиръ Тимуръ осадилъ городъ Джурджанъ и разорилъ его.

Джурджанская Область снова процвѣтала нѣсколько времени при сефевійской династіи, когда Аббасъ-Великій переселилъ сюда нѣсколько турецкихъ и курдскихъ племенъ, въ намѣреніи удержать туркменцевъ, уже начинавшихъ дѣлать набѣги на Хорасанъ.

Въ Джурджанѣ не было большихъ городовъ, но было много деревень, почему и называли его *Дехестаномъ*, или землею деревень; такъ и по словамъ Діодора, Гирканія во время Александра-Великаго называлась землею *счастливыхъ деревень.*

Благосостояніе ея въ этотъ разъ было непродолжительно: афганцы свергли сефевійскую династію и безначаліе, въ которое тогда повергнута была Персія, и позволили туркменцамъ безнаказанно разорять ея западныя границы. Племена, переселенныя шахъ Аббасомъ для защиты границъ, ушли въ Хорасанъ, предоставивъ непріятелю весь край къ сѣверу отъ альбурской цѣпи.

Каджары оставили *Ах-кале* близь Гургана и ушли въ Астерабадъ. *Корре-Кале, Хаджи-Халиссе* и Гурганская Долина были также покинуты. *Абивердъ, Нисса, Даримъ* (*), *Мушеди, Мизеріанъ, Бенгеранъ, Меро* и многіе другіе, нѣкогда цвѣтущіе города, пострадавшіе отъ нашествія монгольскихъ и турецкихъ ордъ, теперь были опустошены совершенно; жители частью уведены въ плѣнъ, частью ушли къ *курдамъ* въ *Кучанъ Буджнурдъ*, *Семул-ганъ* и въ другія части Хорасана.

Покореніе этой страны побѣдоносному оружію Надиръ-Шаха было недолговременно и прекратилось съ его смертью. *Ага-Мухаммедъ Каджаръ* передъ походомъ въ Гурджистанъ, или Грузію, зашелъ въ Гурганскую Долину и страшно отмстилъ туркменцамъ за убійство брата своего Гуссейн-Кули-Хана. Покойный Фетъ-Али-Шахъ гостилъ нѣсколько времени въ Гурганѣ и внукъ его Мухаммедъ-Шахъ также посѣтилъ эти мѣста въ 1836 году.

Прежде чѣмъ приступимъ къ описанію *Гокланъ* и *Ямудъ* туркменцевъ, кочующихъ неподалеку отъ Астерабада, должно вкратцѣ замѣтить, что великое семейство туркменское заключаетъ въ себѣ и другія колѣна или племена, какъ-то: *Текке-Ахалъ* и *Текке-Теджелъ*, простирающіяся отъ Бужнурда до Мешхеда, вдоль сѣверныхъ скатовъ Альбурскаго Хребта; *Салуры* къ Серексѣ; *Сарики* въ Мервѣ, также и *туркменцы*, кочующіе далѣе къ Хивѣ.

Кочевья гоклановъ и ямудовъ отдѣлены отъ Текке отраслями Альбурскаго Хребта; къ югу они граничатъ цѣпью тѣхъ же горъ и рѣ-

(*) Или *Дурунъ* (См. Desuisnes. Tom. 4, p. 22. Les Timourides).

ками Гурганомъ и Карасу; Каспійское Море составляетъ природную грань ихъ съ запада, а степь отдѣляетъ ихъ отъ Хивы съ сѣвера.

Страна, заключающаяся въ вышеозначенныхъ границахъ, орошается двумя большими рѣками, истекающими изъ Альбурскихъ Горъ и впадающими въ Каспійское Море, именно: *Гурганомъ* и *Аттрекомъ*.

Гурганъ вытекаетъ въ *Герме-Чешме* (горячій ключъ) и, протекая отъ 15 до 18 фарсанговъ, впадаетъ въ Каспійское Море при *Гумишьтепе* и *Нефез-Кули*.

Отъ истока своего до Джурджана онъ течетъ отъ сѣверо-востока къ юго-западу, отсюда жь принимаетъ направленіе болѣе къ западу, сворачивая нѣсколько къ юго-западу около *Ах-кале*.

Гурганъ течетъ въ глубокомъ руслѣ по иловатому дну, окрашивающему въ желтый цвѣтъ ея воды. Вслѣдствіе высокихъ береговъ и топкаго дна, въ Гурганѣ мало бродовъ, особенно во время таянія горныхъ снѣговъ и въ дождливую погоду. Въ устьѣ своемъ рѣка мелка и болотиста. Прежде Гурганъ вливался въ Каспійское Море близь устья рѣки Карасу, теперь же принялъ теченіе сѣвернѣе.

Слѣва въ Гурганъ впадаютъ слѣдующія рѣки: *Караул-чай*, иначе называемый *Эшексу* или *Дугулумъ*, быстрый потокъ въ высокихъ берегахъ, текущій изъ долины *Шахрекъ*; по сліяніи своемъ съ *Пойсиномъ*, впадающимъ слѣва при мѣстечкѣ *Дугъ*, онъ дѣлается очень-глубокъ и броды черезъ него опасны. Справа Караулчай принимаетъ въ себя небольшой ручей *Карезли*, протекающій чрезъ долину того же имени, лежащую между Шахрекомъ и Гурганскою Долиною.

Чильгези вытекаетъ изъ *Ниль-ку*, или синей (индиго) горы; протекая мимо развалинъ Гаур-Кале, онъ соединяется рѣчкою съ Карасу, текущую въ томъ же направленіи, и впадаетъ въ Гурганъ за фарсангъ, выше города *Гумбети-Кабусъ*.

Гермерудъ вытекаетъ изъ *Телевара* близь *Хош-Ейлака* (любимаго лѣтняго пребыванія покойнаго Фет-Али-Шаха) и, пробившись сквозь ущелья горъ, выходитъ въ равнину, принимая въ себя справа Чиль-чай, соединенный съ Нуромою, а слѣва Роміонъ, уже прежде соединившійся съ Теланомъ. Тогда онъ течетъ къ сѣверо-западу и впадаетъ въ Гурганъ, ниже Гумбети-Кабуса.

Въ 1836 году, Мухаммедъ-Шахъ прошелъ черезъ Гермерудскую Долину, таща за собою артиллерію, на возвратномъ пути изъ похода противъ туркменцевъ въ Гурганскую Долину.

Гермерудъ составляетъ пограничную черту Гокланъ-туркменцевъ къ западу. Чтобъ дополнить исчисленія рѣкъ, впадающихъ въ Гурганъ слѣва, должно назвать слѣдующія, которыя принадлежатъ собственно къ описанію Астерабадской Провинціи; онѣ суть: *Курухъ* и *Сурх-Магале*, вытекающія изъ горы *Шахваръ* или *Шоверъ*, какъ называютъ ее часто, и, протекая чрезъ округъ Катулъ, впадающія въ Гурганъ.

Справа Гурганъ принимаетъ въ себя только двѣ рѣки; *Хаджи-*

Каушъ (Каушанъ) или *Оби-Шуръ*, и три фарсанга выше, *Саресу*; обѣ вытекаютъ изъ сѣверной отрасли Альбурскихъ Горъ; обѣ имѣютъ глубокое русло и крутые берега.

Истоки *Аттрека* находятся въ горахъ къ сѣверо-востоку отъ *Кучана близъ Кале-Юсуфа*. Эта рѣка, протекая къ сѣверо-западу выше Бужнурда, вдругъ поворачиваетъ прямо къ западу и, протекая почти въ параллельной линіи съ Гурганомъ отъ 8 до 12 фарсанговъ, вливается въ Каспійское Море фарсанговъ за шесть сѣвернѣе устья Гургана.

Слѣва, *Аттрекъ* принимаетъ въ себя нѣсколько горныхъ ручьевъ, справа же въ него впадаютъ только ручеекъ *Хартулъ* и соединенныя воды *Чиндера* и *Сунда*, иначе называемаго *Сумбаръ*, протекающія по богатымъ лугамъ въ долинѣ, образуемой этими рѣками.

Аттрекъ глубже и быстрѣе Гургана.

Округи, орошаемые Гурганомъ и впадающими въ него рѣками, равно какъ Чиндеромъ и Сундомъ , гористы и покрыты частью лѣсомъ, частью высокою, волнующеюся травою и папоротникомъ. Растительность повсюду роскошна и великолѣпна. По выѣздѣ изъ дремучихъ, густыхъ лѣсовъ, вѣнчающихъ сѣверныя вершины альбурскія , передъ глазами разстилаются туркменскія равнины, теряющіяся въ отдаленномъ горизонтѣ. Верхніе склоны хребта также покрыты лѣсомъ; нижніе же, ближайшіе къ равнинѣ, одѣты богатою зеленью, высокою травою и папоротникомъ; послѣдній достигаетъ 8 и 10 футовъ вышины; онъ во многихъ мѣстахъ помятъ дикими кабанами, которые прокладываютъ въ немъ безчисленныя тропинки.

Пространство между горами и Гурганомъ отъ трехъ до четырехъ фарсанговъ состоитъ изъ прекрасныхъ луговъ, усѣянныхъ тѣнистыми дубовыми рощами; берега же рѣки поросли высокимъ тростникомъ. Сѣверный склонъ Альбурскаго Хребта называется *Аттокъ*—рубецъ.

За Гурганомъ богатая растительность прекращается ; ее замѣняютъ произведенія, встрѣчаемыя вездѣ въ персидскихъ степяхъ, съ тою разницею, что здѣсь больше травы; особенно за Аттрекомъ пажити утучняютъ большія стада овецъ. Верблюды также находятъ здѣсь любимое свое колючее растеніе *хари-шутуръ*.

За три фарсанга къ сѣверу отъ нижняго теченія Аттрека начинается степь, которую туркменцы очень-выразительно называютъ *Даулетичокъ* (царство колодцевъ), потому-что въ весьма-многихъ мѣстахъ, гдѣ нельзя добыть воды, вырыты колодцы.

Когда страна малоизвѣстна, безлюдна или мало населена, то, для изученія ея, должно наблюдать пути, пересѣкающіе пустыню; естественно должно предполагать, что туземцы выбираютъ лучшія дороги. Руководствуясь этимъ правиломъ, и не могши лично обозрѣть *Хорязьмскую* степь, я собралъ, сколько можно, свѣдѣній о дорогахъ, которыми туркменцы ѣздятъ въ столицу узбековъ.

Опишу здѣсь нѣсколько дорогъ изъ Астерабада въ Хиву, о которыхъ заимствовалъ свѣдѣнія у добрыхъ моихъ туркменскихъ пріятелей, одного хивинскаго узбека и нѣсколькихъ астерабадцевъ, ѣзжавшихъ туда; но прежде изложу нѣсколько замѣчаній о выгодахъ и неудобствахъ каждой изъ нихъ и общій очеркъ степи.

Хорязьмская Степь или Кара-кумъ, отдѣляющая Хивинское Ханство отъ персидской границы, совсѣмъ не такъ безплодна и безводна, какъ вообще полагаютъ; туркменскіе караваны находятъ въ ней довольно пищи для скота своего. Верблюдъ, плавно выступая, склоняетъ гибкую шею то вправо, то влѣво, чтобъ достать свою любимую колючую пищу *харишутуръ*; лошади находятъ здѣсь *гушанъ* — душистое растеніе, или *солиме* — трава неочень-питательная, но которую онѣ ѣдятъ за неимѣніемъ лучшаго.

Караваны рѣдко нуждаются въ топливѣ. *Токъ* и *сак-сауля* (anabasis)—смолистый кустарникъ, хорошо горитъ и долго удерживаетъ жаръ; его находятъ здѣсь очень-много, равно-какъ и другой кустарникъ. Гористый край балканскій очень-лѣсистъ, такъ же, какъ и отрасли альбурскія, простирающіяся отъ хребта въ туркменскія равнины, къ сторонѣ Гоклановъ и Текке; они тянутся также въ сѣверозападномъ направленіи и образуютъ Нижній Балканъ, направляющійся къ Большому Балкану.

Гораздо-ощутительнѣе недостатокъ или дурное качество воды. Поблизости Каспія и Большаго Балкана, вода солона, что̀ жители приписываютъ сосѣдству моря и частью нефтянымъ ключамъ, здѣсь находящимся (*); далѣе къ востоку вода становится слаще, а зимою и въ началѣ весны, отъ таящихъ снѣговъ и сильныхъ дождей, бываетъ такъ обильна, что доставляетъ кочующимъ туркменцамъ возможность пригонять на хивинскіе базары даже стада барановъ, которые не могутъ пробыть безъ питья болѣе трехъ дней.

Болѣе-западная дорога отъ Астерабада, касающаяся Балкана передъ тѣмъ, какъ свернуть на востокъ къ Хивѣ, менѣе-обильна водою. Самый трудный переѣздъ для каравановъ, по словамъ астерабадскихъ и туркменскихъ ѣздоковъ, отъ Дагли до Юльке; воды очень-мало, а та, которую достаютъ въ *Конга-Чокене*, очень-дурна.

Несмотря на это неудобство, ямуды избираютъ предпочтительно эту дорогу; здѣсь они менѣе подвержены нападеніямъ текке и гокланскихъ разбойниковъ и чаще встрѣчаютъ кочевья своего племени.

(*) Знаменитый геологъ, С. Родерикъ Мурчисонъ полагаетъ гораздо-основательнѣе, что въ этомъ направленіи тянутся соляныя копи. Мнѣніе его подтверждается тѣмъ, что въ Большомъ Балканѣ находятъ каменную соль въ столь большомъ количествѣ, что она составляетъ выгодный предметъ торговли для кочующихъ здѣсь туркменцевъ, которые сбываютъ ее въ Персію.

По второй дорогѣ вода не такъ солона, и разстояніе между колодцами не такъ велико.

Третья дорога представляетъ болѣе природныхъ удобствъ, чѣмъ двѣ первыя; на ней много воды, дождевой и колодезной; травы для лошадей въ изобиліи; кромѣ-того, дорога эта кратчайшимъ путемъ пересѣкаетъ степь, которую можно проѣхать въ пятнадцать дней, начиная отъ Астерабада; но за то на этой дорогѣ людская злоба перевѣшиваетъ благодѣянія природы къ собственному своему ущербу. Она считается опаснѣйшею изъ всѣхъ; три враждующія племени : гокланы, ямуды и текке, здѣсь постоянно стерегутъ, грабятъ и убиваютъ другъ друга.

Ямуды рѣдко ѣздятъ даже по второй дорогѣ, подверженной набѣгамъ гоклановъ. На *Киръ* и *Чугурджи* должно ѣхать двадцать и двадцать-два дня.

Гокланы иногда выбираютъ четвертую дорогу, хотя предпочитаютъ ѣхать восточнѣе, гдѣ менѣе подвержены встрѣчамъ съ ямудами; за-то должны опасаться нападеній текке.

Не могу ручаться за достовѣрность разстояній между станціями, означенными ниже. Туркменцы не измѣряютъ разстоянія ни персидскими фарсангами, ни татарскими агачами; станціи также не зависятъ отъ того, сколько верблюдъ можетъ пройдти въ день ; онѣ назначаются тамъ, гдѣ есть вода. Однако можно опредѣлить обыкновеннымъ счетомъ, что между двумя ночлегами навьюченный верблюдъ пройдетъ 5 фарсанговъ (отъ 30 до 35 верстъ).

Первая дорога.

Названіе мѣстъ, гдѣ можно найдти воду.	Число станцій.	Примѣчанія.
1) Отъ Астерабада до рѣки Гургана . .	1	Послѣ переѣзда лѣсомъ, бродъ черезъ Кара-су.
2) Отъ Гургана до рѣки Аттрека при мѣстечкѣ Дженетъ .	1	Степь. Травы очень-много.
3) Отъ Дженета до Энки.	1	Степь. Душистыя травы ; много смолистаго кустарника, называемаго *тогъ*.
4) Отъ Энки до Та-анъ Килиджъ.	1	Степь; колодцы прѣсной воды недалеко отъ поверхности земли.
5) Отъ Та-анъ Килиджъ до Бугдели. . . .	2	Должно брать съ собою воду изъ Тоан-Килиджа, потому-что на ночлегѣ нѣтъ колодцевъ. Около Бугдели русло пересохшей рѣки.
6) Отъ Бугдели до Соре-Ходже	2	Въ Бугдели должно опять запастись водою. Въ первый день пути дорога идетъ по гладкой равнинѣ ; на второй день по странѣ, нѣсколько-взволнованной. Въ Соре-Ходже нѣтъ колодцевъ ; вода здѣсь накопляется въ прудахъ.

Названія мѣстъ, гдѣ можно найдти воду.	Число станцій.	Примѣчанія.
7) Отъ *Соре-Ходже* до Тахира.	2	Опять запастись водою до перваго ночлега; въ Тахирѣ 15 колодцевъ. Неподалеку отсюда лежитъ пушка, брошенная Рахимъ-Ханомъ хивинскимъ во время набѣга его на Персію.
8) Отъ Тахира до Ушага.	2	Кочевье Ушагъ Ямудовъ, принадлежащихъ къ большому семейству Баграмъ Шали, данниковъ хивинскихъ, живущихъ среди Балкановъ.
9) Отъ Ушага до Оглан-Кериза. . . .	2	Балканы; въ колодцахъ прѣсная вода.
10) Отъ Оглан-Кериза до Кузл-атта . . .	2	Первый ночлегъ въ степи. Сначала дорога идетъ по плоскости; далѣе взволнована. Атта-ямуды кочуютъ близь колодцевъ.
11) Отъ Кузл-атта до Ауглумишь	3	Водою должно запасаться на два ночлега. Глубина колодцевъ на послѣдней станціи 70 футовъ, и вода солона. Отсюда дорога въ Хиву лежитъ прямо на востокъ.
12) Отъ Ауглумишь до Дунгры	2	На первомъ ночлегѣ нѣтъ вовсе воды; на второмъ соленый ключъ.
13) Отъ Дунгры до Дагли.	2	Ночлегъ въ степи; на второмъ ночлегѣ много прѣсной воды; глубина колодцевъ 10 ф.
14) Отъ Дагли до Конгра-Чохонъ . . .	6	Трудный переѣздъ по степи; воды нѣтъ вплоть до Конгра-Чохона; здѣсь два колодца, глубиною отъ 70 до 80 футовъ; вода очень-дурна. Близь этой станціи примѣтно пересохшее русло рѣки Джегунъ.
15) Отъ Конгра-Чохонъ до Юльке	6	Переѣздъ легче предъидущаго, потому-что на пути встрѣчаются кочевья Байратъ-Шали. Вода въ Юльке проведена изъ Джегуна искусственными каналами. Здѣсь начинаются хивинскія владѣнія.
16) Отъ Юльке до Хивы.	2	Красивая сторона, хорошо-обработанная; много воды и травы.

Караваны недолго останавливаются на тѣхъ ночлегахъ, гдѣ нѣтъ воды. Верблюдовъ на нѣсколько часовъ развьючиваютъ, потомъ пускаются снова въ путь, даже ночью. Туркменцы направляютъ путь свой по звѣздамъ.

Эта дорога имѣетъ много неудобствъ; она длиннѣе нежели тѣ, что къ востоку отъ Балкановъ. Здѣсь же мало воды, и та солона. Иногда попадаются горы и дорога камениста. Весною и лѣтомъ ямуды разсыпаются по всей линіи между Аттрекомъ и Балканами, всюду, гдѣ только могутъ найдти воду для своего скота. Зимою, когда Балканы покрываются снѣгомъ, они снова уходятъ къ Аттреку.

Вторая дорога больше проѣзжается ямудами. Она называется Югурджи и идетъ восточнѣе первой.

Названія мѣстъ, гдѣ находятъ воду.	Число станцій.	Примѣчанія.
1) Отъ Астерабада до Гургана	1	
2) Отъ Гургана до Атрека при Сорлаутѣ.	1	
3) Отъ Сорлаута до Кара-Батыра. . .	1	Дорога идетъ степью. На этомъ ночлегѣ около 50 колодцевъ прекрасной воды.
4) Отъ Кара Батыра до Балгуи	2	Ночь въ степи. На послѣдней станціи прекрасная вода, что видно изъ самаго названія: *балгуи*, потуркменски — хорошая вода.
5) Отъ Балгуи до Шурдже.	3	Колодезная вода хороша и почти вровень съ землею. Налѣво отъ дороги высоты Нижняго Балкана. За фарсангъ отсюда Айдине, гдѣ много воды.
6) Отъ Шурдже до Дженека	1	Степь. Вода хороша.
7) Отъ Дженека до Джойрука	1	Степь.
8) Отсюда до Токулука	3	Степь.
9) Отъ Токулука до Джамалая	2	Вода хороша. Поблизости русло пересохшей рѣки.
10) Отъ Джамалая до Уртугая	6	Первыя четыре станціи дорога хороша; двѣ послѣднія глубокій песокъ. Неподалеку отъ Уртугая находится Ак-набатъ (бѣлый сахаръ) и Гокъ набатъ (зеленый сахаръ). Вода изрядная.
11) Отъ Уртугая до Нефез-Кули . . .	2	Поблизости развалины крѣпости Шахъ Санемъ.
12) Отъ Нефез-Кули до Ушага.	3	
13) Отъ Ушага до Юльке.	3	Туркменскія кочевья.
14) Отъ Юльке до Хивы.	2	

Третья дорога пролегаетъ восточнѣе и называется Уртугай.

1) Отъ Астерабада до Гургана	1	
2) Отъ Гургана до Атрека при Гудурѣ	1	

Названія мѣстъ, гдѣ есть вода.	Число станцій.	Примѣчанія.
3) Отъ Гудура до Балгуи	2	Дорога идетъ гористою, весьма-живописною мѣстностью. Между Балгуи и Дашт-Урди развалины Мешеди Мезеріана, нѣкогда цвѣтущаго города, разореннаго гокланами, разрушившими также водопроводъ, которымъ сюда проведена вода изъ Сунда.
4) Отъ Балгуи до Куреня.	3	Здѣсь есть ключъ. Налѣво Нижній Балканъ, направо также горы.
5) Отъ Куреня до Барсле.	2	Много ключевой воды. Прекрасная трава и тростникъ. Горы съ обѣихъ сторонъ дороги.
6) Отъ Барсле до Яшга	2	Въ Яшга нѣтъ колодцевъ, но воды, стекающія съ горъ, образуютъ небольшое озеро. Первый переѣздъ горами, второй степью. Между Барсле и Яшга лежитъ Чин-Мухамедъ.
7) Отъ Яшга до Джемалая	3	Хорошая дорога степью.
8) Здѣсь дорога сходится съ югуржинскою, выше описанною	»	

Четвертая дорога, болѣе-проѣзжаемая туркменцами слѣдующая:

1) Отъ Астерабада до Гургана	2	Два переѣзда. Много воды и травы.
2) Отъ Гургана до Атрека.	1	Гористый край. Много воды и травы.
3) Отъ Атрека до Чиндера	1	Тоже.
4) Отъ Чиндера до Самориста, или Суннета	»	Тоже. Эта станція лежитъ за Корре-Кале, послѣднею крѣпостью гокланскою, нынѣ разрушенною.
5) Отъ Суннета до Ходже-Кале.	»	Горы. Вода хороша.
6) Отъ Ходже-Кале до Каракавокъ . . .	»	То же.
7) Отъ Каракавокъ до Кизиль-Арвада . .	»	Здѣсь начинаются кочевья текке-туркменцевъ и простираются къ востоку.
8) Отъ Кизиль-Арвада до Дамерджана. .	»	Отъ Кизиль-Арвада начинается равнина, или степь, или, какъ называютъ ее туркменцы, *царство кладезей*, Доулети-чогъ.

Названія мѣстъ, гдѣ есть вода.	Число станцій.	Примѣчанія.
9) Отъ Дамерджана до Консиза		Вездѣ вода и колодцы.
10) Отъ Консиза до Сорехти		
11) Отъ Сорехти до Кизиль-Кости. . . .		
12) Отъ Кизиль-Кости до Гувердишь-Атта	1	Соленыя озера вокругъ жильевъ Атты.
13) Отъ Гувердишь-Атта до Бала-Шикама	»	
14) Отъ Бала-Шикама до Уртугая . . .	»	Здѣсь дорога соединяется со второю и третьею, вышеописанными.

Мѣстность, занимаемая туркменцами, славится своимъ здоровымъ климатомъ. На пространствѣ между Гурганомъ и горами нѣтъ лѣсовъ, которые обыкновенно привлекаютъ и удерживаютъ сырость, и потому въ Туркменіи нѣтъ постоянной причины изнурительныхъ лихорадокъ и желчныхъ горячекъ, которымъ подвержены жители болотистыхъ областей Гиляна и Мазандерана. Мѣстоположеніе Туркменіи выше низменныхъ, вышеупомянутыхъ областей. Болота здѣсь есть только при устьяхъ Гургана и Аттрека, гдѣ воды переливаются черезъ берега. Здѣсь климатъ нездоровъ въ лѣтніе мѣсяцы по причинѣ стоячихъ прудовъ и вредныхъ паровъ, поднимающихся ихъ стоячихъ водъ, которыя остаются на низменныхъ равнинахъ послѣ разлива Аттрека и Гургана, а также и Карасу; но ямуды тогда покидаютъ эти мѣста и уходятъ съ стадами своими за Гурганъ и Аттрекъ въ степь, гдѣ есть колодцы, и такъ далеко, какъ только можно забраться въ горы Большаго Балкана.

Лѣтніе жары умѣряются свѣжими вѣтрами съ Каспія и обильными росами.

Зима здѣсь несурова, кромѣ, когда дуютъ сѣверо-восточные вѣтры изъ степи; снѣгъ выпадаетъ, но не долго лежитъ близъ Альбурскихъ Горъ. Въ концѣ осени и зимою обыкновенно идутъ сильные дожди; поблизости же моря и Альбурскихъ Горъ они перепадаютъ и въ другія времена года.

Развалины и курганы часто попадаются въ Туркменіи и убѣждаютъ въ многочисленномъ населеніи края въ былыя времена. Они очевидно не принадлежатъ къ одной и той же эпохѣ; нѣкоторые обличаютъ древнеперсидское происхожденіе, другія принадлежатъ ко времени арабскаго владычества. Къ числу первыхъ отношу я кирпичную стѣну Кизиль-Алланъ, называемую въ арабскихъ лѣтописяхъ *Садди-Яджужъ уль Маджужъ*—стѣна Гога и Магога.

Утверждаютъ, какъ мы уже прежде замѣтили, что она построена

Искендеромъ Зулькернейномъ и поправлена сассанидскимъ царемъ Нуширваномъ, жившимъ въ VI-мъ вѣкѣ, вѣроятно, противъ вторженій *алановъ*, жившихъ на берегахъ Каспія прежде, чѣмъ перешли къ западу; остатки ихъ, по словамъ Клапрота, донынѣ существуютъ на Кавказѣ подъ именемъ осетинъ (*), между-тѣмъ, какъ главная часть племени проникла въ Западную Европу до самой Испаніи и даже переплыла на африканскій берегъ. Стѣна тогда получила названіе *Алланъ* съ прилагательнымъ—*кизиль*, красный, отъ цвѣта красныхъ кирпичей, изъ которыхъ она построена.

Впрочемъ, предоставляю рѣшеніе этого вопроса ученому міру и утверждаю только, что стѣна дѣйствительно существуетъ — фактъ, который нѣкоторые отрицали.

Кизиль-Алланъ находится на правомъ берегу Гургана и тянется параллельно съ этою рѣкою вплоть до береговъ Каспія. Она даже нѣкоторое время продолжается подъ водою. Начинается же эта стѣна въ горахъ *Пушти-Кимеръ*, около четырехъ фарсанговъ ниже истока Гургана; изъ чего видно, что Гербелотъ ошибается, предполагая, что она соединяется съ китайскою стѣною (d'Herbelot, bibliothèque Orientale, art. Saddi Iadjuj et Madjuj). Впрочемъ, я не удивляюсь, если слѣды этой стѣны находятъ и далѣе къ востоку за горами Пушти-Кемеръ въ направленіи къ Меры. Я только слышалъ объ этомъ, но не ручаюсь за истину слышаннаго.

На западныхъ берегахъ Каспія, близь Дербента, въ Дагестанѣ, я видѣлъ подобную же стѣну, идущую отъ горъ къ морскому берегу, и туземцы говорили мнѣ, что она простирается на далекое разстояніе.

Нынѣ Кизиль-Алланъ не представляетъ непрерывнаго оплота, но лишь кучи кирпича и холмы неровной высоты, въ иныхъ мѣстахъ отъ восьми до десяти футовъ, въ другихъ почти наравнѣ съ землею, хотя по направленію ея можно прослѣдить всю черту ея. Въ иныхъ мѣстахъ она сломана, чтобъ дать свободный проѣздъ туркменцамъ, и здѣсь-то лучше всего видно, что она построена была изъ жженыхъ кирпичей огромнаго размѣра.

Наиболѣе-уцѣлѣвшія части ея поросли кустарникомъ и высокою травою. На разстояніи сорока минутъ ѣзды поднимаются четвероугольные редуты; каждый фасъ ихъ имѣетъ около ста-пятидесяти футовъ.

За Кизиль-Алланомъ, но параллельно съ нимъ, есть другія возвышенія, ниже первыхъ и порою почти непримѣтныя. Нынѣ узкая полоса земли между двумя параллельными возвышеніями служитъ большою дорогою туркменцамъ; но, очевидно, что въ цвѣтущіе дни Джурд-

---

(*) См. Записки Клапрота, гдѣ доказывается тождество кавказскихъ осетинъ съ аланами среднихъ вѣковъ. Desuisnes того же мнѣнія. Баронъ Гумбольдтъ идетъ еще далѣе; онъ утверждаетъ, что аланы тѣ же скиѳы, которые въ-древности населяли вышеописанныя мѣста.

жана пространство между двумя стѣнами служило каналомъ для проведенія воды въ загурганскія поля, которыя не могли поливаться водою изъ этой рѣки по причинѣ высокихъ береговъ ея и глубокаго ложа.

Эта догадка подтверждается тѣмъ, что донынѣ видны ясные слѣды водопроводовъ, идущихъ съ горъ къ Кизиль-Аллану, который они пересѣкаютъ при соединеніи.

Чтобъ можно было доставлять воду на поля, лежащія къ сѣверу отъ Гургана, необходимо было брать ея издалека. Такъ-какъ всѣ впадающія въ Гурганъ рѣчки текутъ въ глубокихъ каналахъ, по причинѣ илистаго дна, то лишь у самыхъ горъ уровень этихъ рѣчекъ былъ выше уровня долинъ, нуждавшихся въ водѣ.

Такимъ-образомъ при мѣстечкѣ *Дугъ*, гдѣ Чильгезы соединяется съ Караул-чаемъ, видны слѣды водопровода, идущаго къ Гургану. Ниже, тамъ, гдѣ Караул-чай впадаетъ въ Гурганъ, снова видны остатки того жь водопровода.

Берега Гургана высоки, но долина на лѣвой сторонѣ рѣки понижена, между-тѣмъ, какъ противоположный, правый берегъ весьма крутъ. Водопроводъ построенъ такъ, что пересѣкаетъ долину и поднятъ нѣсколько-выше уровня противнаго берега. Этотъ водопроводъ, составляющій продолженіе вышеупомянутаго канала, имѣетъ триста футовъ длины и упирается въ край рѣки, черезъ которую пролегалъ прежде по каменному мосту. Мостъ этотъ нынѣ обрушился, но арки съ обѣихъ сторонъ и кирпичныя постройки подъ водою указываютъ на его назначеніе перевести воду на другую сторону рѣки, потому-что водопроводъ снова появляется на противоположномъ берегу и кончается лишь у Кизиль-Аллана, который пересѣкаетъ почти подъ прямымъ угломъ.

На лѣвомъ берегу Гургана стоитъ одинокая башня *Гумбети-Каусъ*, между развалинами нѣкогда знаменитаго города Джурджана (*), нынѣ же представляющаго только безобразныя кучи, поросшія высокою травою и тростникомъ—пріюты тигровъ и леопардовъ.

Сооруженіе этого памятника минувшаго величія приписываютъ Каусу, или Кабусу, царствовавшему въ Джурджанѣ въ златые дни его славы—въ концѣ X-го столѣтія.

Зданіе полосатое, съ выступающими углами; оно имѣетъ 148 футовъ въ окружности, столько же и въ высоту; построено изъ краснаго кирпича, очень-искусно-сложеннаго, въ томъ же стилѣ, какъ башня Гумбети Тогрулъ, возвышающаяся на развалинахъ Рея (Рагъ св. пис., см. Кн. Товита, Гл. III, 7.) поблизости Тегерана.

Подобно Тогрулу и Гумбети-Каусъ имѣетъ куфическія надписи надъ

(*) По словамъ *Якути*, арабскаго географа, въ окрестностяхъ Джурджана росли пальмы, оливковыя, гранатовыя и лимонныя деревья; жители разводили даже *сахарный тростникъ*. (См. Notices et Extraits des Manuscrits de la Bibliothèque du Roi.)

портикомъ, также, какъ и подъ наружнымъ карнизомъ. Внутри пусто, только наверху есть небольшое отверстіе. Кровля кончается остроконечно и покрыта зелеными, поливенными черепицами.

Башня довольно-хорошо сохранилась, несмотря на разрушительное дѣйствіе времени и страстей человѣческихъ.

Была, однако, минута, когда Гумбети-Каусъ былъ въ опасности раздѣлить участь окружающаго его разрушеннаго города. Говорятъ, что Шахъ-Надиръ, перейдя пустыню на возвратномъ пути изъ хивинскаго похода, приближался къ Гумбети-Каусу, который видѣнъ очень-издалека. Оптическій обманъ, столь естественный въ пустынѣ, гдѣ такъ мало примѣтъ, способствующихъ опредѣлять разстоянія, увѣрилъ Надира, что Гумбети-Каусъ у него почти подъ-рукою, и онъ послалъ поваровъ своихъ впередъ, приказавъ имъ готовить для него завтракъ у подошвы башни. Но часъ проходилъ за часомъ, Надиръ все еще ѣхалъ впередъ, и минаретъ все отдалялся отъ него, какъ-будто насмѣхаясь надъ его нетерпѣніемъ. Достигнувъ наконецъ башни, онъ пришелъ въ такое бѣшенство, что приказалъ немедленно разрушить ее. Свита Надира, зная характеръ своего повелителя, знала, что возраженія безполезны; они немедленно принялись за кирки и ломы и начали подкапывать основаніе зданія. Чрезъ нѣсколько времени ихъ поразила внезапная мысль, что башня можетъ упасть и погребсти ихъ всѣхъ подъ своими развалинами; они представили это замѣчаніе на благоусмотрѣніе царя; между-тѣмъ гнѣвъ Надира остылъ, тѣмъ-болѣе, что онъ успѣлъ позавтракать, и онъ позволилъ имъ прекратить непріязненныя дѣйствія. Такимъ-образомъ Гумбети-Каусъ уцѣлѣлъ отъ дальнѣйшаго разрушенія.

Нижняя часть зданія вся иззубрена; она носитъ слѣды гнѣва безумнаго завоевателя и въ туркменскихъ степяхъ служитъ урокомъ тщеты человѣческаго величія. Гумбети-Каусъ стоитъ донынѣ, а тотъ, кто, въ порывѣ гнѣва, хотѣлъ разрушить его, давно лежитъ во мракѣ и, можетъ-быть, вѣтеръ пустыни давно разметалъ самый прахъ его!..

Во мнѣ Гумбети-Каусъ возбудилъ воспоминанія другаго рода. Въ 1836 г., когда войско Мухаммедъ-Шаха проходило по правому берегу Гургана, я вздумалъ переѣхать рѣку въ бродъ (который былъ выше шеи моей лошади), чтобъ поближе разглядѣть уединенную башню. Пока я внимательно разсматривалъ кучи и обломки, бывшіе нѣкогда городомъ Джурджаномъ, изъ высокой травы, подлѣ нея, выскочилъ барсъ. Слуга мой, никогда-невидавшій такого звѣря, принялъ его за гіену, или за волка, и пустился за нимъ въ погоню; я насилу воротилъ его; однако звѣрь оказался трусливѣе, чѣмъ я думалъ, и скоро исчезъ въ высокихъ тростникахъ. Вѣроятно, конскій топотъ и шумъ войска, которое съ самаго утра шло по правому берегу Гургана, и частые выстрѣлы сдѣлали барса осторожнѣе и отняли у него охоту напасть на насъ. Говорятъ, что змѣи и вообще всѣ вредоносныя животныя дѣлаются смирны и робки во время бури.

Изъ сочиненій древнихъ писателей мы знаемъ, что Джурджанъ, или древняя Гирканія, славился своими львами и тиграми; но гдѣ много тигровъ, тамъ львы обыкновенно удаляются въ болѣе-уединенныя мѣста, и теперь здѣсь о нихъ совсѣмъ неслышно; даже тигры рѣдко попадаются, хотя и не перевелись въ лѣсахъ. Царскій тигръ попадается западнѣе, въ Гилянѣ и въ русской провинціи Талышѣ, при берегахъ Каспія (*).

Неудивительно, что звѣри выбрали себѣ пріютомъ развалины Джурджана; съ-тѣхъ-поръ, какъ эти мѣста составляютъ нейтральныя владѣнія между ямудами и гокланами, они рѣдко посѣщаются людьми; развѣ заглянетъ въ нихъ какой-нибудь залетный путешественникъ, подобно мнѣ.

За четыре фарсанга внизъ по рѣкѣ видны развалины города *Биби-Ширвана*; онѣ похожи на джурджанскія, то-есть на разбросанныя кучи камней, поросшихъ мхомъ и травою; только на лѣвомъ берегу Гургана возвышается высокій *тепе*, или курганъ.

Биби — ласковое слово, которымъ называютъ въ Персіи женщинъ и попугаевъ. Изъ этого можно заключить, что *Биби-Ширванъ* былъ резиденціею одной изъ любимыхъ женъ *Пу-Ширвана*, починившаго, по словамъ Мирхунда, стѣну *Кизиль-Алланъ*. Городъ былъ разрушенъ землетрясеніемъ, и ямуды увѣряютъ, что, раскапывая курганы, они иногда находятъ обширныя подземныя комнаты.

Я также узналъ, но не могу ручаться за достовѣрность показанія, что неподалеку отъ Биби-Ширвана есть обширный водоемъ, называемый *Истахлъ*, можетъ-быть, въ родѣ Меридова Озера въ древнемъ Египтѣ. Онъ имѣетъ два фарсанга (12 верстъ) въ длину и тридцать футовъ глубины. Весною воды, стекающія съ горъ, собираются сюда и служатъ для поливки лѣтомъ рисовыхъ полей.

Не имѣетъ ли это отношеніе съ повѣствованіемъ Геродота о водахъ рѣки *Ацесъ*, проведенныхъ для поливки въ страну *гирканцевъ* и *парѳянъ*. (См. Herod. Thalia CXXII).

Гяур-Кале находится въ землѣ янгахъ-гоклановъ, въ углу, образованномъ вліяніемъ двухъ рѣкъ, Чильгези и Карасу, фарсанга за два къ востоку отъ Джурджана. Это большаго размѣра четвероугольникъ, наподобіе редута, окруженный широкимъ и глубокимъ рвомъ. Внутренній фасъ имѣетъ 1400 футовъ длины, а траншея 200 футовъ болѣе, что составляетъ плоскость въ 2,560,000 квадратныхъ футовъ.

Въ равнинахъ, занимаемыхъ тѣми же гокланами, есть искусственныя

(*) Баронъ А. Гумбольдтъ въ *Asie Centrale* упоминаетъ: «Ces animaux (le tigre royal) vivent aussi au milieu des épais bocages du Sak-Saul (anabasis ammodendron), sur les rives du Kouvan et près du Delta du Syr (Meyendorf, voyage à Bockhara, p. 59). *Les tigres augmentent vers l'ancienne Hyrcanie entre le golfe du Balkhan et le Mazanderan.* (Vol. III, page 101).—Историкъ монголовъ Решидъ-Эддинъ упоминаетъ о львахъ, которыхъ Халагу встрѣчалъ при переходѣ чрезъ рѣку Джехунъ (см. Quatremère Histoire des Mongols p. 153).

возвышенія, рвы съ обломками кирпичей и посуды. Полагаютъ, что нѣкогда здѣсь стоялъ городъ; мѣстность называется *Дашталыги*, или *Салосилъ.*

Перезъ или *Перозъ*, неподалеку отъ горы *Ниль-ку*, занимаетъ менѣе пространства, чѣмъ Гяур-Кале; онъ имѣетъ только 900 футовъ длины, внутри вала и 450 ширины. Онъ почти совершенно заросъ деревьями, которыя пустили глубоко корни въ его развалины и закрываютъ его отъ взора любопытнаго искателя гирканскихъ древностей.

Поблизости есть еще подобное же полевое укрѣпленіе въ бо̀льшемъ размѣрѣ, но оно такъ заросло лѣсомъ и колючимъ кустарникомъ, что подойдти къ нему совершенно-невозможно.

Наконецъ *Шахрекъ* въ долинѣ, орошаемой Караул-чаемъ, очевидно былъ также обширнымъ городомъ, судя по огромному пространству, покрытому курганами.

Въ равнинѣ между горами и степью въ разныхъ направленіяхъ видно множество кургановъ; происхожденіе ихъ неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, они гораздо-древнѣе туркменскаго переселенія и, судя по общепринятому мнѣнію, восходятъ до отдаленнѣйшихъ вѣковъ персидской исторіи. Каждый изъ этихъ *тепе* имѣетъ свое особенное имя. Туркменцы считаютъ ихъ болѣе шестидесяти.

Золотые сосуды и другія древности, открытыя недавно въ одномъ изъ этихъ кургановъ, были описаны въ одной изъ предъидущихъ главъ.

За Аттрекомъ есть еще нѣсколько разрушенныхъ городовъ, какъ-то: *Рустем-Бенгеванъ*, *Мешеди-Мезеріанъ*, и проч., разоренные, какъ говорятъ, Чингис-Ханомъ.

Въ Балканскихъ Горахъ также указываютъ развалины города *Кеменди-дивана.*

VIII.

Туркменцы.

Гокланы. — Границы. — Раздѣленіе племенъ. — Нынѣшнее ихъ уменьшеніе. — Жестокость хивинскаго хана. — Опасности въ степи. — Земледѣліе. — Пшеница и ячмень. — Джаугенъ. — Арзанъ или просо. — Хлопчатая бумага. — Шелкъ — Промышленость и мануфактуры. — Шерстяныя матеріи. — Ткани изъ верблюжьей шерсти. — Шелковыя ткани. — Пошлина на сырецъ. — Бумажныя ткани. — Пошлина. — *Ямуды.* — Раздѣленіе племенъ. — Потомки первыхъ халифовъ. — Чомуръ и Чорва. — Полевыя занятія. — Верблюды. — Овцы. — Лошади. — Способъ утолять жажду въ пустынѣ. — Сухія дыни. — *Текке*; кони ихъ; происхожденіе отъ знаменитыхъ никейскихъ коней древности. — Тарантулы; ихъ нравы и обычаи. — Другой родъ пауковъ. — Лошадиное мясо у калмыковъ. — Калмыкскій преобразователь. — Кирпичный чай у ногайцевъ; способъ его приготовленія. — Туркменская аристократическая гордость. — Ик-гулъ. — Родство ямудовъ съ персіянами. — Прежняя политика персидскихъ государей въ отношеніи ямудовъ. — Налоги. — Пограничныя сношенія персіянъ съ туркменцами. — Туркменскіе купцы. — Народонаселеніе.

Въ предъидущей главѣ мы описали Гурганскую Долину, занимаемую гокланами. Прежде чѣмъ подробнѣе говорить объ этомъ племени, считаю неизлишнимъ опредѣлить границы его владѣній.

Башня Гумбети-Каусъ и рѣка Гермерудъ отдѣляютъ гоклановъ отъ ямудовъ къ западу; но, вслѣдствіе вражды этихъ племенъ между собою, между ними оставлено пространство около двухъ фарсанговъ нейтральной земли, чтобъ предупредить непосредственныя столкновенія. Ямуды живутъ къ западу, а гокланы къ востоку отъ этой черты.

Бывало, когда эти послѣдніе были сильнѣе и многочисленнѣе, они занимали долины по берегамъ Чиндера и Сунда, или Сумбара, и простирались даже до Корре-Кале, служившаго имъ крайнею границею къ сѣверо-востоку. Отсюда два дня пути отдѣляли гоклановъ отъ текке-туркменцевъ. Нынче они скопились въ Гурганской Долинѣ и восточная граница ихъ находится неподалеку отъ истоковъ рѣки Гургана. Альбурскій Хребетъ, съ многочисленными своими отраслями простираясь отъ Гермерудской Долины къ сѣверо-сѣверо-востоку, отдѣляетъ съ этой стороны гоклановъ отъ края, подвластнаго правителю крѣпости Нардинъ и владѣній бужнурдскихъ и семульганскихъ курдовъ, равно какъ и отъ гористаго края *Кусоръ*.

Вотъ ихъ пограничная линія къ югу и сѣверо-востоку. Черта же, опредѣляющая владѣнія ихъ къ сѣверу на правомъ берегу Гургана, очень-неопредѣленна, равно какъ и окрестности Гумбети-Кауса, гдѣ ямуды и гокланы обыкновенно дерутся; каждое племя посылаетъ свой скотъ пастись на спорной землѣ, хотя сами они рѣдко разбиваютъ здѣсь шатры свои.

Изъ всѣхъ туркменскихъ племенъ, природа всѣхъ благосклоннѣе къ гокланамъ; земля у подошвы горъ несравненно-удобнѣе для земледѣлія, чѣмъ въ долинахъ, и гораздо-плодороднѣе. Рѣки, текущія съ горъ, и частые дожди, привлекаемые этими же горами и покрывающими ихъ густыми лѣсами, доставляютъ воду въ изобиліи. Эти же горы и глубокіе овраги, равно какъ и непроходимыя рѣки защищаютъ ихъ отъ внезапнаго нападенія; ямуды же и текке болѣе подвержены набѣгамъ гоклановъ; оттого именно, они хотя малочисленнѣе прочихъ, но могутъ лучше другихъ заставить сосѣдей уважать себя.

Но если выгодное положеніе ограждаетъ ихъ отъ соплеменниковъ, то далеко не благопріятствуетъ ихъ отношеніямъ къ персидскому правительству. Только во время междоусобныхъ раздоровъ и войнъ за наслѣдство престола въ Персіи гокланы могли удержать свою независимость; какъ-только возстановился порядокъ въ Персіи, гокланы принуждены были покориться ей.

Прилагаю очеркъ ихъ различныхъ *тире*, или подраздѣленій, число семействъ, указаніе предводителей и кочевьевъ въ нынѣшнемъ ихъ состояніи.

*

Таблица гокланскихъ *тире*, или подраздѣленій племени, имена старшинъ и проч.

Названія тире.	Число семействъ.	Имена предводителей.	Мѣстоположеніе.
1) Янгахъ	200	Нефезъ-Сардарь.	Бур-Кале за 2 фарсанга къ с. в. отъ Джурджана.
2) Санкрикъ	200	— —	Перозъ, фарсангъ далѣе къ востоку.
3) Чекер-Бегдели	400	Одинъ Вели-Ханъ.	Дугъ.
4) Керрихъ	500	Мурадъ Али-Ханъ.	Кугргуль на Гурганѣ.
5) Боиндеръ	200	Нефезъ-Ханъ.	Керхане въ Гурганской Долинѣ.
6) Кара-Балканъ .	300	Ибрагимъ-Ханъ.	Кара Юнгрикъ, тамъ же.
7) Аркекли	400	Сафаръ Али-Ханъ.	Эли-чешме, за 2 фарсанга отъ истоковъ Гургана.
8) Кои	200	Эйвазъ-Ханъ.	Зау—въ горахъ между рѣками Гурганомъ и Эшек-су.
8) Ай-Дервишъ . .	100	Нуръ Али-Ханъ.	Въ долинѣ Керези между Гурганомъ и Эшек-су.
	2500		

Независимо отъ главнаго раздѣленія, гокланы еще подраздѣляются на малые отдѣлы; каждый *обехъ*, или станъ, состоящій изъ ста, пятидесяти, двадцати и даже менѣе шатровъ, разбитыхъ въ одномъ мѣстѣ подъ начальствомъ Аксакала, означается особымъ наименованіемъ (*).

Не ручаюсь за совершенную точность въ исчисленіи семействъ; впрочемъ, я собиралъ свѣдѣнія изъ различныхъ источниковъ; быть-можетъ,

---

(*) По преданіямъ туркменскимъ, гокланы происходятъ отъ двухъ братьевъ: *Додурга* и *Алгидагли*, родоначальниковъ всѣхъ существующихъ племенъ.

Отъ Додурга происходятъ:
Боиндеры,
Керрихи,
Керкесы,
Карашуры,
Гире,
Кушчи,
Экизы,
Меджмены,
Дезіагры,
Сариджи,
Кучеки,
Кути,
Сенкриги и
Янгахи.

Отъ Алгидагли:
Кои,
Ай-Дервиши,
Чекир-Бегдели,
Кара-Балканы,
Эркекли,
Кукенджи,
Суронли,
Кизиль,
Керносы
Йолонги,
Темеки и
Янгикелы.

число ихъ нѣсколько уменьшено, но во всякомъ случаѣ не превышаетъ 3,000 семействъ.

Нѣкогда гокланы считали до 12,000 семействъ; разныя обстоятельства уменьшили число ихъ. Вопервыхъ, нашествіе хивинскаго хана, который насильно увелъ часть гоклановъ въ свои владѣнія. Въ это время Мухаммедъ-Шахъ былъ на берегахъ Гургана; дурное обращеніе персидскихъ войскъ побудило многихъ гоклановъ добровольно переселиться въ Хиву; вслѣдствіе чего изъ 9,000 семействъ, по возвращеніи шаха въ столицу, осталось только 2,000. Впрочемъ, должно замѣтить, что, не найдя на новыхъ участкахъ своихъ въ Хивѣ и Юргенджи ни столь плодородной земли, ни столь изобильной воды, или здороваго климата, къ которому привыкли съ дѣтства, гокланы мало-по-малу возвращались на родину; но они должны были переходить весьма-тайно, потому-что ханъ строго запретилъ выпускать ихъ изъ Хивы. Кого могли настигнуть, осуждали на смерть и казнили самою варварскою казнью, въ страхъ другимъ перебѣжчикамъ. Я ужь говорилъ, что пойманнымъ за предѣлами Хивы гокланомъ заряжали мортиру и выстрѣливали. Но такова любовь къ родинѣ и къ роднымъ, что многіе презираютъ жестокое повелѣніе, переходятъ обширную степь и возвращаются на родные берега Гургана—иные одни, другіе съ семействами. Кромѣ погони, они должны бороться съ многими лишеніями и трудностями и преодолѣть много опасностей прежде чѣмъ достигнутъ прежняго своего отечества.

Въ такихъ-то случаяхъ можно всего-лучше оцѣнить превосходныя качества туркменскаго коня. Бѣглецъ долженъ скакать день и ночь по обширной, безводной пустынѣ, избѣгая жилыхъ мѣстъ и колодцевъ, чтобъ не быть узнаннымъ и схваченнымъ. Избѣгая погони узбековъ, онъ подвергается нападеніямъ текке-туркменцевъ, смертельныхъ враговъ своихъ, черезъ земли которыхъ долженъ проѣзжать прежде нежели достигнетъ своихъ родныхъ долинъ. Скрываясь днемъ въ оврагахъ, онъ скачетъ ночью иногда отъ 10 до 12 фарсанговъ.

Въ доказательство благости Провидѣнія къ несчастнымъ, скажемъ, что на самой опушкѣ степи, посреди враговъ своихъ, гокланы находятъ соплеменниковъ: здѣсь давно ужь живутъ *кои*, съ согласія текке-туркменцевъ которые никогда не обижаютъ ихъ. Здѣсь бѣглецъ останавливается на короткое время перевести духъ и отдохнуть; *кои* накормятъ его а иногда дадутъ и свѣжаго коня.

Компасъ, которымъ руководствуются гокланы въ безлюдной и безводной пустынѣ — снѣжный шпицъ демавендскій (другое доказательство заботливости Провидѣнія), отстоящій не болѣе 30 или 40 миль отъ Тегерана, и который, однако, на столь значительномъ разстояніи видѣнъ въ Степи Хорязьмской.

Хотя гокланы живутъ въ шатрахъ, подобно прочимъ кочевымъ племенамъ, но они значительно измѣнили свои кочевыя привычки и ведутъ

жизнь довольно-осѣдлую. Ихъ можно назвать хорошими земледѣльцами. Кромѣ полевыхъ работъ, они еще разводятъ и шелковичныхъ червей; особенно занимаются этимъ жители лѣсистыхъ мѣстъ, кои и боиндеры. Въ кочевьѣ Керриховъ и Кара-Балкановъ, въ узкой долинѣ, орошаемой Гурганомъ, есть обширныя плантаціи деревьевъ бѣлой шелковицы.

Пшеница и ячмень ростутъ вездѣ, и земля такъ плодородна, что *одинъ батманъ* сѣменъ приноситъ цѣлый *харваръ* (мѣра, содержащая сто батмановъ) хлѣба. Близь горъ все черноземъ; за Гурганомъ и на правомъ берегу его земля краснѣе и не такъ богата; зерно родится не болѣе пятидесяти на одно.

Поля по обѣ стороны рѣки все *деимъ*, то-есть неполивныя, и плодородіе ихъ зависитъ совершенно отъ количества дождей; для хорошей жатвы на правомъ берегу Гургана необходимы два дождя въ лѣто, на лѣвомъ же, ближе къ горамъ, довольно и одного. Землю достаточно лишь слегка вспушить плугомъ весьма-первобытнаго устройства; этотъ плугъ просто деревянный брусокъ, загнутый съ одного конца, иногда съ мѣднымъ гвоздемъ на концѣ, иногда и безъ него. Землю рѣдко оставляютъ подъ паръ; только перемѣняютъ зерно каждый годъ.

Плодоперемѣнная система слѣдующая: въ первый годъ пшеница, потомъ *мошъ* (родъ мелкаго гороха), потомъ *кунжутъ* или сезамъ, затѣмъ ячмень и наконецъ хлопчатая бумага. Въ долинѣ Сунда и Чиндера *джаугенъ* (holeus sorghum), родъ проса, разводится тщательно. Гокланы употребляютъ его въ пищу сами и кормятъ лошадей; неспѣлый джаугенъ считается очень-здоровымъ и питательнымъ кормомъ для лошадей. Джаугенъ — очень-бѣлое, круглое зерно, немножко-сплющенное на верхушкѣ. Туркменцы варятъ изъ него кашу, а изъ муки пекутъ сухари. Джаугенъ бываетъ двухъ родовъ, оба яровые; одинъ созрѣваетъ въ три мѣсяца, другой въ пять и шесть. Стебель достигаетъ 8 и 10 футовъ; зерно въ гроздахъ, весьма-обильныхъ. Туркменцы меня увѣряли, что въ одномъ гроздѣ бываетъ отъ семисотъ до тысячи зеренъ. Для корма лошадямъ джаугенъ косятъ три, четыре и и даже до семи разъ въ лѣто, связываютъ въ снопы и даютъ лошадямъ, которыя очень имъ лакомятся, потому-что онъ содержитъ въ себѣ много сахарнаго вещества. Гокланы вывозятъ его въ Хиву.

Арзанъ (просо), *герчекъ* (Palma Christi, или рицина), а кунжутъ (сезамъ) для масла, разводятся также, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ.

Хлопчатобумажныя плантаціи необширны и достаточны только для собственнаго ихъ употребленія. Здѣшняя бумага предпочитается хорасанской; она гораздо-чище; въ той же, которая ростетъ въ сухихъ мѣстахъ, больше пыли и сухой мякины.

Шелководство гораздо-обширнѣе и составляетъ главное занятіе гокланскихъ женщинъ. Эти рукодѣльницы, несмотря на свое многотрудное хозяйство, находятъ еще время выдѣлать на два или на три астерабадскіе *мани* шелку въ каждомъ шатрѣ, въ которомъ всего двѣ или

три женщины. Онѣ употребляютъ странный счетъ для вѣса и оцѣнки шелка. Количество шелка, вѣсящее три куриныя яйца, цѣнится въ одинъ *сагиб-коранъ*, а вѣсящее шестьдесятъ яицъ составляетъ астерабадскій мани. Итакъ одинъ астерабадскій мани вѣсомъ въ шестьдесятъ яицъ стòитъ двадцать сагибкорановъ, слѣдовательно, *манъ* шелку стòитъ два тумана, или червонца (*).

Шелковыя и шерстяныя мануфактуры туркменцевъ доказываютъ промышленыя способности этого народа. Матеріи, у нихъ выдѣлываемыя, соединяютъ въ себѣ прочность ткани (главное достоинство всѣхъ ихъ издѣлій), съ блескомъ красокъ и красотою рисунка. У нихъ нѣтъ вовсе никакихъ улучшенныхъ машинъ : все зависитъ отъ искусныхъ рукъ трудолюбивыхъ туркменокъ, которыя, несмотря на всѣ свои ежедневныя хлопоты, успѣваютъ еще ткать эти прекрасныя ткани, даже въ европейской торговлѣ высоко цѣнимыя.

Ямудскія женщины превосходно выдѣлываютъ шерстяныя матеріи; гокланки, кромѣ того, ткутъ еще бумажныя и шелковыя. Туркменка сама приготовляетъ все, что нужно для наряда мужа и ея собственнаго; и не думайте, чтобъ она довольствовалась простымъ или самымъ необходимымъ—нѣтъ; эти дикари очень-любятъ щеголять и наряжаться. Вкусъ ихъ выражается *наиболѣе въ изъисканномъ*, внутреннемъ убранствѣ шатровъ ихъ *и художественно-прекрасномъ* конскомъ уборѣ.

Главныя ткани ихъ — шерстяные ковры разной величины и разнаго цвѣта, которыми онѣ убираютъ шатры свои внутри, также узкія и широкія тесьмы, обвивающія ихъ снаружи. Кусокъ, покрывающій весь сводъ шатра и называемый *агибъ*, одинъ требуетъ трехлѣтней работы одной мастерицы. Это бѣлый войлокъ, испещренный букетами цвѣтовъ. Шнурки, бахромы, дамскіе рабочіе мѣшечки, дорожные мѣшки, дверныя занавѣски— все изъ шерсти.

Лошадей они покрываютъ иногда вдругъ двумя или тремя попонами ; нижняя обыкновенно одноцвѣтная; иногда, впрочемъ, заткана цвѣтами и подбита простымъ войлокомъ. Верхняя попона такъ велика, что покрываетъ не только хребетъ , но шею и ноги и спускается ниже хвоста. Войлокъ обыкновенно темный, или даже совсѣмъ-черный, и по немъ разбросаны цвѣты ; бѣлый красивѣе. Въ праздники и торжественные дни туркменцы покрываютъ коней своихъ попоною съ бахромами, называемою *коин-кече*. Эти попоны требуются по всей Персіи и составляютъ предметъ торговли съ Астерабадомъ.

Здѣсь должно упомянуть, что туркменцы приготовляютъ матерію изъ верблюжьяго волоса, очень-уважаемую за свою прочность и непромокаемость; изъ нея дѣлаютъ верхнее платье, называемое *джубе-хорасани*, которое въ большомъ употребленіи въ восточныхъ персидскихъ провинціяхъ. Для этого берутъ самую мягкую часть верблюжьяго волоса,

(*) Въ туманнѣ 10 сагибкорановъ.

растущую на груди и на верхней части шеи; изъ жесткаго же волоса ткутъ *кизляр-паласы*, или грубые ковры, съ примѣсью шерсти.

Джурджанъ былъ давно извѣстенъ шелководствомъ; и если Китай считается отечествомъ шелковичныхъ червей, то естественно предполагать, что шелководство было извѣстно въ Джурджанѣ, столь-благопріятномъ его распространенію прежде, чѣмъ достигло южныхъ каспійскихъ провинцій, а отсюда перенесено было въ Малую Азію. Персидскіе историки говорятъ, что при шахѣ Исмаилѣ, родоначальникѣ сефевійской династіи, четвертая часть джурджанской дани выплачивалась шелкомъ; а какъ дань эта простиралась до 40,000 тумановъ, то персидскіе государи получали изъ Джурджана на 10,000 сыраго шелку.

Бо̀льшая часть шелковичныхъ плантацій была разорена во время безпорядковъ въ Джурджанѣ вслѣдствіе непріятельскихъ нашествій и междоусобныхъ раздоровъ. Въ долинахъ, образуемыхъ рѣками, впадающими въ Гурганъ, путешественникъ часто встрѣчаетъ одинокія шелковичныя деревья, теперь одичавшія, но, очевидно, остатки нѣкогда-цвѣтущихъ плантацій.

Разведеніемъ шелковичныхъ червей между гокланами нынѣ наиболѣе занимаются аулы, населенные близь истоковъ Гургана, Эркекли, Бои и Боиндеры. Между ямудами одинъ только аулъ, *Имиръ*, близь Биби-Ширвана, обращаетъ вниманіе на шелководство.

Разноцвѣтныя и пестрыя шелковыя матеріи, употребляемыя женщинами на платки и платья, называются *катанъ* и *ала-катанъ*.

Алидже или, потуркменски *палтамберъ* — толстая шелковая матерія, употребляемая на длинныя, развѣвающіяся платья, такъ же какъ и *мушки*, изъ которыхъ мужчины шьютъ архалухи.

Изъ хлопчатой бумаги гокланки приготовляютъ ткани для нижней одежды, также грубыя, пестрыя бумажныя ткани.

Гокланы обложены правильною податью лишь при Могаммедъ-Шахѣ; прежде они къ весеннему новрузу только приводили въ подарокъ государю девять туркменскихъ коней, въ знакъ вассальства; теперь на нихъ наложена подать въ 6000 тумановъ и распредѣлена между пятью раздѣленіями племени, пятинами, или *юз-гели*, слѣдующимъ образомъ:

1) Эркекли съ карабалканами платятъ..........	1200	тум.
2) Кои..	1200	—
3) Айдервиши съ чекерами и бегделами..	1200	—
4) Боиндеры съ янгахами и сенкриками.......	1200	—
5) Керрихи.................................	1200	—
И того.....	6000	—

Эта подать была наложена, когда племя считало отъ 9 до 12,000 семействъ; теперь же, когда изъ нихъ осталось едва 3000, эта дань слишкомъ-тяжела. Кромѣ-того, къ бѣднымъ гокланамъ наѣзжаетъ беглербекъ, который отнимаетъ у нихъ что̀ можетъ. Онъ также при-

своиваетъ себѣ право на пятую часть добычи, награбленной ими въ своихъ чапаулахъ на непріятельскія земли.

Податью обложены не только мужчины, но и бѣдныя женщины; шелководство подчинено слѣдующему налогу: если шелковичные коконы покрываютъ весь полъ гокланскаго шатра, то берутъ $7^1/_5$ сагибкорановъ; за полшатра 4 сагибкорана, за двѣ трети 5.

Ямуды. Ямудскія кочевья заключаются въ слѣдующихъ границахъ: къ востоку башня Гумбети-Каусъ и рѣка Гермерудъ; къ югу Гурганъ и опушка лѣсовъ, сходящихъ съ горъ въ равнину; къ западу Каспійское Море, а къ сѣверу степь, ведущая въ Хиву.

Ямуды раздѣляются на четыре главные отдѣла: *шерефъ*, *чуни*, *кучук-татаръ* и *байрам-шали*. Бо́льшая часть жителей послѣдняго ушла въ Хиву.

Эти четыре отдѣла подраздѣлены на *тире*, или стрѣлы (*), которыхъ разныя кочевья, простирающіяся отъ Гумбети-Каусъ къ берегамъ Каспія на разстояніи 18 фарсанговъ, расположены въ слѣдующемъ порядкѣ:

Кучукъ и татаръ (близь Биби-Ширвана), байрам-шали, кучукъ, имиръ, бадразъ, дунчи, дозъ, богега, конгерма, эльма, агъ, аттабай и джафар-бай.

Главные разряды ямудовъ, смотря по занятіямъ и мѣстоположенію, ямудъ *чомуръ* и ямудъ *чорва*.

Чомуры живутъ по берегамъ Гургана и даже простираются до Карасу, гдѣ имѣютъ свои поля, рисовыя плантаціи и огороды. Они ведутъ болѣе осѣдлую жизнь, занимаясь безпрепятственно земледѣліемъ, и поддерживаютъ, хотя невсегда, дружескія, по-крайней-мѣрѣ частыя сношенія съ Астерабадомъ. Ихъ почти ежедневно видишь въ городѣ, куда они привозятъ свои произведенія, какъ-то: войлоки, ковры, попоны, пшеницу, ячмень, масло, барановъ, лошадей и проч. и сами закупаютъ на базарахъ грубыя издѣлія Астерабадской Области, какъ-то: анезанскія шелковыя матеріи и бумажныя ткани изъ Шахруда, Буруджирда и Исфагана.

(*) Происхожденіе и подраздѣленія ямудовъ:

Ямуды ведутъ родъ свой отъ *Ямуда*, отца четырехъ сыновей: *Шерефа*, *Чуни*, *Байрам-Шали* и *Кучук-Татаръ*.

Потомки этихъ четырехъ братьевъ подраздѣляются на слѣдующія племена:

1) *Племя Шерефа:* Джафар-бай, Эльги, Карауй, Балаке, Боге и Деведжи.

2) *Племя Чуни:* Огъ, Яттабай, Ельме и Конгирме, Дозъ, Бадрикъ, Коны-Ехмазъ, Имиръ, Маширыкъ, Идиръ и Кучекъ.

3) *Племя Байрамъ-Шали:* Салахъ, Укузъ, Кушакъ, Керемси, Урхуз-Кучи.

4) *Племя Кучук-Татаръ:* Кяке, Гейведи, Донкрикъ, Керрикъ, Мягреме, Куруме, Кизиль и Ак-каринъ.

Эти дружескія сношенія не мѣшаютъ имъ грабить персіянъ при всякомъ удобномъ случаѣ; но персіяне жалуются всего болѣе на то, что они приводятъ съ собою ямудовъ изъ-за Аттрека на астерабадскіе округи.

Чорвы кочуютъ по берегамъ Аттрека. Они такіе же ямуды, какъ и чомуры, съ тою только разницею, что ведутъ самую бродячую жизнь, хотя также имѣютъ хлѣбныя поля, бо̀льшія стада верблюдовъ, лошадей и овецъ, чѣмъ гурганскіе ихъ сосѣди, и менѣе зависятъ отъ персидскихъ властей.

Иногда они мѣняются мѣстами. Когда чомуръ накопитъ нѣсколько денегъ, то закупаетъ побольше скота, покидаетъ берега Гургана и дѣлается чорвою, чтобъ меньше зависѣть отъ астерабадскаго губернатора; съ другой стороны, если съ чорвою приключится несчастіе, если онъ, напримѣръ, лишится стадъ своихъ, онъ переходитъ къ чомурамъ. Такъ-какъ они всѣ болѣе или менѣе связаны узами родства, то эти переходы совершаются безъ большихъ впечатлѣній; но вслѣдствіе положенія дѣлъ, ямуды очень любятъ дѣлаться *чорвою*, какъ только могутъ, и число чомуровъ значительно уменьшается.

Бо̀льшая часть полей, принадлежащихъ чорвѣ, лежитъ между двумя рѣками, Аттрекомъ и Гурганомъ. Здѣсь земля хотя хороша, но хуже чомурской, и потому они работаютъ собща; чомуры же владѣютъ роскошною наносною почвою на скатахъ горъ и у подошвы Альбурсовъ, какъ объяснено выше.

Такъ-какъ персидское правительство наиболѣе налегаетъ на чорву во время посѣва и жатвы, то послѣдніе дѣлаютъ, что̀ только могутъ, чтобъ поскорѣе кончить свои полевыя занятія и уйдти домой на Аттрекъ. Лошади, волы, ослы, даже верблюды (*) идутъ подъ ярмо; мужчины, женщины и дѣти работаютъ безъ отдыха день и ночь, чтобъ поскорѣе кончить работы. Еслибъ не такая крайность, мужчины вѣроятно, и вовсе не принялись бы за плугъ, а гуляли бы себѣ, предоставивъ женамъ всѣ труды и хлопоты по домашнему и полевому хозяйству.

Осеннія работы обыкновенно продолжаются мѣсяцъ, считая отъ конца октября; но когда персіяне прижмутъ ихъ, ямуды кончаютъ дѣла свои въ пятнадцать и даже двѣнадцать дней, и убираются на Аттрекъ, гдѣ для скота ихъ довольно корма въ зимніе мѣсяцы; лѣтомъ степи горятъ отъ солнца, а часто и сами туркменцы жгутъ ихъ, осенью же опять покрываются зеленью. Весною, послѣ таянія балканскихъ снѣговъ, чорвы ведутъ своихъ верблюдовъ и барановъ на паству въ горы, гдѣ воздухъ прохладнѣе и скотъ менѣе подверженъ жалу комаровъ и

(*) По закону Моисея, было запрещено впрягать двухъ разнородныхъ животныхъ подъ одно ярмо. (См. Второзакон. XXII. с. 10).

мошекъ — язвѣ береговъ Аттрека, особенно въ низовьѣ, гдѣ земля болотистѣе, и поросла тростникомъ приближаясь къ Каспійскому Морю.

Часть изъ чорвы, однако, остается, чтобъ убирать хлѣбъ въ началѣ лѣта.

Туркменцы роютъ глубокія ямы, въ которыя убираютъ хлѣбъ свой на зиму.

Чомуры, напротивъ, рѣдко уходятъ за Гурганъ; зимою они даже приближаются къ опушкѣ лѣса, чтобъ пасти стада свои и собирать дрова для топлива.

Верблюды, лошади, овцы — вотъ источники богатства туркменцевъ.

Туркменскій верблюдъ средняго роста и непохожъ на бактріанскаго верблюда, какіе у киргизовъ; у него только одинъ горбъ; онъ употребляется, какъ вьючный скотъ, для перевозки тяжестей по степи изъ Астерабада въ Хиву и къ туркменцамъ; служитъ также послѣднимъ для перевоза ихъ шатровъ и пожитковъ при частыхъ перекочевкахъ.

Мягкій верблюжій волосъ употребляется, какъ выше сказано, для приготовленія непромокаемой верхней одежды. Верблюдъ находитъ себѣ безъ труда пищу вездѣ въ степи; онъ особенно любитъ колючее растеніе, извѣстное подъ названіемъ *хори-шутуръ* (верблюжій тернъ), который ростетъ здѣсь въ изобиліи.

Туркменскія овцы, подобно мазандеранскимъ и астерабадскимъ, непохожи на горныхъ барановъ, водящихся также и въ среднихъ равнинахъ Ирака; онѣ меньше ростомъ и не имѣютъ жирнаго, широкаго хвоста (курдюка), отличающаго послѣднихъ; шерсть ихъ также грубѣе; но туркменки умѣютъ изъ всего извлекать пользу и употребляютъ ее на войлоки, ковры, украшенія шатровъ и разные другіе полезные предметы.

Но лошади составляютъ главный предметъ гордости туркменца и заботъ, которымъ онъ посвящаетъ все свое время. Въ степи, также какъ и у насъ, есть родословныя лошадей. Онѣ занимаютъ мѣсто на всѣхъ празднествахъ, на свадьбахъ и на похоронахъ, дѣлятъ печаль и радость своихъ хозяевъ.

Туркменцы держатъ очень-тепло своихъ лошадей; они покрываютъ ихъ множествомъ попонъ во все время приготовленія къ скачкѣ; какъ скоро прійдетъ пора, они снимаютъ покровы, и благородный конь мчится какъ стрѣла, радуясь, что освободился отъ тяжелыхъ одеждъ своихъ.

Благородное животное отплачиваетъ за попеченіе хозяина. Туркменскіе кони славятся силою и прытью, хотя главное ихъ достоинство, въ сравненіи съ другими лошадьми, заключается особенно въ томъ, что они удивительно-хорошо переносятъ недостатокъ пищи при самомъ сильномъ утомленіи, какому подвергаютъ ихъ разбойничьи обычаи хозяевъ ихъ во время долгихъ, утомительныхъ переѣздовъ по степи, или въ странѣ непріятельской. Въ случаяхъ чрезмѣрнаго изнуренія, или нестерпимой

жажды среди пустыни, туркменецъ открываетъ жилу коню своему и пьетъ кровь его для утоленія своей жажды, и между-тѣмъ мажетъ ему губы и набиваетъ ротъ жиромъ; эта операція оживляетъ коня и всадника, и освѣжившись такимъ-образомъ, они снова мчатся по пустынѣ.

Въ числѣ прочихъ дорожныхъ запасовъ, туркменцы берутъ съ собою сухія дыни, приготовленныя слѣдующимъ образомъ: свѣжую дыню рѣжутъ ломтями и высушиваютъ на солнцѣ, часто поливая притомъ собственнымъ ея сокомъ. На ночлегахъ, гдѣ есть вода, онъ варитъ себѣ нѣсколько ломтиковъ этой дыни и получаетъ вкусную и сладкую похлебку, должно-быть, очень-питательную, потому-что она заключаетъ въ себѣ столько сахарнаго вещества. Эти сушеныя дыни можно держать цѣлые годы: онѣ не портятся.

Марко-Поль разсказываетъ въ путешествіи своемъ, что въ *Чеберганѣ*, въ Восточномъ Хорасанѣ, дыни и тыквы ростутъ въ такомъ изобиліи, что ихъ рѣжутъ ломтями, высушиваютъ и продаютъ въ большомъ количествѣ.

Въ низовьѣ Гургана и Аттрека, близь Каспія, аттабаи и джафарбаи засѣваютъ обширныя поля арбузами и дынями.

Туркменскія лошади покажутся некрасивы на взглядъ тому, кто привыкъ видѣть правильныя и округленыя формы лошадей арабской породы; глазъ нескоро привыкаетъ къ длиннымъ ногамъ, худощавой фигурѣ широколобаго туркменскаго коня, его узкому хребту и подъ-часъ низкому заду. Часто у бѣднаго животнаго вся грива вытерта отъ постояннаго тренія о тяжелыя попоны; но всѣ эти наружные недостатки исчезаютъ, какъ-скоро ознакомишься съ ихъ внутренними достоинствами.

Изъ всѣхъ туркменскихъ лошадей, лошади текке имѣютъ наиболѣе-красивую наружность; онѣ также славятся болѣе всѣхъ силою и терпѣливостью, но не такъ легки, какъ ямудскія и гокланскія лошади. Нѣкоторые изъ боевыхъ коней, въ пылу нападенія или преслѣдованія, схватываютъ зубами непріятельскаго всадника и срываютъ его съ сѣдла. Нѣтъ сомнѣнія, что кони текке потомки знаменитыхъ въ-древности ниссейскихъ коней; округъ *Нисса* и развалины города того же имени входятъ въ составъ нынѣшнихъ текке туркменскихъ владѣній.

Въ числѣ вредныхъ насѣкомыхъ, водящихся во множествѣ въ туркменскихъ равнинахъ, должно упомянуть о *тарантулѣ*.

Изъ всѣхъ моихъ наблюденій надъ этимъ родомъ семейства *арахнидовъ*, я видѣлъ, что тарантулъ не тчетъ паутины, но живетъ въ землѣ, гдѣ роетъ себѣ норки, иныя глубже, иныя мельче, въ наклоненномъ планѣ, и прикрѣпляетъ къ стѣнкамъ мѣшечекъ, въ видѣ рога изобилія, очень искусно-сдѣланный и прикрѣпленный верхнимъ концомъ къ поверхности земли. Когда его преслѣдуютъ, онъ быстро убѣгаетъ въ свой пріютъ, который служитъ ему, вѣроятно, и западнею для захватыванія въ пищу другихъ насѣкомыхъ, которыя попадаютъ туда по неосторожности. Впрочемъ, тарантулъ не полагается единственно на

судьбу для добыванія себѣ пищи; онъ сидитъ у входа своего замка, какъ феодальный баронъ среднихъ вѣковъ, и проворно бросается на добычу, едва замѣтивъ ея приближеніе. Если въ норку впустишь соломенку или травяной стебелекъ, храброе насѣкомое яростно на него бросается, особенно если это самка съ семействомъ.

Величиною тарантулъ будетъ съ средній палецъ взрослаго человѣка, начиная со втораго сустава; цвѣтомъ теменъ, или совсѣмъ черенъ; все тѣло и ноги покрыты волосами; ходитъ на восьми ногахъ. Наружность ихъ непривлекательна по нашимъ эстетическимъ понятіямъ; впрочемъ, маленькіе тарантулы съ неизбалованнымъ вкусомъ не увлекаются наружностью и очень любятъ нѣжныхъ матерей своихъ; я замѣчалъ даже, что они очень вольничаютъ и играютъ съ ними, цѣпляются за ихъ волосатыя ноги, карабкаются имъ на спину и прогуливаются такимъ образомъ. Если матери грозитъ какая-нибудь опасность, они прилипаютъ къ ней какъ-можно-крѣпче и она поспѣшно убѣгаетъ и скрывается съ ними въ свою норку.

Туркменцы говорятъ, что степные бараны очень любятъ тарантуловъ, то-есть любятъ ихъ кушать. Не могу сказать утвердительно, точно ли они ядовиты, но знаю, что когда туземцы ложатся спать на полѣ, то обыкновенно подстилаютъ подъ себя войлокъ, или бурку изъ бараньей шерсти и увѣряютъ, что ни одинъ тарантулъ не всползетъ на нихъ. Въ Персіи употребляютъ ту же предосторожность противъ скорпіоновъ и фаланги (phalangea); послѣднихъ я не встрѣчалъ въ туркменскихъ равнинахъ.

Другой паукъ, величиною не менѣе тарантула, тчетъ неутомимо и разстилаетъ свои паутины по деревьямъ и кустарникамъ, къ великому неудовольствію путешественника. Главная нить, перекинутая съ одного дерева на другое, служитъ, вѣроятно, основою, на которой укрѣплена вся ткань; она толще шелковины и почти такъ же крѣпка. Этотъ паукъ красивѣе своего соплеменника; тѣло его овально, спина, испещренная черными, красными и оранжевыми кольцами, выпуклѣе, чѣмъ у тарантула, который почти совсѣмъ приплюснутъ.

Меня часто спрашивали, ѣдятъ ли туркменцы конское мясо? Пользуюсь этимъ случаемъ объявить, что нѣтъ; этотъ обычай принадлежитъ болѣе народамъ калмыцкой породы. Во время моихъ путешествій я посѣщалъ калмыковъ, которые угощали меня бифстексомъ изъ конскаго мяса; и хотя мнѣ было очень-противно пробовать неизвѣстное блюдо, однако я преодолѣлъ свое отвращеніе и нашелъ, что мясо молодаго жеребенка, которое мнѣ подавали, скорѣе приторно, чѣмъ непріятно для вкуса. Не сомнѣваюсь, что, устранивъ предразсудокъ, можно найдти лошадиное мясо такъ же вкуснымъ, какъ и мясо прочихъ животныхъ, которое мы употребляемъ въ пищу.

Любопытно было то мѣсто, гдѣ я въ первый разъ пробовалъ конское мясо; это было въ гостяхъ у одного изъ калмыцкихъ начальни-

ковъ на лѣвомъ берегу Волги, въ заастраханскихъ степяхъ. Этотъ начальникъ дѣлалъ кампанію 1812 года, былъ съ нашимъ войскомъ въ Парижѣ и говорилъ немного пофранцузски; словомъ, князь Тюменъ.

Возвратясь въ свои степи, онъ пожелалъ ввести у себя нѣкоторыя удобства жизни образованныхъ народовъ; чтобъ пріучить калмыковъ къ осѣдлости, онъ выстроилъ домы и пригласилъ соплеменниковъ своихъ поселиться въ нихъ, вмѣсто своихъ кибитокъ.

Для себя онъ построилъ большой домъ въ нѣсколько этажей; также каменное капище полукруглой архитектуры, съ перистилями по обѣимъ сторонамъ, опирающимися на легкія колонны. Калмыки исповѣдуютъ вѣру Будды, и жрецы Далай Ламы, совершали въ этомъ капищѣ свои священные обряды. Я нашелъ тамъ нѣсколько тибетскихъ художниковъ, которые тщательно расписывали наружныя стѣны зданія религіозными картинами очень-пестро и совершенно въ родѣ индійскаго и китайскаго художества.

Калмыки сначала исполнили желаніе своего начальника и перешли въ домы, огородили ихъ кругомъ и оставили внутри обширный дворъ. Вскорѣ послѣ того они разбили на этомъ дворѣ шатры, и мало-помалу переселились въ нихъ, оставивъ домы пустыми. Я нашелъ ихъ въ этомъ странномъ положеніи; домы приходили въ упадокъ, а владѣльцы ихъ снова предавались своимъ кочевымъ привычкамъ.

Но возвратимся къ обѣду изъ конины, которымъ угощалъ меня хозяинъ. Онъ состоялъ изъ лошадинаго *бифстекса;* мясо было невкусно и приторно, жиръ свѣтло-желтый и отвратительный.

Потомъ подали жареныя котлеты; тѣ оказались вкуснѣе. Передъ обѣдомъ обнесли кругомъ по рюмкѣ арака, перегнаннаго, какъ я узналъ послѣ, изъ кобыльяго молока. Вмѣсто питья намъ подавали знаменитый кумысъ, то-есть перебродившее кобылье молоко, которое доктора̀ предписываютъ отъ сухотки.

Я и спутники мои соблюли должное приличіе и ѣли все, что̀ намъ подавали; но я трепещу при одной мысли этого обѣда.

Туркменцы не знаютъ вовсе пріятностей чая, даже кирпичнаго, который я находилъ въ странѣ кумыковъ, у ногайцевъ.

Когда я проѣзжалъ по Сѣверному Дагестану, съ горъ ожидали лезгинскаго и чеченскаго пророка Шамиля; кочующіе нагайцы скрылись подъ защиту пушекъ небольшой крѣпостцы Кази-Юртъ. Будучи, подобно имъ, принужденъ избѣгать встрѣчи съ Шамилемъ, я также на нѣсколько дней остановился въ этой крѣпости и, благодаря гостепріимству и привѣтливой услужливости коменданта, поручика Бибикова, познакомился съ этими дикарями, которые угощали меня кирпичнымъ чаемъ (*).

(*) Это названіе происходитъ оттого, что онъ имѣетъ форму и темный цвѣтъ кирпича. Этотъ чай весьма-низкаго качества; въ него кладутъ цѣлыя вѣтки растенія, и самый листъ гораздо-грубѣе, нежели въ обыкновенномъ чаѣ, вѣроятно, потому, что старѣе.

Чтобъ приготовить чай, они отламываютъ потребное количество отъ цѣлаго кирпича, крошатъ его мелко и кладутъ въ котелъ съ водою, стоящій на огнѣ, у котораго сидитъ женщина съ большой ложкой и мѣшаетъ взваръ во время кипѣнія; когда онъ хорошо прокипитъ, настой сливаютъ, гущу же, состоящую изъ вѣтокъ и листьевъ, выбрасываютъ. Чай снова ставятъ на огонь, подбавивъ нѣсколько соли и масла; крошатъ туда же мускатный орѣхъ, наконецъ разбавляютъ молокомъ или сливками. Совершенно-готовый, онъ имѣетъ цвѣтъ грязновато-сѣрый или бурый; впрочемъ, пить его можно.

Но возвратимся къ туркменцамъ.

Ямуды имѣютъ чрезвычайно-высокое мнѣніе о превосходствѣ своей породы надъ всѣми прочими сынами Адама и, подобно индостанскимъ раджпутамъ, никогда не выдаютъ дочерей своихъ за чужеземцевъ. Въ описаніи поѣздки моей къ гоклан-туркменцамъ, я приводилъ примѣръ того, до какихъ крайностей доходитъ у нихъ это чувство. Когда же туркменцы женятся на персидскихъ или киргиз-кайсакскихъ плѣнницахъ, которыхъ покупаютъ отъ Узбековъ, то всегда соблюдаютъ различіе между дѣтьми, рожденными отъ этихъ женъ, и сыновьями отъ своихъ соплеменницъ.

Туркменцы чистой крови называются *икъ*, смѣшанной же крови— *Гулъ* (*). Первые пользуются гораздо-бо̀льшимъ уваженіемъ, хотя случается иногда, что и гуловъ выбираютъ въ сардари для воинскихъ набѣговъ; но имъ ни за что̀ не позволятъ жениться на туркменкѣ чистой породы; они должны выбирать женъ изъ женщинъ своего же положенія или брать плѣнницъ.

Мы видѣли также, что ямуды и гокланы не заключаютъ брачныхъ союзовъ другъ съ другомъ, по причинѣ своихъ вѣчныхъ раздоровъ, и оба эти племени свысока смотрятъ на текке.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ ямуды поселились близъ персидскихъ границъ, они безпрестанно дѣлаютъ набѣги на Персію, когда только чувствуютъ себя въ силѣ, или когда внутреннія неустройства Персіи позволяютъ имъ это дѣлать безнаказанно. Но хотя персіяне по справедливости ихъ ненавидятъ, однако они имѣютъ право на признательность нынѣ-царствующей каджарской династіи.

Туркменцамъ обязанъ спасеніемъ своимъ Мухаммедъ Гассанъ-Ханъ, дѣдъ Фетъ Али Шаха, когда шахъ Надиръ умертвилъ отца его и преслѣдовалъ его самого.

Съ ихъ же помощью первый каджарскій государь, Ага-Мухаммедъ-Ханъ, могъ отразить войска, посланныя противъ каджарской крѣпости Астерабада потомками Керимъ-Хана, послѣдняго государя зендской династіи въ Персіи.

(*) Или кулъ.

Ага-Мухаммедъ-Ханъ былъ такъ признателенъ за ихъ услуги, что ямудскіе старшины засѣдали въ совѣтѣ, гдѣ предсѣдательствовалъ самъ государь.

Правда и то, что ямудъ же (*) умертвилъ Гуссейнъ-Кули-Хана, отца Фетъ-Али-Шаха, но племя не участвовало въ этомъ преступленіи, а шахъ, по вступленіи на престолъ, отмстилъ за смерть своего родителя: онъ лишилъ зрѣнія одного изъ сыновей убійцы, другой сынъ его удавился, чтобъ не впасть въ руки мстительнаго шаха.

Старый шахъ вообще щадилъ ямудовъ, потому-что не весьма полагался на вѣрность астерабадскихъ губернаторовъ и хорасанкихъ предводителей. Онъ держалъ также въ войскѣ своемъ отрядъ, состоявшій изъ 250 ямудскихъ всадниковъ и столькихъ же гокланскихъ, которымъ очень-исправно выплачивали жалованье—политика, рѣдко-соблюдаемая въ-отношеніи къ прочимъ войскамъ.

Съ воцареніемъ Мухаммедъ-Шаха, служба ихъ прекратилась, и *Низамъ*, или такъ-называемая регулярная пѣхота, заступила мѣсто всѣхъ прочихъ войскъ.

На ямудовъ никогда не налагали положенной дани. Они только дарили шаху ежегодно въ весенній праздникъ Новруза нѣсколько туркменскихъ коней, и это было съ ихъ стороны болѣе знакомъ вѣжливости, нежели подданства; но когда астерабадскій губернаторъ усилился, то принудилъ ямудовъ платить небольшую денежную дань, распредѣленную по стольку-то съ шатра. Онъ наѣзжаетъ къ нимъ обыкновенно зимою, когда они приближаются къ гурганскимъ лѣсамъ и когда лошади ихъ и весь скотъ не могутъ пастись въ степи, и беретъ отъ двухъ до трехъ сагибкорановъ дани съ *алачика*, или палатки.

Въ замѣнъ того, шахъ и астерабадскій губернаторъ дарятъ ямудскимъ старшинамъ почетные халаты, составляющіе довольно-ровный балансъ.

Персидское правительство обвиняетъ астерабадскихъ жителей въ сношеніяхъ съ ямудами. Обвиненіе это можетъ быть и справедливо, но кто виноватъ?... Можно ли порицать жителей за то, что они стараются искать милости непріятеля, которому не въ силахъ противиться? Право ли правительство, которое не хочетъ защищать своихъ подданныхъ?

Всякое астерабадское семейство имѣетъ между туркменцами двухъ или трехъ знакомцевъ, которымъ поручаетъ выкупать родныхъ и друзей своихъ, попавшихъ въ плѣнъ, или уводить ихъ изъ Хивы, если они туда будутъ проданы: не естественно ли, что нѣкоторые окруж-

---

(*) Имя его Мурадъ-Ханъ, изъ аула Куджук-Татаръ; онъ былъ однимъ изъ довѣренныхъ приближенныхъ каджарскаго владѣтеля, и убилъ его за 200 тумановъ (червонцевъ).

ные начальники должны покупать *снисхожденіе* туркменцевъ, даже иногда приглашать ихъ разорять владѣнія своихъ соперниковъ? а туркменцы не такой народъ, чтобъ отказать въ подобной дружеской услугѣ.

Если гокланы выказываютъ болѣе наклонности къ земледѣлію, за-то ямуды успѣшнѣе занимаются торговлею; всѣ купеческія дѣла между Хивою и Астерабадомъ находятся въ ихъ рукахъ. Но они не ограничиваютъ своихъ операцій этими двумя городами; тѣ, чьи родные живутъ заложниками въ Тегеранѣ, отправляютъ въ столицу коней, ковры и другіе товары.

Джажаръ-бай ведутъ свою торговлю моремъ и возятъ на лодкахъ нефть съ острова *Черекена* и каменную соль съ Балкановъ къ берегамъ Астерабадскаго Залива, въ Мазандеранъ и даже въ Гилянъ. Они также продаютъ соленую рыбу и пухъ водяныхъ птицъ русскимъ промышленикамъ.

Внутренняя торговля туркменцевъ ведется наиболѣе аттами и шихами, которые, вмѣстѣ съ махтумами и ходжами считаются потомками четырехъ первыхъ халифовъ, и потому пользуются уваженіемъ всѣхъ прочихъ туркменцевъ (*). Два первыя племени употребили въ пользу неприкосновенность своего священнаго званія, сдѣлавшись купцами, и нѣкоторымъ образомъ составляютъ связь между разными враждебными племенами, посѣщая, безъ различія, ямудовъ, гоклановъ, текке, салуровъ и сариховъ и вымѣнивая у нихъ товары.

Всѣ кочевыя племена имѣютъ обычай скрывать настоящее число своего народа; одни уменьшаютъ, другіе нарочно увеличиваютъ свои силы, смотря по разнымъ побужденіямъ, и потому почти невозможно съ точностью опредѣлить число народонаселенія; впрочемъ, вообще утверждаютъ, что число ямуд-туркменцевъ простирается отъ 25 до 30,000 семействъ.

(*) Мнимые потомки четырехъ первыхъ халифовъ суть:

1) *Ходжа*, отъ Али, зятя арабскаго пророка; они разсѣяны между другими племенами. Прежде занимали Хаджи-Кале близъ Корре-Кале; теперь же большая часть изъ нихъ ушла въ Хиву.

2) *Атта*, отъ Омара, нѣкогда сильное племя, простиравшееся до 3000 семействъ, ныньче весьма уменьшилось. Они ушли также въ Хиву.

3) *Шейхи*, или *Шихи*, потомки Османа; кочуютъ близъ Кале-Шейхъ на рѣкѣ Сундѣ, впадающей въ Аттрекъ, неподалеку отъ гокланскихъ боиндеровъ.

4) *Махтумы*, происходящіе отъ Абу-Бекра, нѣкогда сильное племя, кочевало вмѣстѣ съ *Аттами* близъ аула *Кони-Яхмазъ*. Остатки ихъ перекочевали ныньче въ Хиву.

IX.

Туркменцы.

Характеръ туркменцевъ; наружность ихъ; сходство съ другими татарскими племенами. — Туркменки. — Обычай закрывать ротъ. — Законы собственности. — Законъ возмездія. — Должность Кази. — Торгъ невольниками. — Духъ независимости. — Сношенія съ Хивою. — Чапаулы. — Дѣлежъ добычи. — Выкупы. — Русская солдатка. — Плѣнники. — Хивинскій ханъ поощряетъ торговлю невольниками. — Дѣти плѣнницъ. — Междоусобные раздоры. — Вѣра, нравы и обычаи. — Ранніе браки. — Странный обычай. — Эпоха, когда прекращается власть родительская. — Вдовы и дѣвицы. — Женскія рукодѣлья. — Гимнастика. — Похороны.

Начиная описывать характеръ туркменцевъ, я сознаю съ сожалѣньемъ, что весьма-немногія добрыя качества станутъ въ параллель съ развитіемъ злыхъ природныхъ наклонностей. Туркменцы славятся храбростью; но, мнѣ кажется, это мнѣніе основано на томъ, что противники ихъ трусливы. Какъ ни смѣлъ кажется туркменецъ, но онъ не любитъ подвергаться опасности. Схватки ихъ съ персіянами рѣдко имѣютъ характеръ открытой, мужественной войны; онѣ заключаются всегда въ неожиданныхъ набѣгахъ. Туркменцы обыкновенно приближаются къ персидскимъ деревнямъ тайкомъ, ночью или предъ зарею, нападаютъ врасплохъ на безоружныхъ и полусонныхъ жителей, грабятъ, что̀ могутъ, и убѣгаютъ, влача засобою плѣнниковъ. Разбойничьи подвиги ихъ на Каспійскомъ Морѣ направлены также противъ бѣдныхъ поселянъ, которые неосторожно приближаются къ берегамъ, или ловятъ рыбу въ морѣ.

Для прекращенія этихъ безпорядковъ Россія прислала въ помощь персидскому правительству военный бригъ, который сжегъ разбойничью туркменскую флотилію.

Если ямудъ видитъ у противника своего ружье, то рѣдко нападаетъ на него, а поспѣшно удаляется, или прячется въ чащѣ лѣса. Туркменцы рѣдко употребляютъ огнестрѣльное оружіе; они предпочитаютъ саблю и копье.

Главная страсть туркменца грабежъ; для него нѣтъ ничего святаго, ничто не остановитъ его; гдѣ нельзя взять силою, онъ употребитъ хитрость, чтобъ достигнуть цѣли своей алчности.

Вторая страсть, волнующая душу его — мщеніе; она подчинена первой и имѣетъ всегда корыстное побужденіе. Тайная, а часто и явная причина войнъ ихъ всегда — грабежъ.

Нѣкоторые предметы объясняются всего-лучше сравненіемъ; постараюсь очертить наружность туркменца, чтобъ опредѣлить ихъ сходство и различіе съ монгольскими племенами.

Глаза туркменца имѣютъ совершенно одну форму съ монгольскими. Это, кажется, составляетъ замѣчательную черту монгольской породы. Это

кошачьи глаза, которыхъ края простираются къ вискамъ; но мнѣ кажется, что туркменскіе глаза больше и не такъ черны. Носъ также менѣе приплющенъ; губы не такъ толсты, хотя высокія скулы обличаютъ монгольскій типъ.

Калмыкъ болѣе приближается къ этому типу и, вѣроятно, болѣе тождественъ съ монголомъ: тотъ же узкій лобъ, голова съужена книзу и принуждаетъ скулы выдаваться впередъ, тотъ же плоскій носъ, тѣ же широкія, толстыя губы, маленькіе черные глаза, почти закрытые пухлыми щеками; тѣ же, какъ смоль, черные волосы, та же широкая мускулистая грудь, которая, кажется, одарена такою могучею силою въ ущербъ нижней части тѣла, потому-что ноги коротки и неуклюжи; но калмыкъ лучше верхомъ, когда, безъ узды, безъ сѣдла, прижавшись только колѣнями къ бокамъ коня своего, мчится вихремъ по степи, и самый дикій конь не сброситъ его!

Въ этихъ чертахъ туркменецъ разнится съ монголомъ: у него высокій лобъ, волосы не такъ черны, грудь менѣе развита; она узка и плоска, какъ у персіянина, или, чтобъ взять сравненіе ближе, какъ у его собственнаго коня. Подобно этому благородному товарищу трудовъ его, туркменецъ высокъ ростомъ, хорошо сложенъ; кости его широки. Онъ довольно-силенъ; ручные мускулы хорошо развиты употребленіемъ лука; но, въ соразмѣрности, женскія руки гораздо-мускулистѣе, вслѣдствіе тяжелыхъ работъ, выпавшихъ на ихъ долю.

Такъ-какъ туркменцы вообще носятъ длинныя, развѣвающіяся одежды, то я не могъ хорошо разсмотрѣть ногъ ихъ; кажется, онѣ нѣсколько-кривы, потому-что пальцы ихъ обращены внутрь, что̀ происходитъ, вѣроятно, отъ верховой ѣзды, которою они занимаются съ дѣтства; но они не такъ кривоноги, какъ монголы или калмыки.

Еслибъ я сталъ отъискивать фамильное сходство туркменцевъ съ другими турецкими племенами, то скорѣе сравнилъ бы ихъ съ ногайцами Сѣвернаго Дагестана на восточныхъ берегахъ Каспійскаго Моря. Ногайскіе, крымскіе, астраханскіе и казанскіе татары составляли нѣкогда Золотую Орду и предводились монгольскими или татарскими ханами. Вслѣдствіе монгольскаго владычества всѣ они прозваны татарами, хотя признаютъ себя одного происхожденія съ константинопольскими турками; то же говорятъ о себѣ и туркменцы. Однако люди, изучавшіе различные турецкіе діалекты, утверждаютъ, что константинопольскій турецкій языкъ несходенъ съ тѣмъ, которымъ говорятъ казанскіе татары или туркменцы; послѣдніе, также, какъ узбеки и прочіе, употребляютъ въ разговорѣ турецкій джагатай. Туркменцы нѣсколько шепеляютъ и часто произносятъ звукъ *с* какъ англійское *th*. Кочующія же племена турецкаго происхожденія въ Персіи говорятъ языкомъ различнымъ отъ двухъ вышепомянутыхъ; онъ считается испорченнымъ. Константинопольскій языкъ изъ всѣхъ самый щеголеватый и лучше всѣхъ обработанъ.

Тѣсное сродство астраханскихъ и казанскихъ татаръ съ монголами напечатлѣно въ чертахъ ихъ; съ ногайцами же оно не такъ примѣтно. Такимъ же образомъ туркменцы дальнихъ краевъ степей и хивинскіе узбеки имѣютъ болѣе монгольскаго выраженія, нежели туркменцы, кочующіе близь персидской границы. Частыя сношенія ногайцевъ съ лезгинами и черкесами улучшили породу ихъ и, несмотря на вражду туркменцевъ съ персіянами, не подлежитъ сомнѣнью, что близкое сосѣдство это равнымъ же образомъ подѣйствовало на первыхъ впродолженіе нѣсколькихъ поколѣній. Мы уже видѣли, что туркменцы женятся на персидскихъ плѣнницахъ.

Туркменскія женщины такъ же, какъ и мужчины, высоки ростомъ, и въ-молодости сложены прекрасно; лицо ихъ круглѣе, чѣмъ у мужчинъ, скулы выдаются менѣе, черные глаза, прекрасныя брови; у многихъ прекрасный цвѣтъ лица, особенно у гокланокъ; носъ немного сплющенъ, ротъ маленькій и ровные зубы; однимъ словомъ, вообще многія изъ молодыхъ женщинъ могутъ назваться красавицами.

Но старухи, какъ у всѣхъ восточныхъ народовъ, невообразимо-дурны. Впрочемъ, безобразіе ихъ другаго рода, чѣмъ у старухъ кочевыхъ племенъ персидскихъ: у послѣднихъ рѣзкія черты лица, дикіе, блестящіе глаза, сверкающіе будто изъ пещеры, а у послѣднихъ, напротивъ, лицо почти-плоское, все въ морщинахъ и сплющенный носъ.

Носъ туркменокъ почти сходится въ верхнею губою, можетъ-быть и потому, что онѣ имѣютъ обычай завязывать ротъ платкомъ (*яшмагъ*), который захватываетъ кончикъ носа и прижимаетъ его книзу. Армянки на Востокѣ дѣлаютъ то же; это считается необходимостью для благопристойной женщины.

Эта часть одежды имѣетъ сходство съ *пеномомъ*, который надѣвали древніе гебрскіе жрецы, приближаясь къ священному огню, чтобъ не осквернить своимъ дыханіемъ чистѣйшаго вещества и символическаго проявленія божества.

Такъ-какъ туркменцы живутъ въ шатрахъ и ведутъ кочевую жизнь, то можно предполагать, что у нихъ не къ чему приложить законы недвижимой поземельной собственности; однако, такъ-какъ многіе изъ нихъ засѣваютъ поля по берегамъ Гургана и Аттрека, то необходимо должны были принять нѣкоторыя правила относительно землевладѣнія.

Если аулъ, или даже семейство, владѣли хлѣбными полями впродолженіе нѣсколькихъ поколѣній, то право ихъ никѣмъ не оспоривается и они спокойно наслаждаются своею собственностью.

Также, если туркменецъ воздѣлаетъ вновь и введетъ въ обработанное имъ поле воду для поливки посредствомъ искусственнаго канала, за нимъ признается право владѣть тѣмъ участкомъ земли, который онъ въ-состояніи поливать.

Въ случаѣ убійства, смерть убійцы — единственное возмездіе, могущее удовлетворить семейство убитаго, если оно можетъ захватить

преступника; но если онъ успѣетъ скрыться отъ ихъ преслѣдованія, то, несмотря на свою жажду крови и мщенія, туркменцы принимаютъ въ соображеніе многочисленныя неудобства, могущія произойти отъ междоусобныхъ раздоровъ, и часто прекращаютъ вражду примиреніемъ на условіяхъ, которыя удовлетворили бы оскорбленныхъ, щадя въ то же время жизнь оскорбителя.

Какъ-скоро убійца въ безопасности, семейство его обращается къ *кази* (судьѣ или посреднику въ ихъ спорахъ) и проситъ его уладить дѣло за нѣкоторую сумму денегъ, которую предлагаютъ, какъ цѣну крови. Какъ-скоро обѣ стороны въ этомъ согласятся, кази старается скрѣпить мировую обыкновенно брачнымъ союзомъ между враждующими партіями; когда же всѣ эти условія исполнены, прошлое забывается и убійца можетъ выйдти изъ своего убѣжища, не страшась дальнѣйшаго мщенія.

Въ гражданскихъ дѣлахъ также прибѣгаютъ къ рѣшенію кази; каждое племя имѣетъ своего. У иныхъ званіе кази избирательное, у другихъ наслѣдственное. Въ первомъ случаѣ кази на смертномъ одрѣ предлагаетъ народу кандидата, достойнаго быть его преемникомъ, иногда даже въ ущербъ родныхъ дѣтей своихъ. По смерти его собираютъ совѣтъ; и если большинство изберетъ предложеннаго кандидата, онъ садится на почетное мѣсто и всѣ изъявляютъ ему свое почтеніе. Впрочемъ, новоизбранный кази не можетъ вступить въ отправленіе своей должности, пока избраніе его не будетъ утверждено главнымъ хивинскимъ казіемъ, по именному повелѣнію хивинскаго хана.

Тамъ же, гдѣ эта должность наслѣдственна, если умершій кази оставляетъ малолѣтнаго сына, народъ выбираетъ *молла* или *ахунда* (учителя), хорошаго законовѣдца, пользующагося доброю славою, чтобъ рѣшать дѣла ad interim, пока мальчикъ выростетъ; или обращаются въ спорахъ своихъ къ ближайшему кази изъ дружескаго аула, а между-тѣмъ посылаютъ молодаго кази въ Хиву для изученія Курана, и книгъ Шеріэта.

Иныя туркменскія семейства посылаютъ дѣтей своихъ учиться въ Хиву; и если юноши возвращаются съ одобрительнымъ свидѣтельствомъ, то пользуются уваженіемъ своего племени.

Я не ручаюсь, впрочемъ, за истину этого показанія; я слышалъ это отъ ямудовъ въ Тегеранѣ; но если оно и справедливо, то не должно заключать изъ того, чтобъ туркменцы дѣлали успѣхи на поприщѣ образованія.

Вѣчныя войны ихъ между собою и разбойничьи набѣги на Персію, имѣющіе цѣлью увести персіянъ въ неволю, препятствуютъ какому бы то ни было усовершенствованію и смягченію нравовъ.

Главный порокъ этого народа, дѣлающій его однимъ изъ самыхъ жестокихъ разбойниковъ всего Востока — торговля невольниками; она

истребляетъ въ нихъ всякое сочувствіе и дѣлаетъ ихъ совершенно-равнодушными къ страданіямъ ближняго.

Однажды я объяснялъ ямудамъ, до какой степени жестокъ этотъ обычай; они оправдывали его тѣмъ, что персіяне ничто иное, какъ шіитскія собаки и не стоятъ лучшаго обращенія.

— А еслибъ они были сунниты также, какъ вы, спросилъ я:—что бъ вы тогда дѣлали?

— Тогда мы бы сдѣлались шіитами, былъ отвѣтъ: — потому-что слишкомъ-выгодно брать въ плѣнъ персіянъ и продавать ихъ на базарахъ, чтобъ останавливаться за такими пустяками.

Впрочемъ, они ежедневно захватываютъ въ неволю и продаютъ своихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ, и тѣмъ доказываютъ, что въ-самомъ-дѣлѣ не стоитъ останавливаться за такими пустяками.

Кромѣ безмолвнаго повиновенія своимъ сардарямъ, или предводителямъ во время разбойничьихъ набѣговъ, и нѣкотораго уваженія къ рѣшенію кази, если сочли за нужное прибѣгнуть къ его разбирательству, туркменцы не признаютъ никакой власти и управляются единственно своею волею, или побужденіемъ страсти. Они славятся тѣмъ, что ни одинъ туркменецъ не обязанъ стоять на мірскихъ сходкахъ, и хотя есть мѣста или сѣдалища почетныя, но сидѣть каждый имѣетъ право. Нѣкоторые гордятся тѣмъ, что нога ихъ никогда не переступала ни за чей порогъ, то-есть, что они ни отъ кого не зависятъ, но свободно разгуливаютъ по степи. Другіе, которые никогда не приближаются къ Альбурскимъ Горамъ, а кочуютъ постоянно въ равнинахъ, хвалятся тѣмъ, что никогда не садились подъ тѣнью дерева.

Многочисленныя неудобства, проистекающія изъ этой пагубной свободы каждаго порознь, чрезвычайно вредятъ пользѣ общей. Къ-счастью для Персіи, недостатокъ единства и несогласія туркменцевъ между собою, совершенная необдуманность ихъ разбойничьихъ набѣговъ и вѣчные междоусобные раздоры дѣлаютъ сосѣдство ихъ менѣе-опаснымъ, чѣмъ бы оно могло быть, еслибъ у нихъ было общее управленіе, или начальникъ, способный располагать соединенными ихъ силами.

Еслибъ хивинскій ханъ затѣялъ когда-нибудь серьёзный походъ въ Персію, нѣтъ сомнѣнья, что туркменцы толпами стеклись бы подъ его знамена, частью отъ всегдашней готовности къ разбою при всякомъ удобномъ случаѣ, частью же и потому, что они считаютъ хивинскаго хана главою своей вѣры, такъ же, какъ и лучшимъ своимъ помощникомъ въ торговлѣ невольниками; они даже въ разговорѣ величаютъ его падишахомъ.

Когда персидское правительство притѣсняетъ ихъ, они уходятъ въ Хиву и просятъ покровительства у предводителя узбековъ. Многіе поселились въ Хивинскомъ Ханствѣ. Въ 1836 году, когда туркменцы рѣшились сопротивляться шаху при Корре-Кале, то призвали къ себѣ на помощь Рахимъ-Хана, брата владѣтельнаго хана узбековъ; не устоявъ

же противъ шахскаго войска, многія гокланскія и ямудскія семейства ушли и поселились въ Хивѣ.

Главное занятіе жизни ихъ, которому подчинены всѣ прочія, состоитъ въ томъ, чтобъ задумывать, приготовлять и совершать чапаулы или набѣги на непріятельскія земли. Затѣявъ походъ, они повѣщаютъ о немъ друзей своихъ въ разныхъ аулахъ; каждые пять шатровъ высылаютъ одинъ шатеръ на сборное мѣсто; этотъ шатеръ ставитъ всадника, вполнѣ-снаряженнаго и вооруженнаго. Аксакалы начинаютъ толковать о распоряженіяхъ похода, выбираютъ начальника, или сардаря, изъ числа людей, наиболѣе-извѣстныхъ своею опытностью и храбростью, также, какъ и знаніемъ мѣстности, ввѣряя такимъ-образомъ силы свои надежному вождю. Эти распоряженія называются *агавли*; опредѣливъ раздѣлъ предполагаемой добычи и назначивъ день выступленія, они расходятся по домамъ.

Теперь начинаютъ они заботиться о коняхъ своихъ, которые требуютъ особеннаго приготовленія. Ни одинъ жокей не хлопочетъ такъ о своей лошади передъ скачкой, какъ туркменецъ передъ походомъ. Въ назначенный день они опять съѣзжаются и выступаютъ легкими отрядами, оставляя, гдѣ нужно, въ мѣстахъ, имъ однимъ извѣстныхъ, припасы для себя и коней своихъ. Приближаясь къ мѣсту, гдѣ ожидаютъ добычи, они обыкновенно прячутся и ждутъ удобнаго случая внезапно ринуться на караванъ купцовъ, персидскихъ богомольцевъ, напасть на деревню, или захватить поселянъ, работающихъ въ полѣ. Тогда они мгновенно бросаются на непріятеля съ страшнымъ своимъ крикомъ: «аллеманъ! аллеманъ!» который звучитъ какъ голосъ смерти въ ушахъ испуганныхъ жертвъ.

Захвативъ все, что̀ попало подъ-руку, они сажаютъ плѣнниковъ на подручныхъ лошадей и поспѣшно мчатся назадъ, чтобъ избѣгнуть погони, останавливаясь только, чтобъ дать вздохнуть лошадямъ и покормить ихъ кормомъ, заблаговременно-приготовленнымъ на дорогѣ.

Когда экспедиція возвратится, совѣтъ снова собирается для раздѣла добычи.

Туркменецъ, собственною рукою захватившій плѣнника, или *тусога*, ясыря, имѣетъ право взять себѣ только платье его, оружіе и деньги, бывшія при немъ, но не можетъ располагать особою плѣнника, котораго оцѣняютъ, и сумма, вырученная за его выкупъ или продажу, дѣлится поровну между всѣми участвовавшими въ набѣгѣ; одинъ сардарь получаетъ двойную долю.

То же правило соблюдается и со всею остальною добычею; каждый предметъ оцѣнивается особо и каждый изъ участниковъ похода получаетъ равную долю, отдѣляя двойную только начальнику.

Въ раздѣлѣ добычи туркменскій конь ставится наравнѣ съ всадникомъ; напримѣръ, если кто ѣздилъ въ набѣгъ на чужой лошади, то владѣлецъ коня имѣетъ право на половину добычи; если же конь будетъ

убитъ или издохнетъ отъ усталости, община складывается и покупаетъ другаго, чтобъ вознаградить хозяина.

Если туркменецъ будетъ убитъ въ чапаулѣ, аксакалы его племени обязаны заботиться о томъ, чтобъ вдова его и дѣти получили долю его добычи, и самые непріятели ихъ, персіяне, которые имѣютъ съ ними частыя и близкія сношенія, признаютъ, что туркменецъ никогда не воспользуется безпомощнымъ положеніемъ вдовы или сироты.

Мнѣ всегда пріятно указать на какое-нибудь доброе качество этихъ дикихъ сыновъ пустыни. Дѣливъ хлѣбъ-соль гостепріимныхъ туркменцевъ, мнѣ грустно говорить о нихъ дурно предъ свѣтомъ; но правду высказать должно; пусть дѣла ихъ осуждаютъ или оправдываютъ.

Во время послѣдняго персидскаго похода противъ туркменцевъ, на берегахъ Гургана, въ 1836 году, была освобождена и представлена въ россійское посольство, въ Тегеранъ, русская солдатка; мужъ ея былъ убитъ въ 1826 году, а она взята въ плѣнъ персіянами и продана туркменцамъ.

Эта женщина также разсказывала, какъ справедливо поступили въ отношеніи къ ней туркменцы. По смерти ямуда, который женился на ней и имѣлъ отъ нея сына, она вступила во владѣніе имуществомъ своего ямудскаго супруга безъ всякой обиды отъ родныхъ его; напротивъ, они еще помогли ей собрать овецъ, верблюдовъ, лошадей, ковры, посуду и прочее его достояніе, и никогда не отказывали ей въ помощи, когда нужно было разбивать шатеръ, или вьючить верблюдовъ при перекочевкахъ аула. Но какъ всѣми этими дѣлами въ Туркменіи всегда занимаются женщины, потому я не удивляюсь, что она встрѣтила такую готовность помочь ей со стороны туркменокъ, которыя пользуются бо̀льшимъ уваженіемъ, нежели мужчины, сколько за свою досужность, столько и за сострадательность къ ближнимъ.

Но возвратимся къ русской солдаткѣ. Привязанность къ родинѣ, желаніе свидѣться съ родными побудили ее охотно отказаться отъ богатства, которымъ владѣла на чужой сторонѣ, едва только она увѣрилась, что можетъ безопасно возвратиться въ отечество. Она была изъ Воронежской Губерніи. Ненужно говорить, что она взяла сына съ собою: какая мать поступила бы иначе?

Плѣнникамъ, которыхъ уводятъ въ рабство и называютъ *кулъ*, заковываютъ ноги въ цѣпи и въ такомъ видѣ они должны исполнять полевыя работы, пасти скотъ или исправлять другія обязанности по хозяйству. Если родные вскорѣ не явятся съ выкупомъ, ихъ продаютъ въ Хиву, или удерживаютъ у себя рабами.

Хивинскій ханъ весьма покровительствуетъ торгу невольниками въ своихъ владѣніяхъ; онъ взимаетъ двадцать процентовъ при продажѣ каждаго плѣннаго, и это доставляетъ ему большой доходъ.

Сумма выкупа назначается смотря по способамъ или извѣстности плѣнника. Братъ фендерисскаго губернатора, взятый, нѣсколько лѣтъ на-

задъ, въ плѣнъ туркменцами, долженъ былъ заплатить 1500 тумановъ за свою свободу. Иные совершенно разоряются, будучи обязаны отдать за выкупъ все свое имѣніе.

Рабы, назначенные въ продажу, оцѣниваются смотря по лѣтамъ или личнымъ качествамъ. За юношу платятъ дороже, нежели за старика; но средняя цѣна полагается 40 тумановъ.

Что̀ касается женщинъ, попавшихъ въ плѣнъ, на молодыхъ туркменцы женятся, прочія идутъ въ работницы; вообще съ ними недурно обходятся, хотя и есть горькія исключенія. Господа иногда выдаютъ ихъ за соотечественниковъ, плѣнныхъ персіянъ. Дѣти, рожденныя отъ этихъ браковъ, считаются свободными и называются *догме*; но они рѣдко возвращаются въ страну отцовъ своихъ и даже отличаются въ туркменскихъ чапаулахъ на персидскія владѣнія. Это и не удивительно: привыкнувъ съ дѣтства считать разбойничьи набѣги славными подвигами, имъ хочется принять въ нихъ участіе и заслужить почетъ. Кромѣ-того, въ воздухѣ туркменскомъ есть что-то эластическое и разгульное, приглашающее сбросить съ себя всѣ узы; понятно, ка̀къ молодой человѣкъ съ пылкимъ духомъ, необузданнымъ нравственными законами, легко увлекается и буйно бросается въ смѣлые наѣзды вмѣстѣ съ степными друзьями своими. Нельзя ли этимъ объяснить, почему всегда изъ пустынь Средней Азіи выходили орды завоевателей, стремившихся овладѣть міромъ?

Туркменцы воюютъ не только съ Персіею, но безпрестанно ссорятся и между собою. Кровавыя войны между разными ихъ племенами бываютъ иногда до того упорны, что могутъ прекратиться только истребленіемъ одной или обѣихъ враждующихъ сторонъ.

Мы не разъ указывали на ненависть ямудовъ противъ гоклановъ; оба племени столько же ненавидятъ текке, съ прибавленіемъ еще презрѣнія и пренебреженія, съ которымъ невѣжа глядитъ обыкновенно на тѣхъ, кого считаетъ ниже себя.

Ямуды и гокланы не вступаютъ въ сношеніе съ текке, потому-что эти послѣдніе происходятъ отъ плѣнницы, между-тѣмъ, какъ оба первые гордятся тѣмъ, что рождены отъ свободной женщины, хотя всѣ трое происходятъ отъ одного отца. Только тогда, когда персіяне крѣпко притѣснятъ ихъ, обиженные идутъ къ другимъ просить помощи, чтобъ соединенными силами отразить угнетеніе.

Туркменцы исповѣдуютъ мухаммеданскую вѣру суннитскаго толка и наружно соблюдаютъ нѣкоторые обряды Корана, но не имѣютъ мечетей, ни другихъ молитвенныхъ домовъ; они обыкновенно собираются на продолговатой площадкѣ, окопанной рвомъ, за которымъ оставляютъ свою обувь, когда собираются на общую молитву. Впрочемъ, въ-отношеніи религіозныхъ чувствъ, они таковы же, какъ и всѣ персидскіе кочевые народы; нѣсколько наружныхъ обрядовъ, много суевѣрія и пред-

разсудковъ, но весьма-мало сердечной вѣры. Кромѣ-того, у нихъ есть свои особенные обряды и обычаи, которыми мы теперь займемся.

Туркменцы женятъ дѣтей своихъ очень-рано: мальчиковъ лѣтъ четырнадцати и пятнадцати, дѣвочекъ отъ десяти до двѣнадцати. Но въ этихъ случаяхъ они соблюдаютъ странный обычай. По совершеніи свадебныхъ обрядовъ, невѣста остается у юнаго супруга своего только нѣсколько дней, послѣ чего возвращается къ родителямъ и живетъ у нихъ года два или три. Въ это время она приготовляетъ свое приданое, которое состоитъ изъ ея нарядовъ и предметовъ, нужныхъ для убранства будущаго шатра и хозяйства.

Года черезъ два или три молодую жену отвозятъ въ шатры ея свёкра, гдѣ она и живетъ съ мужемъ своимъ цѣлый годъ. По истеченіи этого времени, особенно если родится дитя, отецъ позволяетъ молодой четѣ жить отдѣльно. Имъ даютъ особенные шатры и юный супругъ получаетъ изъ отцовскаго имѣнія свою долю овецъ, верблюдовъ, лошадей и проч. Впрочемъ, несмотря на этотъ раздѣлъ, отецъ продолжаетъ еще содержать молодыхъ на свой счетъ впродолженіе полугода; тогда только молодой человѣкъ выходитъ изъ-подъ надзора и власти отцовской; до тѣхъ же поръ отецъ имѣетъ надъ нимъ неограниченную власть, даже право жизни и смерти безъ всякаго отчета кому бы то ни было.

Такъ-какъ всѣ тяжелыя работы достаются обыкновенно на долю женщинъ, между-тѣмъ, какъ мужчины, подобно древнимъ германцамъ въ описаніи Тацита, гуляютъ или воюютъ, то туркменцы предпочтительно женятся на молодыхъ вдовахъ, а не на дѣвицахъ, потому-что первыя привычнѣе къ работѣ и опытнѣе въ хозяйствѣ. Вдова цѣнится вдвое дороже дѣвушки. Дѣвицу можно купить за пять верблюдовъ, вдову никогда менѣе десяти. Надобно признаться, что здѣшнія женщины чрезвычайно-работящи. У нихъ всегда въ рукахъ работа, никогда вы не увидите туркменку праздною и гуляющею, какъ ея господинъ и повелитель; несмотря на всѣ дневные труды, если ночью непріятель прокрадется въ аулъ, всегда онѣ первыя, подобно гусямъ капитолійскимъ, поднимаютъ тревогу.

На праздникахъ, то-есть, свадьбахъ или перевозѣ имущества молодыхъ супруговъ, родные ихъ нѣсколько дней веселятся, пируютъ, стрѣляютъ изъ лука, учреждаютъ конскія скачки и пр.

Они чрезвычайно-искусны въ стрѣльбѣ изъ лука, и недавно еще лукъ и копье были ихъ любимымъ оружіемъ; теперь они начинаютъ предпочитать ружья, когда могутъ достать ихъ. Стрѣлы они приготовляютъ сами; но луки покупаютъ у персіянъ, потому-что лучшіе луки дѣлаются въ Исфаганѣ.

Туркменцы думаютъ, что нельзя оказать высшаго почтенія усопшему, какъ погребсти его въ ту самую минуту, когда онъ испустилъ послѣд-

нее дыханіе; вслѣдствіе чего, вѣроятно, не одинъ несчастный погребенъ за-живо, жертвою опаснаго уваженія.

На томъ мѣстѣ, гдѣ омываютъ тѣло покойнаго, туркменцы обыкновенно насыпаютъ небольшой холмъ и окапываютъ его рвомъ; отсюда трупъ переносятъ на кладбище, находящееся обыкновенно на какомъ-нибудь тепе или курганѣ, которыхъ съ незапамятныхъ временъ множество по всей Туркменіи.

Едва узнавъ о смерти усопшаго, родные и друзья его собираются изъ разныхъ ауловъ плакать по немъ и утѣшать семейство. Они приносятъ съ собою шатры и разбиваютъ ихъ вокругъ покойника; женщины же поочередно ходятъ плакать вмѣстѣ съ семействомъ, особенно тѣ, которыя наиболѣе-искусно плачутъ и приговариваютъ.

Мужчины, по обыкновенію, не сидятъ дома; такъ-какъ на всѣхъ празднествахъ, веселыхъ и грустныхъ, верховая ѣзда ихъ любимое занятіе, то и здѣсь они по цѣлымъ недѣлямъ хвастаютъ своими конями, скачутъ и пируютъ насчетъ хозяина, пока, наконецъ, послѣдній не возвѣститъ друзьямъ своимъ, что, благодаря ихъ стараніямъ, вдовецъ или вдова утѣшились и покорились судьбѣ.

Послѣ чего гости убираютъ шатры свои и откланиваются.

Эти visites de condoléance чрезвычайно-разорительны для семейства усопшаго, часто оплакивающаго потерю не только родственника, но и всего имущества, которое пошло на угощеніе сострадательныхъ друзей. Иногда богатый туркменецъ, изъ тщеславія, удерживаетъ гостей своихъ цѣлый мѣсяцъ и угощаетъ ихъ рисомъ, бараниной, сыромъ, масломъ, молокомъ и прочими произведеніями стадъ своихъ, составляющихъ главное его богатство.

Между ямудами иные имѣютъ до 15,000 овецъ, до 200 верблюдовъ, отъ 20 до 30 кобылицъ и столько же рабовъ. Гокланы не такъ богаты стадами.

X.

Поѣздка въ долину Шах-Ку.

Жители Астерабада толпами возвращались изъ своихъ ейлаковъ, или лѣтнихъ кочевьевъ въ горахъ; ночи становились прохладны; наступила осень.

Возвратясь изъ прогулки моей къ гокланамъ, я жилъ нѣсколько времени въ Астерабадѣ и снова захотѣлось мнѣ въ поле. Лучшіе часы мои въ Персіи были тѣ, которые я проводилъ въ дорогѣ, въ странѣ неизвѣстной, или по-крайней-мѣрѣ нечасто-посѣщаемой европейцами.

Долина Шах-Ку, лежащая за нижнимъ Хребтомъ Альбурскимъ къ югу отъ Астерабада, мало-извѣстна и потому заслуживаетъ обозрѣнія Персидскіе мои знакомцы выхваляли мнѣ ее наперерывъ и увѣряли

что я не раскаюсь, если туда поѣду. Я охотно поддался обольщенію; одинъ пріятель мой, персіянинъ, возвращавшійся къ своему посту, въ Мазандеранъ, вызвался даже быть проводникомъ и спутникомъ моимъ, будучи хорошо знакомъ съ мѣстностью.

Предъ выѣздомъ я насладился любопытнымъ зрѣлищемъ возвращенія богомольцевъ изъ святыхъ мѣстъ; это былъ праздникъ въ Астерабадѣ.

Въ средніе вѣка Европа чувствовала то же, когда усердные поклонники возвращались изъ Палестины; въ нашъ утилитарный вѣкъ сердце уже не бьется при этой мысли...

Но, независимо отъ религіознаго чувства, на Востокѣ вообще ждутъ со страхомъ и тоскою возврата богомольцевъ. Здѣсь нѣтъ правильныхъ сообщеній и рѣдко доходитъ вѣсть о странникѣ къ его оставшимся друзьямъ. Дороги въ Мекку, въ Кербелай, даже въ Мешедъ опасны: путешественнику грозятъ нападенія арабскихъ бедуиновъ и туркменскихъ разбойниковъ. Страхъ, надежда, нетерпѣливое ожиданіе, тоска волнуютъ грудь родныхъ и друзей въ ожиданіи возвращенія милыхъ сердцу; неменѣе разнообразны и сильны чувства возвращающагося домой скитальца.

Караванъ *зуваровъ*, или богомольцевъ, возвращавшихся изъ Кербелая, былъ недавно ограбленъ туркменцами при спускѣ съ Альбурскихъ Горъ, въ ущельѣ Сундук-Шикенъ, почти въ виду Астерабада. Нѣкоторые были убиты, другіе захвачены и увлечены въ степь въ то самое время, когда готовились положить страннический посохъ подъ родною кровлею, окончивъ счастливо долгій, утомительный путь. Это взволновало весь Астерабадъ, вездѣ былъ плачъ и рыданіе; всѣ громко обвиняли беглербека въ этомъ несчастіи, которое онъ навлекъ на жителей, раздраживъ ямудовъ своими притѣсненіями; но онъ былъ равнодушенъ къ воплямъ народа и спокойно пировалъ съ своими любимцами, къ не малому соблазну почетнѣйшихъ жителей.

Одинъ изъ знатнѣйшихъ жителей Астерабада былъ убитъ въ этомъ случаѣ и тѣло его привезено въ городъ; всѣ жители чрезвычайно жалѣли о немъ. Сынъ же беглербека, двадцатилѣтній юноша, довольно-неосторожно замѣтилъ мнѣ, что это его Богъ наказалъ по-дѣломъ, за то, что онъ во время послѣдняго возмущенія астерабадскихъ жителей противъ губернатора, присталъ къ недовольнымъ.

Пришли вѣсти, что текке-туркменцы также напали на караванъ богомольцевъ, возвращавшихся изъ Мешеда въ Каинъ и Берджанъ, въ Хорасанѣ, и полонили 360 человѣкъ всякаго пола и возрата.

Теперь же богомольцы возвращались отъ гроба имама Ризы въ Мешедѣ, чрезъ ущелье Кузлукъ, на востокъ отъ Астерабада, по дорогѣ, равно-подверженной набѣгамъ разбойниковъ.

Я смотрѣлъ изъ открытаго окна на волны народа, стремившагося къ бостамскимъ воротамъ. Группы женщинъ въ бѣлыхъ и синихъ *ча-*

драхъ, или покрывалахъ, вѣроятно, неимѣвшія близкихъ родныхъ въ числѣ возвращавшихся, сидѣли подъ тѣнью чинаровъ и, подобно мнѣ, любовались веселымъ зрѣлищемъ. Нѣкоторые зувары держали на рукахъ своихъ дѣтей, которыхъ вынесли имъ на встрѣчу нѣжныя матери; другіе сажали ихъ съ собою на сѣдло, чтобъ прокатить по городу; городскіе жители смѣшались съ путешественниками; все шумѣло, все говорило; казалось не было ни у кого другой мысли, кромѣ радости счастливаго свиданія.

Не было конца пожатіямъ рукъ, поздравленіямъ, восклицаніямъ *селямъ алейкюмъ! Зіорети шума мубарекъ бошедъ!* (благослови Богъ ваше странствіе). Передъ знатными богомольцами шли *чауши*, которые несли знамена и распѣвали стихи изъ Корана. Всѣ лица сіяли радостью.

Я очень люблю обычай встрѣчать и провожать друзей. На Востокѣ онъ соблюдается свято, не потому, чтобъ тамъ любили друзей своихъ больше нашего; но такъ-какъ всякое путешествіе, особенно же къ святымъ мѣстамъ, сопряжено съ опасностями, то разлука грустнѣе, и въ той же мѣрѣ живѣе радость свиданія. Хотя мы столько же подвержены смертнымъ случаямъ, но у насъ нѣтъ ни арабскихъ, ни туркменскихъ разбойниковъ, поэтому мы менѣе безпокоимся; притомъ наши путешествія не бываютъ верхомъ; мы пріѣзжаемъ въ дилижансѣ, на пароходѣ, по желѣзной дорогѣ, никто и не догадывается о нашемъ пріѣздѣ. На Востокѣ все совершается медленнѣе. Тамъ путешественникъ остановится покурить кальянъ; увидя тѣнистое мѣсто на берегу журчащаго ручейка, онъ сойдетъ съ лошади, чтобъ дать отдыхъ утомленнымъ членамъ и позавтракать; потомъ настаетъ часъ молитвы; и хотя Коранъ освобождаетъ своихъ послѣдователей въ дорогѣ отъ совершенія обычныхъ молитвъ въ указные часы, но если они видятъ прохладный потокъ — какъ же не совершить омовеній?...

Притомъ наши путешествія — предметъ второстепенный, забава; на Востокѣ же это чрезвычайно-важное дѣло, и европеецъ, который не бывалъ на Востокѣ, не можетъ вообразить себѣ, что азіатецъ долженъ брать съ собою, чтобъ путешествовать хотя нѣсколько-удобно.

6-го октября выѣхалъ я съ пріятелемъ своимъ Джафаръ Кули-Агою чрезъ бостамскую заставу на востокъ къ Кузлукскому Ущелью по обыкновенной караванной дорогѣ для перевоза товаровъ между Астерабадомъ, Шахруд-Бостаномъ и всему Хорасану. Выѣхавъ изъ заставы, мы вскорѣ переѣхали рѣчку Зіяретъ, которая снабжаетъ водою городъ Астерабадъ и служитъ для поливки рисовыхъ полей; ѣхали посреди гранатовыхъ деревьевъ, и *сія-талу*, колючій кустарникъ съ желтыми цвѣточками, листомъ похожій на акацію. Изъ-за дубовыхъ рощъ, простиравшихся передъ нами къ востоку, гора Кале-Моронъ поднимаетъ черную голову; туркменскія равнины разстилаются къ сѣверу. Черезъ часъ пути достигли мы рѣчки Зоендерутъ, переѣхали по

брошенному через нея мосту и въѣхали въ лѣсъ; длинныя вѣтви деревьевъ укрывали насъ отъ солнца. Приближаясь къ ущелью, мы встрѣчали отсталыхъ зуваровъ, спѣшившихъ въ Астерабадъ съ богомолья въ Мешедъ. Теперь они пріобрѣли почетное названіе *мешеди*, которое будетъ всегда употребляться предъ другими именами ихъ до-тѣхъ-поръ, пока они предпримутъ странствіе въ Кербелай, близь Багдада; по возвращеніи оттуда, они получатъ болѣе-знаменитый титулъ — *кербелаи*, который, въ свою очередь, сложатъ, когда совершатъ путь въ Мекку и Медину; святое прозваніе хаджи — nec plus ulta честолюбія набожнаго мусульманина.

Проѣзжая по Кузлукскому Ущелью, мы нѣсколько разъ переправлялись через рѣчку *Дузгели*, которая вытекаетъ изъ горъ и, протекая чрезъ равнину къ сѣверо-востоку и Сія-талу, впадаетъ въ Карасу нѣсколько выше развалинъ Ахкале. Карабкаясь на берега этой рѣки, туркменцы подкрадываются къ Кузлукскому Ущелью и нападаютъ на караваны при подъёмѣ въ горы, или спускѣ съ нихъ, когда они наименѣе приготовлены къ оборонѣ. Отсюда и зловѣщее названіе рѣчки, *Дузгели*, потурецки—*воры идутъ*.

Лѣсъ чѣмъ далѣе, тѣмъ становился гуще; великолѣпныя строевыя деревья его пережили ужь многіе вѣки. Между ними отличался *балутъ*, или дубъ, которому, впрочемъ, не уступалъ и *афрогъ*, съ широкими листьями, нѣсколько-похожими на ясень; *ляркъ*, съ длиннымъ листомъ и очень-гибкими прутьями, изъ которыхъ вьютъ канаты, какъ изъ ивовыхъ прутьевъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Россіи. Здѣсь есть также атласное дерево, весьма-уважаемое въ столярной работѣ, и еще *дирахти-огянъ*, или желѣзное дерево, чрезвычайно-крѣпкое и которое тяжеле индійскаго *тека*.

Когда туземцы назначаютъ дерево на срубку, они сначала сдираютъ съ него кору нѣсколько-повыше корня, чтобъ сокъ не поднимался; такъ оставляютъ его года на два, и когда оно довольно-сухо, срубаютъ.

На подъёмѣ въ гору, лошади наши безпрестанно скользили по глинистой дорогѣ, размытой недавними дождями; выше, почва пошла каменистѣе и лѣсъ рѣже. Выѣхавъ на высокую площадку, на которой обыкновенно собираются астерабадцы, чтобъ встрѣчать возвращающихся зуваровъ, мы остановились, подождать своихъ вьючныхъ муловъ, опасаясь, чтобъ они не попали въ руки туркменцевъ.

Оставивъ влѣвѣ рѣчку Дузгели въ сторонѣ Куги-Шахвара, откуда по всей вѣроятности, она вытекаетъ, мы взбирались по крутизнѣ, усѣянной острыми каменьями, и черезъ часъ пути прибыли въ Кузлукъ— хорошенькую деревеньку, лежащую на скатѣ горы и окруженную высокими деревьями, между которыми всѣхъ роскошнѣе широколиственный афрогъ.

Кузлукъ, лежащій въ четырехъ съ половиною фарсангахъ отъ Асте-

рабада — лѣтняя резиденція Мелик-Гуссейна, начальника гуссейнабадскаго, о которомъ я упоминалъ выше, разсказывая о его благородномъ поведеніи въ-разсужденіи опальнаго принца. Кузлукъ имѣетъ оригинальный видъ; домы трехъэтажные, деревянные, оштукатуренные снаружи; покатыя кровли крыты гонтомъ, или красною черепицею. Зимою деревня эта часто посѣщается: она служитъ убѣжищемъ путешественниковъ, застигнутыхъ мятелью. Кузлукъ лежитъ на большой караванной дорогѣ между Астерабадомъ и Шахруд-Бостаномъ; переѣздъ черезъ горы въ этомъ мѣстѣ считается лучшимъ для вьючныхъ муловъ, нежели тотъ, который западнѣе Астерабада.

Несмотря на то, что эта провинція сѣвернѣе Бостамской Долины и Шахруда, но какъ мѣстоположеніе ниже и ближе къ морю, то климатъ въ ней теплѣе и плоды, созрѣвающіе гораздо-ранѣе, въ большомъ количествѣ привозятся на базары въ оба вышеупомянутыя мѣста. Съ другой стороны, когда время плодовъ проходитъ въ Астерабадѣ, тогда бостамскіе и шахрудскіе сады большими корзинами отправляютъ черезъ горы безподобные персики и виноградъ жителями низовыхъ мѣстъ. Бостамъ отстоитъ за шестнадцать фарсанговъ отъ Астерабада; вьючные мулы и ослы дѣлаютъ этотъ переходъ въ три дня. Города, равнины присылаютъ также ячмень и пшеницу въ обмѣнъ астерабадскаго риса и туркменскихъ войлоковъ, мѣшковъ и ковровъ.

Утромъ 7-го октября мы оставили Кузлукъ въ шесть съ половиною часовъ утра и поѣхали къ юго-юго-западу; съ часъ времени все поднимались въ гору. Съ высокой площади я могъ различить въ туманной дали излучистый токъ Гургана; за нимъ, нетакъ-отчетисто, однако, мѣстами довольно-ясно блистала въ лучахъ солнца параллельная Гургану нить, которую я принялъ за Аттрекъ. Гора Шахваръ лежитъ на востокъ.

Гора, по которой мы теперь ѣхали, служитъ лѣтнимъ пребываніемъ многимъ астерабадскимъ семействамъ, которыя разбиваютъ шатры свои въ этомъ прохладномъ мѣстѣ, простирающемся до плоской возвышенности Зіярета вправо и высотъ Пири-Герди-Ку влѣво. Тогда все здѣсь должно кипѣть суетою и жизнью; теперь же все сухо и сильный вѣтеръ дуетъ съ запада. Сегодня ѣдемъ мы краемъ совсѣмъ-различнымъ отъ вчерашняго. Вмѣсто крупнаго, строеваго лѣса, горы поросли можжевеловымъ кустарникомъ, далѣе онъ дѣлается крупнѣе и даже переходитъ въ дерево. Почва суха и камениста; однѣ дикія гвоздики цвѣтутъ и благоухаютъ «въ пустынномъ воздухѣ теряя запахъ свой».

Отъ развалинъ стараго каравансерая начинается скользкій спускъ прямо къ югу; передъ нами снѣжная цѣпь Шах-Ку тянется отъ юго-востока къ сѣверо-западу. Оставивъ за собою другой разрушенный каравансерай и деревеньку Чох-Хане съ домомъ Саибъ Ихтіара, бывшаго астерабадскаго губернатора, мы по крутому спуску съѣхали въ широкую долину, орошенную рѣчкою Хевт-Чешме, по берегамъ которой

поднялись къ востоку. Здѣсь, близь мѣстечка *Чилим-белимъ*, недавно была открыта руда чистой мѣди; также найденъ кусокъ малахита; далѣе есть слѣды желѣзной руды. Мнѣ разсказывалъ это мой молодой персидскій пріятель, который изучалъ минералогію въ нашемъ Горномъ Корпусѣ; правительство приказало ему разработать мѣдныя руды въ Мазандеранѣ. Изслѣдуя горы въ разныхъ направленіяхъ, онъ нашелъ признаки разныхъ минераловъ. Джафаръ-Кули-Ага сказывалъ мнѣ, что пушечныя ядра отъ 4 до 18 фунтовыхъ, лежащія въ тегеранскомъ арсеналѣ, обходятся кругомъ около сагиб-корана (около 30 к. сер.), ядра 32 фунтоваго калибра стòятъ около пяти сагиб-корановъ. Джафаръ-Кули-Ага предлагалъ правительству поставлять съ своего литейнаго завода (въ *Нонджѣ*, близь Амола, въ Мазандеранѣ) ядра всякаго калибра по 22 коп. сер. вмѣстѣ съ привозомъ въ Тегеранъ; но мудрый персидскій министръ отвергъ предложеніе, говоря, что ядра, отлитыя въ столицѣ, лучше. Тотъ же заводчикъ предлагалъ поставлять въ тегеранскій арсеналъ свинецъ по 15 коп. сер. за тавризскій мани (около семи фунтовъ) ровно вчетверо дешевле настоящей цѣны въ столицѣ; онъ просилъ только правительство ссудить ему нѣкоторую сумму для разработки рудъ, которыя открылъ въ горахъ Шах-Ку, гдѣ нашелъ также мѣдь и даже серебро, которыхъ представилъ и образцы. Но хаджи первый министръ не хотѣлъ объ этомъ и слушать; онъ хотѣлъ непремѣнно золотой руды; а если Джафаръ-Кули-Ага не умѣетъ нигдѣ найдти ея, то можетъ убираться! Къ-чему Персіи мѣдь? Конечно, изъ нея льютъ въ Тегеранѣ пушки; но что жь изъ того? Если понадобится мѣдь, можно ее купить въ Россіи или въ Турціи — гдѣ угодно; а если ее не достаетъ, то, чтобъ работники не оставались безъ дѣла, ихъ заставятъ переливать старыя пушки, или тѣ, которыя дурно отлиты (что̀ и дѣлали нѣсколько разъ); итакъ къ чему жь хлопотать о мѣдной рудѣ въ Персіи? Однѣ золотыя руды могутъ удовлетворить золотымъ мечтамъ хаджи Мирза-Агасси, перваго министра средоточія вселенной.

Это были явныя причины, по которымъ отвергнуто предложеніе Джафаръ-Кули-Аги; онѣ очень-смѣшны; къ-сожалѣнью, личность, которая внушила ихъ, гораздо-хуже. Министръ находится въ враждѣ съ старшимъ братомъ горнаго чиновника, хакимом-баши (придворнымъ докторомъ); не въ силахъ будучи повредить ему въ мнѣніи шаха, онъ вымѣщаетъ гнѣвъ свой на Джафаръ-Кули-Агѣ. Конечно, государство страдаетъ отъ этого, но кому какое дѣло?...

Проѣхавъ часа два долиною Хевт-Чешме, мы поворотили къ юго-востоку, поднялись на горный хребетъ и тянулись по немъ, пока снова спустились въ долину, по которой протекалъ ручеёкъ; онъ привелъ насъ къ ночлегу, близь деревни Тошъ, за четыре съ половиною фарсанга отъ Кузлука; здѣсь считаютъ около двадцати домовъ.

Здѣшнія горы состоятъ изъ известняка и песчаника; онѣ поросли

кое-гдѣ можжевельникомъ и барбарисомъ. По дорогѣ я подобралъ нѣсколько окаменѣлыхъ раковинъ, и узналъ отъ моего спутника, что ихъ находятъ на многихъ горахъ въ Персіи, и называютъ *кирме-хезрети-якубъ*; но онъ не могъ объяснить мнѣ, почему имъ дано это имя, которое значитъ: *черви Пророка Іакова.*

Близь деревни *Тошъ* въ горахъ находятъ мягкую зеленоватую глину, которую туземцы употребляютъ вмѣсто мыла. Ее вывозятъ даже въ Бостамъ и Шахрудъ.

Чтобъ дать лошадямъ отдыхъ, мы весь слѣдующій день пѣшкомъ прокарабкались по горамъ съ Джафаръ-Кули-Агою, который показывалъ мнѣ на высотахъ много свинцовыхъ жилъ. Онъ рылся поблизости въ разныхъ направленіяхъ и утверждаетъ, что разработка этой руды была бы очень-прибыльна.

Въ горахъ я нашелъ нѣсколько деревьевъ съ зубчатыми листьями и бѣлыми ягодами, похожими на смородину; онѣ также прозрачны и зернышки видны насквозь, очень-привлекательны на взглядъ, но чрезвычайно-горьки, какъ соблазнительный порокъ.

Съ вершины горы я могъ хорошо обозрѣть внизу лежащую страну и не сѣтовалъ болѣе, что съ такимъ трудомъ на нее взбирался. Дорога, которою мы ѣхали изъ Астерабада, вела къ сѣверо-западу; Бостамъ и, къ югу отъ него, Шахрудъ были фарсанговъ за пять къ востоку чрезъ востокъ юго-востокъ отъ деревни Тошъ. Двѣ рѣчки, одна изъ Тоша, черезъ туджерскій каравансерай, другая, южнѣе, черезъ деревню Муджинъ, стекались въ Шахрудской Долинѣ и катили соединенныя воды свои въ городъ Бостамъ. Гора Шахваръ находится неподалеку отъ нашего ночлега къ сѣверо-востоку, а снѣжный хребетъ Шах-ку виднѣется на югѣ. Въ туманной дали, въ соленой степи *Лутъ*, простирающейся къ югу, на горизонтѣ виднѣются волнистыя линіи, обрисовывающія профиль горъ *Куги-зяръ.*

Одинъ старый персіянинъ, о которомъ современемъ буду говорить болѣе, сказывалъ мнѣ, что при шахѣ Надирѣ въ этихъ дальнихъ горахъ разработывали богатую серебряную руду, которая была оставлена послѣ его смерти. Бабр-Кушъ (имя персіянина, служащій моимъ авторитетомъ въ этомъ случаѣ), самъ посѣщалъ эти горы, нѣсколько лѣтъ назадъ, и увѣрился въ существованіи руды до-сихъ-поръ. Теперь въ этихъ горахъ бродятъ только *балучи*—разбойники, и кое-гдѣ разбросаны арабскіе иліаты-жандаки, кочующіе въ долинахъ къ югу отъ Бостама. Самое имя Куги-зяръ, значитъ *серебряная гора.* Хребетъ Куги-Біяръ тянется далѣе къ юго-юго-востоку.

9-го октября. Сегодня проѣхалъ менѣе обыкновеннаго; дорога шла прямо къ западу, иногда по берегу рѣчки, которая со многими другими образуетъ рѣку Шах-ку, иногда по склону горъ, поросшихъ можжевельникомъ и барбарисомъ; почва порою песчана и ровна, порою трудна и камениста. Ночевали на полпути между деревнями *Шах-ку-*

бала, или верхній Шах-ку, и *Шах-ку-поимъ*, или нижній Шах-ку; проѣхали мимо нефтянаго колодца; онъ ныньче закрытъ, но сильный запахъ обличаетъ его существованіе. На прозрачномъ днѣ рѣки я видѣлъ слои минеральнаго угля, и спутникъ мой сказывалъ, что въ горахъ есть мѣдная и желѣзная руда. Отъ поселянъ я слышалъ, что нефтяной ключъ забитъ на̀-глухо для-того, что минералъ, втекая въ рѣку, отравлялъ воду. Не помню, чтобъ гдѣ-нибудь въ Персіи встрѣчалъ я нефтяные ключи, кромѣ какъ въ окрестностяхъ Ром-Гормуза, близь Персидскаго Залива.

Отъ Шах-ку-поинъ до деревни *Ратеканъ*, въ которую мы пріѣхали 10-го октября, считается отъ четырехъ до пяти фарсанговъ по долинѣ при рѣкѣ Шах-ку, принимающей направленіе къ западу. Неподалеку отъ послѣдняго нашего ночлега три горные ручья, *Хявт-Чешме*, *Шах-ку-бала* и *Поинъ* сливаются и образуютъ рѣку, называемую собственно *Шах-ку*. Протекая по живописной долинѣ, которою мы теперь проѣзжали, эта рѣка принимаетъ въ себя и другіе ручьи. На полпути между нашимъ ночлегомъ и деревнею хаджи-абадъ (иначе Соверъ) вправо, мы пересѣкли ту дорогу, которой я ѣхалъ, нѣсколько мѣсяцовъ назадъ, отъ Чехорде къ высокой плоской возвышенности Джеган-наме.

Влѣво я могъ разглядѣть между горъ богатые луга, извѣстные подъ именемъ *Чемене-Соверъ*, по которымъ протекаетъ быстрый горный потокъ, разсѣкшій своимъ стремленіемъ скалу нѣсколько-выше отсюда; потому это мѣсто называется *Шамшир-буръ*—рубецъ меча. Я проѣзжалъ этимъ отверстіемъ на пути въ Астерабадъ. За фарсангъ далѣе влѣво, дорога поворачиваетъ прямо на югъ сквозь горы *Эрïанъ* до деревни *Тое*, въ четырехъ фарсангахъ отсюда; проѣхавъ еще пять фарсанговъ, прибудете вы въ городъ *Демганъ*, расположенный, по всей вѣроятности, на развалинахъ древняго *Гекатомпилоса*. Тамъ же горная дорога ведетъ чрезъ луга *Чемене-Намеки* и ущелье *Калединъ* къ богато-населенному округу *Чехорде*, въ четырехъ фарсангахъ отсюда.

Я мелочно отмѣчаю всѣ эти подробности, потому-что онѣ пропущены почти во всѣхъ нашихъ географическихъ сочиненіяхъ, между-тѣмъ, какъ, судя по выгодному своему положенію, окрестности *Ратекана* были, вѣроятно, весьма населены въ разныя времена, и линія сообщеній между равниной Гекатомпилоса, или Демгана, и прикаспійскими землями проходила, какъ-видно по всему, по этимъ, природою окрытымъ проходамъ, сквозь главный Хребетъ Альбурскій.

Я думаю, что здѣсь проходилъ Антіохъ III-й съ своими греками, идя войною на пароянскаго царя Арзаса, потому-что Полибій говоритъ, что Антіохъ, по выходѣ изъ Гекатомпилоса, долженъ былъ прокладывать себѣ путь въ Гирканію сквозь узкое ущелье, прорытое горными потоками. Эти слова указываютъ прямо на вышеупомянутый Шам-

шир-буръ. Кромѣ-того, если Демганъ точно древній Гекатомпилосъ (что врядъ ли подлежитъ какому-либо сомнѣнію), то кратчайшій путь лежитъ прямо чрезъ Шамшир-буръ, и караваны всегда идутъ или въ Астерабадъ, или Мазандеранъ. Здѣсь даже донынѣ существуетъ деревня, неподалеку отъ входа въ западную тѣсницу, подтверждающая мое мнѣніе. Названіе ея *Тоѐ* сохраняетъ близкое созвучіе съ *Тодже*, о которомъ упоминаетъ Полибій, говоря, что отсюда начинаются трудности пути.

Задолго не доѣзжая Ратекана, мы завидѣли минаретъ, или башню того же имени, стоящую на возвышеніи на правомъ берегу Шах-ку. Подъѣзжая къ деревнѣ, я остановился, чтобъ поближе разсмотрѣть это любопытное зданіе, построенное изъ твердаго кирпича. Оно имѣетъ цилиндрическую форму, съ коническою кровлею, нѣчто въ стилѣ Гумбети-Кауса на берегахъ Гургана, за исключеніемъ, что здѣсь стѣны не желобчатыя или съ выступающими углами, составляющими отличительный характеръ архитектуры башенъ Гумбети-Кауса и большой башни *Тогрулъ* между развалинами древней Реи, близь Тегерана.

Минаретъ ратеканскій имѣетъ снаружи около 72 футовъ въ окружности, въ высоту столько же, или даже болѣе. Одна дверь къ югу и одно окно на востокъ; надъ дверью куфическая надпись; другая надпись, длинная и изукрашенная, идетъ вокругъ всей стѣны подъ самою остроконечною кровлею. Внутренность пуста и очень закоптѣла. Башня эта хорошо сохранилась; туземцы говорятъ, что неподалеку отъ нея была и другая, отъ которой теперь остались только груды камня и обломковъ кирпича.

Съ любопытствомъ бродилъ я по Ратекану; я слыхалъ о немъ ужь давно. Мнѣ разсказывали тайную исторію о кладѣ съ большими предосторожностями и таинственностью.

Въ Астерабадѣ ко мнѣ часто приходилъ одинъ старый персіянинъ, о которомъ я говорилъ ужь выше. Это былъ человѣкъ чрезвычайно-эксцентрическій. Имени его не помню, прозваніе же его *Бабр-Кушъ*. За то ли онъ получилъ его, что дѣйствительно убилъ тигра, какъ свидѣтельствуютъ эти слова, или за неукротимый духъ свой — не знаю; онъ полюбилъ меня и я охотно слушалъ его разсказы.

Онъ страстно любилъ минералогію, твердо вѣрилъ, что современемъ откроетъ тайну превращать всѣ металлы въ золото (эта наука, досихъ-поръ имѣетъ много адептовъ въ Персіи), и ко всему тому Бабр-Кушъ былъ еще антикварій. Между-прочимъ, онъ однажды открылъ мнѣ, подъ большимъ секретомъ, что, нѣсколько лѣтъ назадъ, одна женщина принесла къ нему нѣсколько древнихъ золотыхъ монетъ, прося продать ихъ какому-нибудь френги, что онъ и исполнилъ. Каждая изъ этихъ монетъ, по словамъ его, вѣсила до пяти персидскихъ *мискаловъ* (мискалъ равняется унціи); на одной сторонѣ этихъ монетъ изображена была въ профиль фигура по поясъ и вокругъ надпись на не-

извѣстномъ языкѣ. Вскорѣ послѣ того женщина принесла еще болѣе тѣхъ же самыхъ монетъ; онъ приступилъ къ ней съ допросомъ, откуда она достаетъ ихъ, и она призналась, что сынъ ея нашелъ кладъ около развалинъ Ратекана. Бабр-Кушъ обѣщалъ выдать дочь свою за ея сына съ условіемъ, чтобъ этотъ послѣдній указалъ ему мѣсто и подѣлился кладомъ. Молодой человѣкъ разсказалъ ему, что, работая въ полѣ, въ окрестностяхъ Ратекана, онъ наткнулся на фундаментъ стѣны, и раскопавъ его, нашелъ три кувшина; открывъ одинъ изъ нихъ, увидѣлъ деньги, но, боясь преслѣдованія, такъ-какъ всякій кладъ принадлежитъ казнѣ, онъ взялъ только горсть золотыхъ монетъ и снова закопалъ кувшины въ землю, чтобъ современемъ унести ихъ домой. Бабр-Кушъ согласился идти вмѣстѣ съ юношею въ Ратеканъ и достать сокровище. Они прибыли на мѣсто въ ту пору, когда жители проводятъ весь день на работѣ въ полѣ; ночью же было слишкомъ-темно и они не могли отъискать мѣста. Итакъ они отложили свое предпріятіе до удобнѣйшаго времени. Между-тѣмъ, молодой человѣкъ утонулъ, не указавъ Бабр-Кушу настоящаго мѣста клада. Будучи самъ слишкомъ-старъ и не имѣя, вѣроятно, другой дочери, которую могъ бы предложить молодому и предпріимчивому искателю, онъ совѣтовалъ мнѣ попытать счастья.

Всѣ эти разсказы возбудили мое любопытство; я думалъ не столько о цѣнности сокровища, какъ о томъ, что если въ-самомъ-дѣлѣ въ окрестностяхъ Ратекана найдены золотыя монеты — вещь весьма-возможная, потому-что клады не диво въ Персіи, то мнѣ было бы очень-удобно опредѣлить мѣстоположеніе разныхъ древнихъ городовъ, которые напрасно отъискиваютъ древніе географы.

Очертанія горъ надъ деревнею представляютъ совершенно-горизонтальную линію, какъ-будто нарочно-протянутую человѣческою рукою. Эти горы называются *Зериш-Хана.*

Жители Ратекана (иначе Совер-Поинъ) на зиму переѣзжаютъ въ Астерабадъ, по причинѣ сильныхъ морозовъ и глубокаго снѣга, лежащаго тамъ три мѣсяца. Домы чистые, выбѣленные, съ покатыми кровлями и окнами на улицу.

11-го октября, въ шесть съ половиною часовъ утра, мы оставили Ратеканъ и постепенно спустились къ берегамъ Шах-ку, въ направленіи къ западу юго-западу; въ семь часовъ достигли границы Соверскаго Округа, которая составляетъ также границу Астерабадской Области. Мы ѣдемъ теперь по округу Хезорджерибъ, въ предѣлахъ Мазандерана, къ западу вдоль праваго берега рѣки Шах-ку. Налѣво деревня *Гюзеларъ*, направо *Баркела*, очень-красиво расположенная на скатѣ горъ. Домики опрятные, свѣтлыя окна, высокія кровли (*). До-

(*) Купцы изъ *Тазре* (въ Демганѣ), торгующіе русскимъ желѣзомъ, здѣсь переѣзжаютъ черезъ горы. Путь ихъ лежитъ слѣдующимъ образомъ: отъ *Тазре* до *Чехорде* 4 фарс., отсюда до *Баркела* чрезъ *Шам-*

лина живописна; вершины горъ по обѣ стороны покрыты лѣсомъ, въ разноцвѣтномъ осеннемъ уборѣ; подошвы ихъ и равнина по берегамъ рѣки подъ хлѣбными полями: пшеница, ячмень и рисъ — общія произведенія Хезорджерибскаго Округа. Обыкновенный урожай пшеницы и ячменя содержится здѣсь, какъ 10 къ 1. Земля бо̀льшею-частью принадлежитъ поселянамъ, что̀ водится не вездѣ въ Персіи, можетъ-быть, потому самому они и не селятся большими деревнями и живутъ въ разбросанныхъ хуторахъ.

Передъ нами разстилается прелестная панорама; можжевеловыя деревья, потомъ можжевеловый же кустарникъ, провожавшіе насъ во всю дорогу, мало-по-малу, исчезаютъ—вѣрный знакъ, что мы въѣзжаемъ въ низовый край, въ которомъ почва тучнѣе. Барбарисъ, особенно-дружный съ можжевельникомъ, сопутствуетъ намъ еще нѣсколько времени, какъ-будто жалѣя разстаться съ нами, а, можетъ-быть, и съ прелестными берегами Шах-ку. Намъ также жаль его, но мы легко утѣшаемся; природа оказывается не мачихою въ долинѣ Шах-ку; вокругъ насъ богатая и великолѣпная растительность. Высокія деревья съ обѣихъ сторонъ сходятъ съ горъ въ долину, покачивая вершинами и распростирая надъ нами великолѣпныя вѣтви свои; молоденькій кустарникъ тѣснится къ берегамъ рѣки, вдоль которыхъ мы пробираемся; онъ привѣтливо зеленѣетъ и какъ-будто шепчетъ восточный привѣтъ: *Ханги шума-абадонъ!* что̀ по-нашему переводится: *да преуспѣваетъ хозяйство ваше!* очень-хорошо придуманное привѣтствіе, потому-что кому же не хочется видѣть порядокъ и преуспѣяніе въ семействѣ и хозяйствѣ своемъ?... Но, несмотря на это дружелюбное желаніе, красивый кустарникъ вовсе-недружелюбно царапалъ намъ руки и дралъ платье, едва только мы неосторожно приближались къ нему. *Валикъ* или *емшанъ* съ черными ягодами, кисловатыми, но пріятными для вкуса; *качибъ* (въ Ратеканѣ), *маризъ*, (въ Астерабадѣ) съ листьями, похожими на лѣсной орѣшникъ, *сія-талу* съ желтыми цвѣточками, листомъ, похожимъ на акацію и длинными иглами—всѣ они рѣшительно отбивали охоту къ ближайшему знакомству. Я повстрѣчалъ здѣсь стараго пріятеля: *азгиль*, или кизильникъ; но ягоды его еще не созрѣли; вообще надобно, чтобъ ихъ прихватило морозомъ или чтобъ они улежались прежде, нежели ихъ можно ѣсть.

Чтобъ никого не обидѣть, и въ то же время угодить любителямъ лѣсоводства, я долженъ упомянуть, что нашелъ здѣсь еще *дирахтишинъ*, дерево, съ жесткими свѣтлокрасными ягодами; *туско*, съ большими, широкими, темнозелеными бархатными листьями, похожими видомъ на листъ черной шелковицы, и дикій виноградъ, мелкій, но слад-

---

ширбуръ 6 фарс., отселѣ чрезъ второй лѣсистый хребетъ горъ въ Анезалъ, западный округъ Астерабада, въ деревню *Багу*, или *Безъ*, на берегахъ Каспійскаго Моря.

кій, темносиняго цвѣта; его называютъ здѣсь *гуре*, вѣроятно, испорченное персидское слово *ангуръ* — виноградъ.

Въ половинѣ девятаго мы оставили влѣвѣ деревню *Истерува* и ручеекъ, вытекающій изъ горнаго ущелья близь деревни *Еризеръ*, гдѣ живетъ хезорджерибскій старшина Багир-ханъ; долина мало-по-малу съуживалась; въ ней было не болѣе полмили въ ширину. Поселяне занимались полевыми работами; иные обмолачивали хлѣбъ посредствомъ лошадей, привязанныхъ къ шесту и выбивавшихъ копытами зерно на гладко укатанный полъ, или *токъ*; другіе складывали снопы въ амбары, устроенные на верхушкахъ невысокихъ деревьевъ съ широкораспростертыми вѣтвями, или въ срубы, возвышенные надъ землею въ предохраненіе отъ сырости и полевыхъ мышей. Уборка хлѣба въ такую позднюю пору поразила меня, тѣмъ-болѣе, что слѣва отъ насъ за первою грядою горъ видѣнъ былъ снѣжный хребетъ *Бодли*, въ направленіи къ округу *Фулад-Магале*. Вѣроятно, близость этихъ снѣжныхъ горъ причиною тому, что въ Шах-ку климатъ холоднѣе, а потому и жатва позже. Зимою долина лежитъ подъ снѣгомъ и жители принуждены вмѣстѣ со скотомъ своимъ уходить къ низкимъ и теплымъ прибрежьямъ Каспійскаго Моря.

Тамъ, гдѣ горныя цѣпи сходятся, рѣка Шах-ку пробиваетъ себѣ дорогу сквозь узкое ущелье Шамшир-буръ, футовъ на тысячу длины, и побѣдивъ всѣ препятствія, снова торжественно разливается по широкой долинѣ. Скалы состоятъ изъ известняка и алебастра, кое-гдѣ попадаются слои плитняка.

Мѣстное преданіе говоритъ, что здѣсь нѣкогда было озеро; но *Аристу* (Аристотель), наставникъ *Искендера-Руми* (Александра Македонскаго) проточилъ скалы *острою водкою* (aqua fortis) и открылъ путь, которымъ воды озера пролились въ сосѣднюю долину, ту самую, въ которую мы теперь вступаемъ, проѣхавъ чрезъ хребетъ горъ, покрытыхъ прекрасными деревьями и богатою растительностью.

Есть люди, которые не довольствуются фактами, а хотятъ знать причину каждой вещи; въ отвѣтъ таковымъ мужи, свѣдущіе въ исторіи, объясняютъ, что̀ побудило Аристотеля совершить столь дивный подвигъ. Предупреждаю читателя, что эти свѣдѣнія почерпнуты мною не изъ Арріана, но у персидскихъ мудрецовъ. Однажды воспитатель и воспитанникъ поссорились и Аристу осадилъ Искендера въ одномъ изъ ближнихъ городовъ. Аристу соорудилъ статую столь страшнаго вида, что, при одномъ взглядѣ на нее, осажденное войско Искендера упало ницъ на землю (это немножко отзывается греческою баснею о медузиной головѣ) (*). Не зная, что̀ дѣлать въ такой бѣдѣ, Искендеръ прибѣгнулъ

(*) Способъ, которымъ и китайцы было-вздумали воспользоваться противъ англичанъ въ послѣднюю войну съ ними, надѣясь испугать ихъ изображеніемъ чудовищъ на щитахъ своихъ.

къ *Ифлату* (Платону), который представилъ статуѣ зеркало и она, въ свою очередь, испуганная, упала ницъ. Тогда Аристу, не задумываясь долго, открылъ ворота Соверскому Озеру и разрушилъ городъ наводненіемъ; озеро же пересохло.

Принимайте эту легенду какъ угодно, мы же теперь любуемся картиною, которая разстилается передъ нами. Близь деревни *Бидгишъ* рисовыя плантаціи и ручеекъ, бѣгущій съ юга; тамъ же, какъ увѣряютъ, находится Чешме-Али, фарсанговъ за семь или восемь отсюда. Мы остановились позавтракать близь красивой имам-заде Сефир-Чинъ— опрятное, бѣлое четвероугольное зданіе, покрытое красною черепицею и окруженное сѣрыми могильными камнями. Окрестности прекрасно обработаны. Это мѣсто принадлежитъ *Мир-Ахуру,* или смотрителю шахскихъ лошадей.

Скоро простились мы съ долиною и забрались въ горы къ сѣверу. Мы ѣхали по большой дорогѣ, называемой *хіебанъ-шах-аббасъ,* которая ведетъ въ Ніальскія Горы къ сѣверо-сѣверо-западу. Мы взобрались на гору Ніала, спустились, потомъ поднялись на другую, круче первой. Добравшись до вершины, вполовину обработанной, вполовину поросшей лѣсомъ, мы остановились на уровнѣ съ другими горами, развѣтвляющимися въ разныхъ направленіяхъ въ фантастическомъ безпорядкѣ, въ которомъ, однако, безъ-сомнѣнія, скрывается тайный *порядокъ,* согласный съ неизмѣнными законами природы.

Прежде чѣмъ окончательно разстанемся съ Хезорджерибомъ, бросимъ прощальный взглядъ на долину Шах-Ку, безспорно, одно изъ прелестнѣйшихъ мѣстъ въ Персіи, соединяющую въ себѣ всѣ преимущества мѣстоположенія и климата, богатую почву, изобиліе воды и лѣса. Здѣсь нѣтъ сырой атмосферы, которая дѣлаетъ Мазандеранъ и Астерабадъ за сѣвернымъ скатомъ Альбурсовъ такъ непріятнымъ и нездоровымъ, нѣтъ тѣхъ чрезмѣрныхъ жаровъ, которые царствуютъ на возвышенной площади Ирана и Хорасана на южномъ скатѣ того же горнаго хребта. Въ долинѣ Шах-Ку воздухъ пріятный, бальзамическій; отрадно вдыхать его. Эта часть Хезорджериба называется *Чехорденге; Дуденге,* лежащая за снѣжными горами къ югу, содержитъ въ себѣ Фулад-Магале и проч. Мы проѣзжали ее въ самомъ началѣ пути въ Астерабадъ.

Мы спускались съ Ніала цѣлые три часа почти непроходимымъ лѣсомъ. Дорога, построенная Шах-Аббасомъ, ни къ чему не служитъ; кое-гдѣ остались еще слѣды мостовой, но весьма-попорченные. Огромныя деревья валяются поперегъ дороги; вѣтви ихъ торчатъ во всѣ стороны, преграждая совершенно путь. Бѣдныя лошади едва держатся на ногахъ: на скользкой крутизнѣ по глинистой почвѣ, размытой частыми дождями, а когда приходится переѣзжать ручьи, текущіе черезъ дорогу во всѣхъ направленіяхъ, тогда онѣ увязаютъ еще глубже. И мы еще ѣдемъ въ самую благопріятную пору! Не понимаю, ка́къ отсюда выбираются въ дождливое зимнее время? Лучи солнца никогда не прони-

каютъ въ эти дремучіе лѣса Гирканіи. Въ иномъ мѣстѣ дорога идетъ совсѣмъ лѣстницею; мулы и лошади протаптываютъ глубокія ямы въ грязной почвѣ, и бѣдныя животныя ступаютъ въ эти ямы сначала одною ногою, потомъ въ ближнюю яму другою, и прежде чѣмъ высвободятъ первую изъ глинистой почвы, должны утвердиться и сохранить равновѣсіе, иначе повалятся вмѣстѣ съ всадникомъ.

Наконецъ мы спустились въ долину берегомъ Керенда, быстрой рѣки, которая, свергаясь съ этой горы, вѣроятно, гораздо-скорѣе нашего достигаетъ своего назначенія. Она катитъ въ волнахъ своихъ мѣдносѣрные колчеданы Мы пріѣхали на ночлегъ до крайности-утомленные и забрызганные грязью.

Галуго—значительное мѣстечко; здѣсь живетъ племя *Джеванширъ*, переселенное сюда изъ Ахкале, но прежде-жившее въ нашемъ Карабахѣ и извѣстное тамъ подъ именемъ *Имрлу*. Въ Галуго болѣе восьмисотъ домовъ обширныхъ и хорошо-построенныхъ. Деревня окружена гранатовыми рощами. Въ сосѣднихъ горахъ находятъ каменный уголь и мѣдь; но персидское правительство этимъ не довольствуется и приказало спутнику моему, Джафаръ-Кули-Агѣ отъискать здѣсь непремѣнно золотую руду.

XI.

Очеркъ города Астерабада и всей области.

Границы. — Горы. — Руды. — Рѣки: Шах-Ку; Керриндъ; Багу; Зіяретъ; Дузгели; Карасу. — Броды. — Климатъ. — Политическое раздѣленіе области. — Древности. — Городъ Ратеканъ. — Произведенія природы. — Промышленость. — Особливая порода рогатаго скота. — Лошади. — Хищные звѣри. — Фазаны. — Шелковые черви. — Птица хаджи. — Рисъ, обработка его и различные сорты. — Пшеница и ячмень. — Астерабадская пшеничная мука. — Кунжутъ или сезамъ. — Хлопчатая бумага. — Правила при наймѣ земли. — Льготы.—Фабрики и мануфактуры шелковыхъ, бумажныхъ и шерстяныхъ тканей.— Сбытъ въ Астерабадъ. — Городъ Астерабадъ.

Астерабадская Область лежитъ на юго-восточномъ краю Каспійскаго Моря и граничитъ къ сѣверу Астерабадскимъ Заливомъ и кочевьями туркменцевъ-ямудовъ, къ востоку и юго-востоку Альбурскія Горы отдѣляютъ ее отъ Хорасана; къ югу цѣпь тѣхъ же горъ составляетъ ея предѣлы, а къ западу Мазандеранская Область. Величайшее протяженіе ея въ длину, отъ Галуга на западной границѣ до Коре-кале (накоторое гокланы изъявляли притязаніе) на сѣверномъ краю, простирается до 45 фарсанговъ или 315 верстъ; въ ширину отъ Шах-ку до Гургана 9 фарсанговъ; двѣ трети этого пространства заняты горами, остальная треть — долинами.

Астерабадъ, равно-какъ Мазандеранъ и Гилянъ, можетъ быть раздѣленъ на двѣ, совершенно-различныя части: гористую и низовую.

Вершины и ущелья главнаго хребта Альбурскихъ Горъ, отдѣляющаго Астерабадъ отъ высокой площади хорасанской, лежатъ подъ снѣгомъ круглый годъ. Этотъ хребетъ вообще извѣстенъ подъ именемъ Шах-

ку. Близъ бостамскихъ долинъ онъ понижается, но вскорѣ снова возвышается въ направленіи къ сѣверо-востоку, хотя и менѣе; три главныя возвышенія, господствующія надъ всею цѣпью, покрыты снѣгомъ въ самые сильные жары. Эти возвышенія: Куги-Шахваръ или Шоверъ, Кале-Моронъ и Ниль-ку. Первое близъ Бостама, второе неподалеку отъ Роміона, третье, содержащее въ себѣ ледники, находится въ Гокланской Землѣ.

Южныя покатости Альбурскихъ Горъ, прилегающія къ площади хорасанской, совершенно-безлѣсны; но когда пройдешь нижнюю гряду ихъ и проникнешь въ лабиринтъ ихъ развѣтвленій къ сѣверу, безплодный видъ ихъ начинаетъ оживляться растительностью; тамъ и сямъ виденъ барбарисъ, можжевельникъ и мелкій дубъ; далѣе идутъ невысокія и широко-развѣтвляющіяся деревья; когда же достигнешь высоты второй гряды Альбурскихъ Горъ, видъ совершенно измѣняется. Огромные лѣса покрываютъ сѣверный склонъ горъ и сопровождаютъ путника въ долину сначала по крутому, потомъ по довольно-удобному спуску.

Говоря о безплодныхъ горахъ къ сторонѣ Хорасана, недолжно воображать, что онѣ лишены всякой растительности: природа никогда не бываетъ несправедлива; она только разнообразитъ дары свои. Горы эти кажутся голыми только съ перваго взгляда; онѣ покрыты въ изобиліи душистыми и смолистыми травами, которыя привели бы въ восхищеніе ботаника, и въ то же время чрезвычайно утучняютъ овецъ и козъ. Въ этихъ горахъ находятся также слѣды многихъ рудъ: свинца, мѣди, желѣза, даже серебра, также и каменнаго угля. Въ Галуго, гдѣ персидское правительство хочетъ непремѣнно найдти золото, рѣка Керрендъ вымываетъ куски мѣдной руды; въ деревнѣ *Тошъ*, повыше Бостама, находятъ свинецъ, также и въ Шах-ку, гдѣ, кромѣ-того, есть желѣзныя и мѣдныя руды, равно-какъ нефтяный ключъ. Послѣдній теперь забитъ и не появляется на поверхности земли, но сильныя испаренія обличаютъ его существованіе.

Альбурскій Хребетъ, притягивая къ себѣ влажныя испаренія Каспійскаго Моря, возвращаетъ ихъ землѣ въ видѣ нѣсколькихъ рѣкъ, которыя почти всѣ уплачиваютъ долгъ свой, вливаясь въ Каспійское Море.

Рѣка Шах-ку не означена почти ни на одной европейской картѣ. Не знаю, за что̀ такое пренебреженіе?... Она широка и глубока и протекаетъ около ста верстъ, вытекая изъ снѣжныхъ горъ того же имени, фарсангахъ въ шести къ западу отъ Бостама. Оросивъ округи Шах-ку и Соверъ, который она отдѣляетъ отъ Хезорджериба, Шах-ку втекаетъ въ Мазандеранъ, гдѣ, измѣняя свое западное направленіе, поворачиваетъ прямо на сѣверъ и, протекая подъ мостомъ *Пули-Нико* на полпути между *Сари* и *Ашрефомъ*, продолжаетъ путь свой къ Каспійскому Морю.

Эта рѣка, подобно большей части горныхъ рѣкъ въ Персіи, несудоходна, но долина, ею орошаемая, прелестна и хорошо обработана. Мѣ-

сто, гдѣ Шах-ку прорываетъ скалу и стремительно катится въ долину, носитъ поэтическое названіе *Шамшир-буръ*, или сабельный рубецъ. Недолжно смѣшивать его съ другимъ Шамшир-буромъ на астерабадской дорогѣ, между деревнею Чехорде и Соверскою Долиною. Шахку течетъ между снѣжными горами къ югу и вторымъ хребтомъ, отдѣляя его отъ низовья астерабадскаго къ сѣверу.

Въ числѣ многочисленныхъ потоковъ, текущихъ съ сѣверныхъ скатовъ Альбурскихъ Горъ, которые иногда высыхаютъ, а иногда выливаются изъ береговъ, должно назвать Керриндъ, который, вмѣстѣ съ *Джари-Кульбадъ* (кульбадская стѣна) отдѣляетъ Астерабадъ отъ Мазандерана къ западу.

Керриндъ вытекаетъ изъ лѣсистыхъ горъ Ніалы и впадаетъ въ Астерабадскій Заливъ, въ направленіи отъ юга къ западу. Въ руслѣ этой весьма-быстрой рѣки находятъ куски мѣди, смѣшанной съ сѣрою.

Рѣка *Багу*, иначе называемая *Херaби-шехръ* (разрушенный городъ), протекаетъ чрезъ развалины древняго города и впадаетъ въ *Култюкъ*, или астерабадскую губу, близъ деревни Багу.

Рѣка *Шест-Кулахъ* вытекаетъ изъ возвышенныхъ пажитей *Джеган-наме* и образуетъ ущелье *Сундук-Шикенъ*, одну изъ тѣснинъ, ведущихъ въ Астерабадъ изъ Ирака.

Рѣка *Зіяретъ* вытекаетъ изъ плоской возвышенности, на которую астерабадцы удаляются въ лѣтніе жары, и доставляетъ воду въ городъ Астерабадъ.

Дузгели течетъ съ кузлукскихъ высотъ. Обыкновенная караванная дорога изъ Астерабада въ Бостамъ и Шахрудъ идетъ вверхъ по теченію этого горнаго потока до кузлукской площади.

Эти три рѣки вмѣстѣ со многими другими впадаютъ въ Сіобалу, или Карасу (черную рѣку), которая вытекаетъ неподалеку отъ деревни Гуссейн-абадъ, фарсангахъ въ четырехъ восточнѣе Астерабада, и течетъ къ юго-юго-западу, образуя въ теченіи своемъ стоячіе пруды, отчасти происшедшіе отъ плотинъ, подѣланныхъ для поливки рисовыхъ полей, отчасти по причинѣ незначительнаго склона равнины къ морю; она поросла тростникомъ и высокою травою и медленно приближается къ Култику, въ который вливается близъ мѣстечка Мулла-Келе. Эта рѣка мелка при устьѣ, но глубока въ верховьѣ. Единственные броды, которыми туркменцы переправляются черезъ Карасу:

Мулла-Келе подлѣ устья, гдѣ стоитъ небольшой персидскій ведеттъ, или форпостъ, для наблюденія за туркменцами. Жалкое, нездоровое мѣстечко; здѣсь, если не умрешь отъ лихорадки, то будешь заѣденъ комарами или уведенъ въ плѣнъ туркменцами.

Немного повыше другой бродъ *Пули-Мухxамед-Кизиль*; далѣе *Арзинъ*, *Сія-бала*, *Карахія банъ*, *Дараджикъ*, *Коиша* и *Адин-Али*.

Въ полноводье эти броды непроходимы; въ засуху же туркменцы на-

ходятъ и иныя переправы чрезъ Карасу. Эту рѣку иногда называютъ *Гурган-Сія*, для различія ея отъ *Гурган-Сефида* (Черный Гурганъ отъ Бѣлаго).

Я говорилъ объ этой послѣдней рѣкѣ въ географическомъ очеркѣ Туркменской Земли; теперь упомяну о четырехъ рѣкахъ, впадающихъ въ Гурганъ и протекающихъ по собственно Астерабадской Области.

Эти рѣки: *Куррукъ* и *Сурх-магале*, вытекающія изъ Шовера и орошающія округъ *Катулъ; Роміонъ* — изъ горы Кале-Моронъ; *Гермерудъ* изъ Тилевара; обѣ орошаютъ Фендерискій Округъ.

Средняя ширина полосы земли, находящейся между Астерабадскою Губою и подошвою горъ, будетъ отъ $2^1/_2$ до 3-хъ фарсанговъ и частью покрыта лѣсомъ, частью лугами и рисовыми полями; мѣстами лѣса доходятъ до самаго взморья. Они состоятъ изъ огромныхъ деревьевъ, обвитыхъ виноградомъ, хмѣлемъ, плющомъ и другими вьющимися растеніями, которыя свѣшиваются внизъ красивыми гирляндами. *Дирахти абришумъ*, или шелковое дерево, изъ рода мимозъ, съ ярко-зелеными листьями и нѣжно-розовыми цвѣтами, которые висятъ внизъ, какъ мотки шелка, и наполняютъ воздухъ благоуханіемъ; тутовое дерево, или черная и бѣлая шелковица, окружаетъ хутора и деревни. Страхъ туркменцевъ не позволяетъ поселянамъ жить разсѣянно въ лѣсахъ и рощахъ, какъ въ Мазандеранѣ и Гилянѣ. Гранатовыя деревья, шиповникъ, ежевика и другія колючія растенія составляютъ непроходимую чащу, которая не позволяетъ путнику свернуть ни на шагъ съ битой дороги. Къ востоку и сѣверу отъ Астерабада лѣса простираются до береговъ Карасу, за которыми начинается равнина; въ Катулѣ и Фендерисѣ также; тамъ же, гдѣ лѣсъ не доходитъ до береговъ Гургана, на полянахъ между опушкою лѣса и рѣкою, туркменцы сѣютъ хлѣбъ.

Сѣверные берега Астерабадской Области омываются водами Астерабадской Губы, называемой обыкновенно Култюкъ и простирающейся на 8 фарсанговъ отъ запада къ востоку. Величайшую ширину ея отъ юга къ сѣверу можно считать около двухъ фарсанговъ съ восточной стороны; но, приближаясь къ Мазандерану съ запада, она съуживается и здѣсь не будетъ шириною болѣе одного фарсанга. Губа защищена отъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ длинною косою, называемою Міян-Келе, простирающеюся отъ Мазандеранской Области къ сѣверо-востоку. Между этою косою и туркменскимъ берегомъ лежитъ островокъ *Ашураде*, имѣющій не болѣе четверти фарсанга въ окружности; на немъ ростетъ нѣсколько гранатовыхъ кустарниковъ; онъ служитъ пріютомъ змѣямъ и чайкамъ. Порывшись въ землѣ неглубоко, можно добыть прѣсной воды; но она чрезъ нѣсколько часовъ становится соленою. Съ южной стороны острова глубина губы достаточна для хорошой якорной стоянки; островъ защищаетъ корабли отъ напора волнъ, но далѣе на югъ губа мелка, и лодки едва могутъ подходить къ берегу. Почва земли состоитъ изъ крупнаго песку и мелкихъ раковинъ; но путешественникъ, ѣдущій вдоль

берега, долженъ быть остороженъ при переправѣ черезъ маленькія рѣчки, впадающія въ губу: въ нихъ много топей; я самъ два раза съ трудомъ выкарабкался изъ нихъ съ лошадью.

Облака, образуемыя испареніями Каспійскаго Моря, встрѣчая преграду въ высокой цѣпи горъ, отдѣляющихъ край этотъ отъ площади Ирака, частью поглощаются дремучими лѣсами, одѣвающими сѣверный скатъ Альбурсовъ, частью падаютъ въ видѣ тумановъ и дождей въ долины; потому астерабадская атмосфера весьма-сыра. Эта сырость всего чувствительнѣе въ іюлѣ и августѣ. Въ числѣ вещей моихъ всѣ, гдѣ только была частичка желѣза или стали, перержавѣли; я не могъ продолжать своего гербарія, потому-что растенія согнивали прежде, чѣмъ я могъ ихъ высушить. Правда, что нынѣшнее лѣто было дождливѣе обыкновеннаго, за-то и жары были нестерпимѣе, чѣмъ когда-нибудь.

Вообще большая часть жителей астерабадскихъ уходитъ въ горы на три лѣтніе мѣсяца: міазмы, происходящіе отъ испареній стоячей воды Карасу, заражаютъ атмосферу и дѣлаютъ астерабадскій воздухъ весьма-нездоровымъ.

Ночи въ городѣ удушливы; чтобъ сдѣлать ихъ нѣсколько-сноснѣе, жители ставятъ *талары* (воздушныя клѣтки, утвержденныя на высокихъ шестахъ съ крышею изъ рисовой соломы): сюда достигаетъ горный вѣтерокъ, который въ то же время прогоняетъ рои мошекъ. Изъ числа этихъ послѣднихъ одинъ родъ, называемый здѣсь *пешеригъ*—песчаная мошка, едва-замѣтна для глазъ, но жало ея производитъ болѣзненное раздраженіе въ тѣлѣ, продолжающееся нѣсколько дней.

Всего пріятнѣе въ Астерабадѣ весна и осень; впрочемъ, и зима не сурова; хотя снѣгъ иногда и выпадаетъ, но лежитъ недолго. Снѣгъ, покрывающій горы нынѣшній годъ, выпалъ въ октябрѣ. Я приложу впослѣдствіи таблицу, указывающую измѣненіе погоды въ сентябрѣ и октябрѣ.

Астерабадская Область раздѣлена природою, какъ уже сказано, на двѣ части: горную и низовую. Горная содержитъ въ себѣ *Шах-Ку* и *Соверъ*, соединенные въ одинъ округъ, въ низовой находятся: *Анизанъ*, *Седен-Рустагъ*, *Астерабад-Рустагъ*, *Катулъ* и *Фендерисъ*, также горный округъ *Кусоръ* возвышающійся надъ гокланскими равнинами; эти послѣдніе находятся въ завѣдываніи фендерисскаго начальника.

Итакъ, начиная отъ западной границы, Астерабадская Область дѣлится слѣдующимъ образомъ:

1) Булукъ, или округъ *Анизанъ*, начинается у предѣловъ Мазандерана въ Джари-Кульбадѣ и простирается до Херабе-Шехра; онъ имѣетъ $3^1/_2$ фарсанга въ длину, въ ширину же отъ подошвы горъ до береговъ губы 2 фарсанга. Въ немъ считаютъ 30 деревень; главное мѣстечко округа *Но-Кенде* на берегу Астерабадской Губы. Губернаторъ *Хамза-Ханъ* живетъ обыкновенно въ Астерабадѣ, но старшій сынъ его,

Земанъ-Ханъ отъ имени его управляетъ въ Но-Кенде съ титуломъ *серкерди*, или начальника анезанской милиціи; братъ же Хамза-Хана, Шерифъ-Ханъ занимается гражданскими дѣлами.

2) *Седенъ-Рустагъ*, простирается отъ Херабе-Шехра къ востоку вплоть до стѣны Астерабада; къ югу онъ граничитъ горами и рѣкою Гурган-Сія или Карасу къ сѣверу. Въ длину имѣетъ $5^1/_2$ фарсанговъ, въ ширину $2^1/_2$. Въ этомъ округѣ 33 деревни; главная изъ нихъ *Курд-Магале*, резиденція начальника округа.

3) *Астерабад-Рустагъ*, имѣетъ 30 деревень и состоитъ подъ управленіемъ Хаджи-Эскер-Хана. Въ длину отъ города Астерабада до Хуссейнъ-Абада имѣетъ около $3^1/_2$ фарсанговъ; въ ширину отъ горъ до лѣваго берега Карасу 2 фарсанга.

4) Округъ *Катулъ*, заключаетъ въ себѣ прежде-бывшій округъ Фахремодинъ и простирается отъ Хуссейн-Абада съ запада до рѣки Сурх-Магале къ востоку на 5 фарсанговъ; отъ горъ же (въ ущельяхъ которыхъ находится нѣсколько деревень) фарсанга на 3 или 4, не доходя, однако, до лѣваго берега Гургана, вдоль котораго расположены поля ямуд-туркменцевъ.

Прежде эта часть провинціи была богато неселена морон-калехами, которыхъ теперь едва гдѣ встрѣтишь въ окрестностяхъ Хус-сейн-Абада: они изгнаны каджарами и катулами; послѣдніе афганскаго происхожденія. Начальникъ округа Лутфъ-Али-Ханъ родомъ катулъ.

5) *Фендерисъ*, обширнѣйшій изъ астерабадскихъ округовъ, тянется отъ Сурх-Магале до Гермеруда, отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Къ сѣверу граничитъ аулами ямудовъ кучукъ-Татаръ, къ югу горами Кусоръ, прелестными *ейлаками:* Хош-Ейлакъ и Калпушъ, Бостамскою Площадью и Нардиномъ. Начальникъ Миръ-Садуллахъ-Ханъ; онъ же управляетъ и гокланами, живущими къ сѣверо-востоку.

Фендерисъ, подобно Фахремодину, былъ нѣкогда гораздо-населеннѣе, но гражданскіе раздоры и туркменскіе набѣги значительно уменьшили число жителей. Здѣсь отъ 15 до 20 деревень.

Мѣстоположеніе Кусора въ этомъ отношеніи благопріятнѣе. Онъ раздѣляется на а) страну *Ханджеларовъ,* b) *Кусоръ*, гдѣ считаютъ 16 деревень; с) *Ченошкъ* — 22 деревни, и д) *Конче* — 16 деревень.

6) Округъ *Шах-Ку* и *Соверъ*, горная часть, отдѣляющая астерабадскія равнины отъ Персидской Площади къ западу отъ Бостама, простирается отъ Катула и горы Шовера до предѣловъ Мазандерана. Къ югу граничитъ снѣжнымъ Хребтомъ Альбурскимъ и Хезорджерибомъ. Здѣсь только 6 деревень, изъ которыхъ главная *Шах-Ку-бала*, въ Соверѣ же *Ратеканъ*.

Хотя въ государственныхъ спискахъ Шах-Ку составляетъ одинъ округъ, но подчиненъ двумъ окружнымъ начальникамъ: Аббасъ-Хану, губернатору Шах-Ку, или восточной части округа, и Джафаръ-Кули-Хану, ратеканскому, или западной части.

Астерабадская Область вмѣстѣ съ Гурганскою Долиною извѣстна была грекамъ подъ именемъ *Гирканіи* (звукоизмѣненіе слова *Гурганъ*, или *Джурджанъ*, *Веркана* зендовъ), одна изъ ихъ обителей блаженства. Благодаря своему счастливому положенію и богатымъ произведеніямъ земли своей, эта часть Азіи была населена съ самыхъ давнихъ временъ. Сюда относятся многія повѣствованія изъ поэмы Фирдоуси *Шах-Наме*, или «Книга Царей» и разсказы о войнахъ Афрасаба, царя туранскаго съ Рустемомъ, героемъ персидскихъ романовъ. По словамъ греческихъ авторовъ, Гирканія составляла часть Парѳянскаго Царства въ самую цвѣтущую его эпоху; Эбнъ-Гокелъ-Якути и другіе арабскіе писатели свидѣтельствуютъ, что Джурджанъ, въ составъ котораго входитъ Астерабадъ, былъ при арабскомъ владычествѣ богатою и благоденствующею страною.

Въ описаніи Джурджана я упоминалъ объ останкахъ его былаго величія; здѣсь скажу о нѣкоторыхъ слѣдахъ древности, едва-примѣтныхъ въ собственно такъ-называемомъ Астерабадѣ.

Въ округѣ Седен-Рустагъ, между Галуго и Курд-Магале—*Хіябанъ*, или шоссе Шаха-Аббаса, проходитъ чрезъ мѣсто, называемое жителями *Херабе-Шехръ* (разоренный городъ). Оно называется также *Астеранъ* и считается постройкою гебрскихъ временъ. Отъ этого города, основаннаго неизвѣстно кѣмъ и когда, остались единственно груды огромныхъ кирпичей, разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ, небольшія насыпи, поросшія мхомъ и колючкой, между которыхъ кое-гдѣ видѣнъ кирпичъ. Слѣды двухъ стѣнъ съ траншеями идутъ параллельно одна другой отъ горъ, начинающихся за полфарсанга къ югу и простираются до берега также за полфарсанга къ сѣверу отъ развалинъ. Городъ, вѣроятно, построенъ былъ на пространствѣ между двумя стѣнами, которое имѣетъ около версты въ ширину. Какъ далеко онъ простирался къ горамъ или къ берегу—опредѣлить трудно: теперь все заросло густымъ лѣсомъ. Небольшая часовня Имамъ-Заде-Касимъ и мостъ Хаджи-Ибрагимъ были, очевидно, построены изъ матеріаловъ—остатковъ древняго города. Рѣка, текущая съ горъ, омываетъ западную стѣну и впадаетъ въ море близь деревень Багу и Коркенде. Вода въ ней очень чиста и прозрачна.

За полфарсанга къ югу лежитъ деревня Сере-Кулахъ; отъ нея идетъ дорога черезъ горы въ Ратеканъ, отстоящій на $2\frac{1}{2}$ фарсанга отъ Херабе-Шехра къ юго-юго-востоку. Такъ-какъ Шамширбурское Ущелье въ главной цѣпи альбурской (Шах-Ку) находится неподалеку отъ Ратекана, то, вѣроятно, здѣсь нѣкогда существовало прямое сообщеніе Хорасана съ берегами Каспійскаго Моря чрезъ Ратеканъ и Херабе-Шехръ.

Близь нынѣшней деревни Ратеканъ, какъ я уже говорилъ выше, стоитъ одинокая круглая башня съ куфическими надписями, поблизости которой найдены были золотыя монеты; я упоминалъ также о золотыхъ

сосудахъ и прочихъ вещахъ, найденныхъ въ курганѣ Туренг-тепе. Г. Фрезеръ описываетъ подобныя же открытія въ окрестностяхъ Астерабада. Я не сомнѣваюсь, что въ многочисленныхъ курганахъ, разсѣянныхъ по здѣшнимъ равнинамъ, находится множество древностей, которыя щедро вознаградили бы труды изыскателя.

Говоря о гористой части края, мы сказали, что Астерабадская Область имѣетъ много желѣзныхъ, мѣдныхъ, свинцовыхъ и даже серебряныхъ рудъ; но покамѣстъ это мертвый капиталъ, неприносящій никакого дохода правительству.

Въ числѣ произведеній растительнаго царства назовемъ, вопервыхъ, знаменитые въ исторіи неизмѣримые гирканскіе лѣса, покрывающіе всю сѣверную сторону Альбурскихъ Горъ. Здѣсь находимъ мы *дубъ*, растущій въ изобиліи, но нѣсколько-различный отъ европейскаго дуба; листья его остроконечны, а не округлены, какъ въ Европѣ; *атласное дерево*, употребляемое въ столярной работѣ; восточный *чинаръ*, очень-крѣпкое дерево, называемое поэтому желѣзнымъ; оно тяжеле индійскаго *тика*, и еще много другихъ деревьевъ, которымъ нѣтъ и названія на европейскихъ языкахъ и едва-ли есть у Линнея.

Плодовитыя деревья: *гранатовое*; въ дикомъ состояніи приноситъ плоды кислые, привитое же—сладкіе. Почти-невѣроятно, сколько гранатъ потребляется въ здѣшнихъ краяхъ. Сокъ, вываренный изъ сѣменъ ихъ, называется *руби-анаръ* и идетъ на шербеты; высушенныя же сѣмена, которыя содержатъ въ себѣ много кислоты, кладутъ для вкуса во всѣ возможныя кушанья. *Мура-кебадъ*, общее названіе, подъ которымъ разумѣются всѣ сорты лимоновъ, седръ, апельсиновъ и померанцевъ, также въ большомъ употребленіи.

Вода изъ померанцовыхъ цвѣтовъ и сокъ особеннаго рода лимона, называемаго *нариндж*ъ, похожаго на севильскій померанецъ, только сочнѣе, кислѣе и не такъ горькій, развозятся по всей Персіи и даже за границу.

Ароматическія травы покрывающія горы въ Средней Персіи и утучняющія овецъ и козъ, составляютъ единственное богатство кочевыхъ племенъ; богатыхъ пажитей, сочной травы нѣтъ вовсе, за-то нѣтъ и крупнаго рогатаго скота; а гдѣ онъ иногда и водится, то мелокъ и худощавъ. Сѣверный же скатъ альбурскій, начиная отъ *Талыша* на русской границѣ и по всему Гиляну, Мазандерану и Астерабаду, напротивъ, изобилуетъ роскошными лугами; за-то здѣсь удивительная порода коровъ.

Я ужь говорилъ однажды, что астерабадскій рогатый скотъ красивъ, строенъ, съ блестящими глазами, высокимъ лбомъ и маленькими, какъ-будто выточенными рожками. Особенность, отличающая горный скотъ отъ степнаго, состоитъ въ мясистомъ наростѣ, выростающемъ на загривкѣ. Въ Талышѣ, Гилянѣ и Мазандеранѣ извѣстныхъ сырымъ, тяжелымъ своимъ климатомъ, эти наросты очень-велики; въ Астера-

бадѣ менѣе, а въ высокихъ и сухихъ степяхъ туркменскихъ, на востокъ отъ Каспія, едва-примѣтны, также и къ сѣверу отъ Талыша на западныхъ берегахъ Каспія, гдѣ эта порода уже вырождается. У быка этотъ наростъ крѣпче и больше чѣмъ у коровы, и на концѣ его ростетъ клочокъ волосъ, склоняющійся на одну сторону.

Овцы же астерабадскія мелки, худшей породы, съ длиннымъ, жидкимъ хвостомъ, совсѣмъ не такія, какъ въ Иракѣ, гдѣ у барановъ хвостъ или *курдюкъ* такъ жирны, что они едва могутъ двигаться.

Лошади гилекскія не велики, но сильны и пріучены съ вьюками ходить по топямъ и болотамъ прикаспійскимъ и пробираться сквозь непроходимые лѣса и горы.

Въ лѣсахъ и на высотахъ альбурскихъ живутъ тигры, барсы, рыси; также олени, по-здѣшнему *гови-ку*, или горная корова; кабанъ прячется въ высокомъ тростникѣ и папоротникѣ и сильно опустошаетъ рисовыя плантаціи. Шакалы, заклятые враги домашней птицы, нарушаютъ безмолвіе ночи своимъ отвратительнымъ воемъ, обыкновенно цѣлымъ хоромъ.

Фазанъ, или *каркаулъ*, выбираетъ любимымъ себѣ пріютомъ буксовые, гранатовые и миртовые кустарники, ростущіе по южнымъ берегамъ Каспія. Въ каждой деревнѣ и въ каждомъ домѣ разводятъ шелковыхъ червей; обширныя плантаціи бѣлой шелковицы окружаютъ всѣ деревни и хутора астерабадскихъ поселянъ.

Не могу умолчать о странной птицѣ, которая подавала о себѣ вѣсть каждую ночь во все время моего пребыванія въ Астерабадѣ. Едва прекращался дневный шумъ, какъ она прерывала ночную тишину жалобными звуками: *хакъ! хакъ!* Это слово, означающее на арабскомъ языкѣ—*правосудіе*, составляетъ одинъ изъ аттрибутовъ Всемогущаго, потому туземцы признаютъ птицу священною и называютъ ее *хаджи* или пилигримъ. Признаюсь, этотъ однообразный крикъ, произносимый самымъ правовѣрнымъ, горловымъ арабскимъ голосомъ, ужасно надоѣдалъ мнѣ; впрочемъ, великая истина, которую онъ провозвѣщалъ такъ усердно, наводила иногда мысль на серьёзные предметы. Неисчислимы и разнообразны средства, которыми Отецъ Небесный пробуждаетъ врожденное чувство души нашей: порою рокотъ грома, порою смертный одръ друга; теперь же птица въ безмолвіи ночи повторяетъ усыпленной совѣсти, что есть въ небесахъ Богъ Правосудный... Желалъ бы я, чтобъ ночная провозвѣстница расшевелила сердце беглербега астерабадскаго и пробудила въ немъ чувство справедливости; онъ вообще ненавидимъ за ненасытную жадность свою и жестокія притѣсненія.

Что-то подѣлываетъ теперь моя птица *хаджи*?.. Умолкла ли она, достигнувъ цѣли своей и видя, что правосудіе воцарилось въ Персіи?.. или и теперь проповѣдуетъ въ пустынѣ, что *хакъ! хакъ!* на небесахъ, но очень-рѣдко на землѣ!..

Возвратимся къ своему предмету. Астерабадскіе поселяне почти-исключительно засѣваютъ только рисъ. Одни рисовыя поля требуютъ искусственной поливки (*оби*), всѣ же прочія *деимъ*, то-есть довольствуются естественною влагою росою и дождями.

Здѣсь рисъ *сажаютъ*; это называется *ниша*. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Персіи, напримѣръ, въ Фарсѣ его *сѣютъ*; это называютъ *дариджe*. Рисъ сажаютъ въ землю, нарочно для того приготовленную, устланною папоротникомъ, вѣроятно, по причинѣ содержащагося въ немъ алкали, выгоняющаго сѣмя въ ростъ, потому-что изъ папоротниковой золы извлекаютъ поташъ, употребляемый на мыловарняхъ. Когда сѣмена взойдутъ, тогда слегка вспахиваютъ плугомъ поле, назначенное для рисовой плантаціи, и старательно разрыхляютъ и увлажняютъ землю. Чрезъ мѣсяцъ берутъ разсаду и высаживаютъ въ поле. Мужчины, женщины, мальчики, дѣвочки—всѣ заняты этой работой, подобравъ до половины платья, потому-что грязь имъ по колѣно. Главный секретъ для прибыльнаго урожая: никогда не допускать засухи; рисовое поле должно постоянно быть подъ водою. Шесть или семь батмановъ сѣменъ приносятъ пятьсотъ батмановъ жатвы, то-есть самъ-восемьдесятъ.

Въ Астерабадѣ два сорта риса: *герми*, которое созрѣваетъ въ три мѣсяца, и *серди*—въ четыре. Лучшій герми называется *амбербу*, потому-что, свареный, пахнетъ амброю; въ Фарсѣ его называютъ *чемпе*. Зерно длиннѣе обыкновеннаго риса. Казбинскій рисъ, *акуле*, цѣнится дороже; но самымъ лучшимъ считается пешаверскій, въ Афганистанѣ: онъ крупнѣе, бѣлѣе и душистѣе прочихъ. Говорятъ, что эта чрезвычайная бѣлизна сообщается рису, если бросятъ соли въ иготь, гдѣ зерно отдѣляется отъ шелухи. Рисъ въ шелухѣ называется по-персидски *чалтукъ*, на туземномъ діалектѣ — *шали*; очищенный же — *беринджъ*. Просто свареный въ водѣ рисъ называется *чилау*, приготовленный же съ масломъ, изюмомъ и миндалемъ—*пилавъ*.

Пшеница и ячмень лучше ростутъ въ восточномъ краю области, а рисъ въ западномъ; но астерабадская пшеница и ячмень вообще хуже привозимыхъ изъ Демгана, Хорасана и Туркменіи.

Астерабадцы, мазандеранцы и гилянцы рѣдко ѣдятъ хлѣбъ, вмѣсто котораго употребляютъ рисъ; даже лошадей кормятъ рисомъ, вмѣсто ячменя, который обыкновенно даютъ лошадямъ въ Персіи вмѣстѣ съ рубленой соломой.

Астерабадцы мало заботятся о своей пшеницѣ, потому-что испеченный изъ нея хлѣбъ причиняетъ головокруженіе. Это дѣйствіе приписываютъ небольшимъ чернымъ зернамъ, называемымъ *курумъ*, которыхъ они не хотятъ выбирать, прежде чѣмъ молоть пшеницу. Другіе думаютъ, что вредное свойство хлѣба происходитъ отъ сыраго климата, который никогда не допуститъ зерно порядочно высохнуть въ снопахъ; хлѣбъ всегда или сгорится или проростетъ въ скирдахъ, оставленныхъ въ полѣ и подверженныхъ вредному вліянію воздуха.

Какая бы ни была причина, но чужестранецъ, пріѣхавшій въ первый разъ въ Астерабадъ, долженъ очень остерегаться и не ѣсть хлѣба изъ туземной муки, если не хочетъ испытать жестокой головной боли и головокруженія. Я досталъ на пробу астерабадской пшеницы и нашелъ въ ней множество черныхъ зеренъ, которыхъ, впрочемъ, не подвергалъ анализу и не изслѣдовалъ ихъ свойства.

Въ Астерабадѣ разводятъ много кунжута, потому-что онъ очень-выгоденъ и часто приноситъ пятьсотъ или шестьсотъ батмановъ на одинъ батманъ сѣменъ. Кунжутъ, равно какъ и рисъ яровое растеніе (*сейфи*) и созрѣваетъ къ осени. Когда онъ поспѣетъ, его вырываютъ изъ земли и ставятъ сушить въ снопахъ, наблюдая притомъ, чтобъ снопъ стоялъ корнемъ внизъ. Когда же достаточно просохнетъ, то оборачиваютъ корнемъ вверхъ, чтобъ сѣмя высыпалось на подостланныя рогожи. Персіяне любятъ печь хлѣбъ въ видѣ плоской лепешки, посыпанной кунжутнымъ сѣменемъ; но кунжутъ преимущественно употребляется на масло, которое идетъ на мыловарни. Въ Астерабадѣ много заводовъ, на которыхъ выдѣлывается кунжутное масло.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ провинціи разводятъ и хлопчатую бумагу, хотя весьма въ маломъ количествѣ; она предпочитается хорасанской; всего лучше ростетъ близь Имам-Заде-Руснабадъ, въ деревнѣ *Альги*, въ округѣ *Седен-Рустагъ*. Волокна здѣсь крѣпче и чище хорасанской; это приписываютъ тому, что она менѣе поливается во время роста и не пылится въ сыромъ астерабадскомъ климатѣ; въ хорасанской же много сухой шелухи.

Въ Астерабадѣ, равно какъ и въ прочихъ частяхъ Персіи, поселяне раздѣляются на *буми*, или коренныхъ жителей, и *хариби*, или пришельцевъ. Съ немногими исключеніями, никто изъ нихъ не владѣетъ землею; они снимаютъ ее на аренду у шаха (эти называются *халиси* или *шахи*), или у владѣльцевъ (тѣ называются *эрбоби*).

При рисовыхъ плантаціяхъ соблюдаютъ слѣдующія правила:

Съ *кисмета* (мѣра земли, заключающая въ себѣ двадцать квадратныхъ *ней* или тростниковъ) засѣяннаго рисомъ, помѣщикъ получаетъ пять харваровъ (пятьсотъ батмановъ) *шали* (рису въ шелухѣ). Въ хорошій годъ кисметъ рисоваго поля приноситъ двадцать харваровъ, слѣдовательно арендаторъ даетъ помѣщику четверь урожая, три четверти оставляетъ себѣ.

Если же арендаторъ предвидитъ дурную жатву, то можетъ требовать помѣщика идти съ нимъ на половину; ни законъ, ни обычай не позволяютъ послѣднему отказать въ томъ поселянину.

Съ другихъ же сельскихъ произведеній, которыя не требуютъ искусственной поливки, падающей на счетъ владѣльца, какъ рисъ, помѣщикъ получаетъ восьмую; семьвосьмыхъ остаются наемщику, который даетъ сѣмена, земледѣльческія орудія, ярмо воловъ и труды. Къ этому должно прибавить, что, благодаря частымъ набѣгамъ туркменцевъ, по-

селяне идутъ на поле вооруженные, и пока одна половина ихъ работаетъ, другая стоитъ подъ ружьемъ на караулѣ—пріятная перспектива для землedѣлія!...

Въ-отношеніи податей, Астерабадъ составляетъ исключеніе. Будучи крайнею провинціею государства и охраняя его отъ вторженій туркменцевъ, онъ свободенъ отъ всякой дани; но такъ-какъ каджарская фамилія уже за нѣсколько вѣковъ назадъ поселилась въ этой провинціи, то шахъ имѣетъ здѣсь свои родовыя вотчины или удѣлы, также и нѣкоторыя конфискованныя имѣнія. Доходъ его состоитъ изъ девяти тысячъ харваровъ рису и пятисотъ тумановъ деньгами. При Фет-Али-Шахѣ весь этотъ доходъ шелъ на жалованье духовенству и гражданскимъ чиновникамъ, за исключеніемъ *нукеровъ*, или областной милиціи, которымъ жалованье выплачивалось прямо изъ собственной казны шаха. Мухаммедъ-Шахъ еще щедрѣе, потому-что, кромѣ девяти тысячъ пятисотъ тумановъ (полагая харваръ рису по одному туману или червонцу) онъ раздаетъ еще три тысячи тумановъ на пенсіи и *туюлы*, то-есть аренды.

Чтобъ покрыть этотъ излишекъ, превышающій доходъ съ царскихъ вотчинъ, назначено брать три тысячи тумановъ изъ шести тысячъ гокланской дани. Итакъ весь доходъ Астерабада съ гоклан-туркменскою страною не превышаетъ трехъ тысячъ тумановъ. Но такъ-какъ гокланы выплачиваютъ подать очень-неисправно и жалованье нукерамъ выдается также неакуратно изъ персидскаго казначейства, то балансъ подвести нетрудно.

Матеріи, выдѣланныя на астерабадскихъ фабрикахъ и сравнительныя ихъ цѣны:

Шелковыя:	Сагибкоранъ, около рубля мѣди.	Шаги — пятакъ мѣди.
Алидже на мужскіе и женскіе архалуки; персидскій *зеръ* (*) стоитъ........	2	»
Алидже другаго узора, на то же употребленіе; кусокъ, содержащій отъ 6 до 8 зеровъ; зеръ........	1	16
Сузе изъ Анезана; зеръ........	1	15
Тафта бѣлая, выдѣлываемая въ Астерабадѣ балучками и хаджелярками на рубахи, зеръ........	1	»
Тафта анезанская, бѣлая и красная, превосходнаго качества, на женскія рубашки и исподнее платье........	1	18
Кеджине бѣлая, анезанская, на рубашки и головные уборы	»	14
Кеджине цвѣтная........	»	16
Шальвари, на широкіе шальвары для верховой ѣзды, кусокъ въ 5 зеровъ........	8	»

(*) Персидскій зеръ $= 1\frac{1}{2}$ аршину.

	Сагибкоранъ, около рубля мѣди.	Шаги — пятакъ мѣди.
Полушелковыя съ бумагою:		
Алидже анезанская на архалухи, кусокъ въ 7 зеровъ	7	»
Касеби анезанская, кусокъ...........................	8	»
Ала анезанская, полосатая, красная съ бѣлымъ, употребляемая туркменками на рубашки, кусокъ изъ 6 зеровъ	3	»
Ала астерабадская, 1 зеръ...........................	»	16
Шальвари, кусокъ въ 5 зеровъ........................	2	10
Бумажныя матеріи:		
Мисри анезанская на архалухи и рубахи, 1 зеръ....	»	10
Чорва анезанская на рубашки........................	»	10
Табдоръ астерабадскій; прозрачная ткань для головныхъ уборовъ (красная, употребляемая туркменками и на рубашки), кусокъ въ 6 зеровъ........................	2	»
Кербасъ астерабадскій синій; на нижнее платье, 1 зеръ	»	3
Шерстяныя съ шелкомъ:		
Чуха, выдѣлываемая въ Астерабадѣ и окрестностяхъ, разныхъ цвѣтовъ: бѣлая, коричневая и черная, употребляется на верхнее платье или *аба*, кусокъ въ 7 зеровъ	4	10
Чуха низшаго качества, безъ шелка, употребляется поселянами на кафтаны и широкіе шальвары; очень-плотная матерія, защищающая тѣло отъ терновъ и колючихъ кустарниковъ, кусокъ въ 6 зеровъ........................	3	»
Матеріи привозныя на астерабадскіе базары.		
Шелковыя:		
Чоркатъ изъ Езда, въ большой модѣ у туркменокъ; его возятъ даже въ Хиву; кусокъ въ 2 зера...........	10	»
Чоркатъ изъ Кашана........................	9	»
Канаусъ изъ Тебриза, Езда и Кашана, лучшій же изъ Мешеда и Исфагана; въ кускѣ отъ 30 до 35 зеровъ; зеръ	2	»
Бумажныя:		
Алидже изъ Шахруда, бумага съ шелкомъ; зеръ.....	1	»
Алидже низшаго сорта, безъ шелка и полосатая; кусокъ въ 5 зеровъ........................	3	»
Кабудкаръ изъ Шахруда, на архалуки, кусокъ въ 5 зеровъ........................	3	»
Пирхани изъ Шахруда, на мужскія и женскія рубашки у туркменцевъ; кусокъ въ 5 зеровъ..................	3	1

	Сагибкоранъ, около рубля мѣди.	Шаги — пятакъ мѣди.
Кадекъ родъ нанки изъ Исфагана, на *кабы*, или верхнее платье; употребляется персіянами и туркменцами; цвѣта зеленаго, темнаго или свѣтлосиняго; шириною $^3/_4$ зера; качества различнаго, потому и цѣна перемѣняется за зеръ отъ	1 до 2	»
Чити или гассан-абатъ въ Исфагани; ситецъ, кусокъ въ 9 зеровъ	1	5
Чити буруджирскій 5 зеровъ	1	15
Чити ездскій, 9 зеровъ	»	10
Джубе, матерія, выдѣлываемая туркменками изъ верблюжьей шерсти и употребляемая на плащи; очень-узкая; кусокъ въ 16 зеровъ отъ	6 до 20	»
Шали изъ Кермана; имъ обвиваютъ станъ; кусокъ въ 5 зеровъ, отъ	3 » 4	

Европейскія матеріи, привозимыя въ Астерабадъ:

Чити-гули ситецъ, съ разбросанными цвѣтами, кусокъ въ 25 зеровъ отъ	30 » 40	
Бедель-гули, тоже	22	»
Лахурекъ, кусокъ въ 3 зера отъ	6 » 7	»
Чити-урусъ, русскій ситецъ, кусокъ отъ 25 до 30 зер.	22	»
Чити-лямсе, нѣмецкій ситецъ, на архалухи, 1 зеръ.	1	»
Дестмоли (платки) кусокъ	1	»
Зуль-фубади, для головныхъ уборовъ и для закрытія рта у туркменокъ, 1 зеръ	1	6
Ага-бану изъ Константинополя; высоко цѣнится персіянками и туркменками; кусокъ, длиною въ 12 зеровъ.	9	»
Шали-кемрутъ, имъ обвиваютъ вокругъ пояса; 1 зеръ.	1	5

Туркменцы вывозятъ сырыя шкуры и черныя бараньи опушки изъ Бухары (хотя въ маломъ количествѣ; послѣднія привозится болѣе изъ Мешеда), войлоки, ковры, попоны, торбы; нефть съ острова Черекена, каменную соль изъ Балкановъ, туркменскихъ и киргизскихъ лошадей; плѣнниковъ, захваченныхъ у сихъ послѣднихъ и каракалпаковъ; арбузы и дыни; барановъ, сыръ, масло, войлочные шатры и проч.

Изъ Гамадана, выдѣланныя кожи; изъ Хорасана вывозятъ наиболѣе сухіе фрукты, врачебныя и красильныя вещества; ихъ Туршиза *алибухару*, то-есть сливы, виноградъ, смоквы и абрикосы; изъ Турбета и Туршиза—миндаль, изъ окрестностей Серекса — фисташки, изъ Себзевара и Нишапура—хлопчатую бумагу, изъ Біяра, близь Коино — табакъ, изъ Гунабада — шафранъ, изъ Тебеса — *хенне* и *ренгъ* для расписыванія тѣла, изъ разныхъ мѣстъ — *герчекъ* касторовое (palma christi) масло.

Городъ Астерабадъ.

Общій видъ города отовсюду живописенъ, особенно съ возвышенія и издали. Бѣлыя стѣны съ башнями, его окружающія, и покатыя красныя черепичныя кровли домовъ погребены въ богатой зелени деревъ и гранатовыхъ кустарниковъ.

Астерабадъ лежитъ (*) у сѣверной подошвы нижняго хребта альбурской цѣпи, идущаго отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Горы покрыты прекраснымъ строевымъ лѣсомъ; ниже къ подошвѣ ихъ и по долинѣ ростетъ кустарникъ, вплоть до береговъ Карасу. Здѣсь кончается кустарникъ и взоръ теряется въ неизмѣримыхъ степяхъ туркменскихъ.

Такъ является Астерабадъ взорамъ путешественника. Внутренность города не разрушаетъ перваго, благопріятнаго впечатлѣнія. Улицы широки и вымощены плитами; домы выстроены въ европейскомъ вкусѣ и большею-частью въ два яруса; они не съ террасами, какъ водится въ Персіи, а съ высокими кровлями, крытыми красной черепицей. Большія окна, или, лучше сказать, двери, отворяются на улицу съ одной, и на дворъ съ другой стороны, чтобъ дать свободное теченіе воздуху и поддержать свѣжесть въ покояхъ. Все дышетъ свободою и независимостью, которой не встрѣтишь по ту сторону Альбурскихъ Горъ, гдѣ жители укрываются за неприступными стѣнами и запираютъ ворота, какъ-будто живутъ въ осадѣ.

Каменные заборы и изгороды предохраняются отъ разрушенія (которымъ грозятъ частые дожди), чрезвычайно-хорошо придуманнымъ и достойнымъ подражанія средствомъ. На верху стѣны настилаютъ горизонтально-перегнившій тростникъ и на немъ сажаютъ нарцисы, гіацинты и и жонкили. Эти узкія полосы зелени изъ цвѣточныхъ лентъ висятъ въ воздухѣ, какъ сады Семирамиды и чрезвычайно возвышаютъ красоту ландшафта, особенно весною, когда ихъ бѣлые, желтые и красные цвѣты наполняютъ весь городъ своимъ ароматомъ; даже городскія стѣны во многихъ мѣстахъ покрыты этими душистыми цвѣтами.

Почти на каждомъ шагу вы встрѣчаете гранатовыя, фиговыя, лимонныя, апельсинныя деревья, напоминающія своею роскошью очаровательные дворы Альгамбры и Хенералифа въ Гренадѣ и Алькасара въ Севильѣ. Но не все розово въ лучшемъ изъ возможныхъ міровъ; Астерабадъ не служитъ исключеніемъ изъ общаго правила; нѣкоторыя части города разрушаются, домы обваливаются, за недостаткомъ жителей, или средствъ къ поправкѣ.

Въ кварталѣ, называемомъ *Майданъ*, у заставы *Сари*, есть нѣсколько холмовъ разной величины на мѣстѣ бывшаго дворца Мухаммедъ-Гассанъ-Хана, дѣда Фет-Али-Шахова, нѣкогда-стоявшаго здѣсь

(*) Около четырехъ фарсанговъ отъ моря.

и составлявшаго красу и славу города. Когда этотъ каджарскій предводитель ашага-башей былъ убитъ въ Ашрефѣ, въ Мазандеранѣ, противники его, извѣстные подъ именемъ юхари-башей разорили въ Астерабадѣ дворецъ его со всѣми прилежащими къ нему службами и постройками. Едва кой-какіе остатки разсказываютъ нынче повѣсть минувшаго. Благодаря милостивой природѣ, богатая растительность скрываетъ здѣсь скоро отъ взора всѣ слѣды строптивости и ярости людской.

Городъ Астерабадъ имѣетъ четверо воротъ, а именно: Сари, Мешедъ, Бостамъ и Чехиль-Духтеръ. Онъ раздѣленъ на три части, или махала: *Майданъ*, наиболѣе населенный; *Нальбендань*, гдѣ находится старый дворецъ Аги-Мухаммедъ-Хана и новый губернаторскій, и *Себзи-Мешедъ*.

Астерабадъ считается *Даруль муменимъ*, то-есть, городомъ правовѣрныхъ, и потому въ немъ много мечетей; изъ которыхъ главныя: *Месчеди-Джуме*, построенная сельджукскимъ государемъ Арпарсланомъ, и *Месчеди-Гюльшанъ*, недавно-сооруженная первымъ мюджтеидомъ мулла Магомедъ-Али. При большей части мечетей есть медрессе, или училище для воспитанія юношества. При этихъ зданіяхъ обыкновенно есть большой дворъ, черезъ который протекаетъ вода, или собирается посреди его въ бассейнъ, или водоемъ, обсаженный высокими чинарами, или лимонными и апельсинными деревьями для тѣни и свѣжести.

Въ Астерабадѣ три каравансерая и столько же базаровъ, а именно: *базари-кохне*, или старый базаръ, *базари Майданъ* и *базари Себзи-мешедъ*. Эти базары, какъ мы видѣли, неочень завалены европейскими товарами, тамъ-и-сямъ увидите вы лавку съ ситцами, канаусомъ, шелковыми матеріями изъ Тавриза и Кашана, или набивными бумажными ткаями исфаганскими и буруджирскими. Но если здѣсь немного иноземныхъ товаровъ, за-то торговля изобилуетъ произведеніями туземнаго земледѣлія и промышлености, также и пограничныхъ съ провинціею городовъ. Шахрудъ и Хорасанъ присылаютъ сюда *алидже* (шелковую матерію); туркменцы привозятъ шерстяные ковры, войлоки, попоны, ячмень, пшеницу, нефть и соль.

Каравансераи завалены мѣшками мыла, приготовленнаго изъ кунжутнаго масла. Въ Астерабадѣ пятнадцать кунжутныхъ маслобоень и пять *савунъ-хане* (мыловарень) (*). Мыло выдѣлывается двухъ сортовъ: *хош-бу*, душистое, и *расме*, простое мыло. Сода или алкали (поздѣшнему *эшхоръ*), входящее въ составъ мыла, добывается изъ золы папоротника, ростущаго въ туркменскихъ равнинахъ. Туркменцы привозятъ эту золу на мыловарни. Папоротникъ называется здѣсь *караганъ*.

Въ городѣ двадцать *духани ренгризъ*, или красилень, и двѣнадцать публичныхъ бань, изъ которыхъ лучшая построена еще въ царствованіе Шаха-Аббаса.

(*) Созвучіе съ французскимъ словомъ *savon* — мыло.

Водою снабжаетъ городъ ручеекъ, текущій съ Зіяретскихъ Горъ и протекающій подъ Бостамскими Воротами; потомъ воды его распредѣляются по махаламъ: Нальбенданскому, Майданскому и Себзи-Мешедскому. Есть также канаутъ, или подземный каналъ, источникъ котораго находится въ горахъ; воды его въ первый разъ появляются на свѣтъ близь чехиль-духтерской заставы. Въ городѣ есть нѣсколько цитернъ, въ которыхъ сохраняютъ воду, но въ маломъ количествѣ и не заботясь о ея качествѣ.

Народонаселеніе Астерабада, по мнѣнію моему, не превышаетъ пяти тысячъ душъ; зимою, вѣроятно, наберется и больше. Сюда должно прибавить колонію белучей и хаджеларовъ, турецкаго происхожденія: имъ поручено охраненіе городскихъ воротъ, а жены ихъ приготовляютъ матеріи изъ шелка-сырца. Хижины ихъ построены изъ дерева, тростника и глины, но выбѣлены и опрятны. На дворѣ у нихъ стоятъ *талары*, или воздушныя жилья, съ коническими кровлями соломенными или драничными: въ жаркое время они туда взбираются на ночь.

Хаджеларская колонія находится близь Кале-Кохне, или старой цитадели, нынче обращенной въ безобразную груду камней, окруженныхъ окопомъ. За ними, ближе къ бостамской заставѣ, поселены белучи.

Наружныя стѣны города находятся въ весьма-плохомъ состояніи. Сквозь обвалившіеся проломы протоптанныя тропинки ведутъ чрезъ сухой ровъ въ открытое поле. Во время моего пребыванія въ Астерабадѣ, однажды ночью нѣсколько туркменцевъ пробрались въ городъ и освободили троихъ земляковъ своихъ, взятыхъ въ плѣнъ; караульные, стерегшіе плѣнниковъ, убѣжали и спрятались въ большой мечети, а туркменцы, между-тѣмъ, преспокойно разбили оковы плѣнниковъ и увели ихъ въ родную степь.

Въ Астерабадѣ есть оружейный заводъ; онъ не соперникъ тульскому. Это частная спекуляція партикулярнаго человѣка; онъ цѣлую недѣлю дѣлаетъ простое ружье; а если покупатель выдумаетъ еще прихотничать и пожелаетъ, чтобъ оно было съ насѣчкою, то подождетъ дней двѣнадцать, а, можетъ-быть, и двѣ недѣли, пока фантазія его будетъ исполнена.

Версты двѣ отъ городской заставы къ юго-востоку есть высокій курганъ, окруженный глубокимъ рвомъ, извѣстный подъ именемъ *Тепе-Саур-гуле*. Полагаютъ, что прежде онъ былъ внутри Астерабада.

XII.

Астерабадское дворянство и духовенство.

Астерабадское дворянство.

Порицатели настоящаго порядка вещей очень любятъ поминать «святую старину», когда астерабадскіе дворяне открыто противились власти шаха.

Столкнувшись съ туркменцами, они, въ случаѣ нужды, удалялись въ неприступныя свои крѣпости и были весьма-непослушными и подъ-часъ весьма неудобными подданными персидскихъ государей. Ага-Мухаммедъ-Ханъ и, послѣ него, племянникъ его Фет-Али-Шахъ успѣли укротить буйный духъ этихъ дворянъ. Нынѣшніе ханы и беги пользуются едва тѣнью той значительности, которую прежде такъ злоупотребляли.

Въ числѣ наслѣдственныхъ хановъ, имѣющихъ голосъ въ важныхъ дѣлахъ области, главные: Хамза-Ханъ, въ западной, и Мир-Садуллахъ-Ханъ въ восточной части провинціи. Первый управляетъ Анезанскимъ Округомъ, граничащимъ съ Мазандераномъ и простирающимся вдоль береговъ Каспія. Хамза-Ханъ человѣкъ благоразумный и рѣшительный; подчиненные любятъ и уважаютъ его. Говорятъ, онъ щедръ— качество, всегда доставляющее народную любовь въ Персіи. Но онъ обязанъ вліяніемъ своимъ въ народѣ и уваженіемъ, которымъ пользуется у губернатора, наиболѣе семейнымъ связямъ своимъ съ большею частью астерабадскихъ окружныхъ начальниковъ, и родству съ Мухамедъ-Тагиръ-Ханомъ, могущественнымъ предводителемъ хезорджерибскимъ, которому покойный шахъ велѣлъ выколоть глаза, не довѣряя его преданности.

Вся восточная часть Астерабадской Области за Катуломъ признаетъ власть Мир-Садулахъ-Хана. Фендерисъ, Роміонъ, Кончи, Кусоръ и земли гоклановъ находятся подъ его управленіемъ. Мир-Садуллахъ-Ханъ происходитъ отъ весьма древней фамиліи; одинъ изъ предковъ его въ XVI вѣкѣ, въ царствованіе Аббаса-Великаго, пріобрѣлъ значительную извѣстность своимъ превосходнымъ почеркомъ—талантъ, донынѣ высоко-уважаемый въ Персіи. Онъ славился тѣмъ, что зналъ секретъ философскаго камня. Кажется, онъ пользовался царскою милостью, потому-что Шахъ-Аббасъ выдалъ за него дочь свою. Въ Исфагани, въ предмѣстьи Фулад-Магале, иностранцамъ показываютъ, какъ рѣдкость, мраморную гробницу *Мири-Дамодà* (такъ его звали) и маленькую комнату съ обращиками его письма, украшающаго стѣны. Всякій персіянинъ, имѣющій претензію на красивый почеркъ, толкуетъ о Мири-Дамодѣ.

Между Мир-Садуллахъ-Ханомъ и Хамза-Ханомъ существуетъ непріязнь, которую беглербегъ всѣми силами поддерживаетъ изъ своихъ личныхъ видовъ. Гокланскія земли — яблоко раздора между этими двумя предводителями.

Мѣстная власть, то есть губернаторъ, втайнѣ подстрекаетъ Хамзу-Хана, чтобъ онъ предложилъ за право управленія туркменцами цѣну выше той, которую нынѣ платитъ Мир-Садуллахъ-Ханъ. Такъ-какъ въ Персіи все управленіе народомъ, провинціями и городами на откупу, то подобное соревнованіе между двумя начальниками округовъ хотя и послужитъ къ разоренію жителей, но выгодно и губернатору и правительству, обогащая губернатора, который опять, въ свою очередь, въ со-

размѣрности съ получаемымъ доходомъ, платитъ весьма-дорого шаху и министрамъ за право грабить бѣдныхъ жителей.

Центральное правительство, будучи недовольно-сильно, чтобъ обезпечить спокойствіе въ провинціяхъ, не только поощряетъ междоусобные раздоры главныхъ хановъ, но и возбуждаетъ между ними зависть, чтобъ подкопать ихъ могущество, которое иначе могло бы сдѣлаться опаснымъ для государства. Персидское правительство совершенно слѣдуетъ правилу: *divide et impera*. Но эти постоянныя вражды препятствуютъ странѣ наслаждаться плодами мира, принуждая поселянъ вступаться въ дѣло и драться за своихъ владѣльцевъ; полевыя работы пренебрегаются и нищета водворяется всюду.

Правительство прибѣгаетъ и къ другимъ мѣрамъ, чтобъ держать въ повиновеніи начальниковъ племенъ и сильныхъ хановъ: оно беретъ заложниковъ. Меньшой братъ, или старшій сынъ, или одна изъ главныхъ женъ содержится въ резиденціи шаха и отвѣчаетъ за повиновеніе цѣлаго племени. Но такъ-какъ міръ управляется системою возмездія, эти заложники приносятъ великую пользу разноплеменнымъ начальникамъ, живущимъ вдали отъ столицы. Они передаютъ имъ свѣдѣнія обо всемъ, что̀ происходитъ при дворѣ и при повсемѣстной здѣшней продажности — интригамъ открытое поле! Даже полудикіе туркменцы въ степяхъ своихъ получаютъ постоянно отъ своихъ заложниковъ въ Теґеранѣ извѣстія о всѣхъ предположеніяхъ персидскаго правительства и принимаютъ мѣры противъ нечаяннаго нападенія.

Опытъ доказалъ также, что эти предосторожности, иногда полезныя, не мѣшали, однако, буйнымъ предводителямъ свергать иго, когда представлялся удобный случай. Теперь эти примѣры рѣже, потому-что каджарская политика постоянно старалась уничтожать знаменитыя фамиліи или сравнить ихъ съ прочими. При Фет-Али-Шахѣ, по этому предмету соблюдалось еще наружное приличіе; но теперь (писано въ царствованіе Мухаммедъ-Шаха), вслѣдствіе недальновидности государственной политики, никто не заботится о томъ, чтобъ пощадить, хотя бы лишь въ наружныхъ формахъ, самолюбіе персидскаго дворянства, а между-тѣмъ народъ глубоко уважаетъ древнія фамиліи, родоначальники которыхъ предводительствовали предками ихъ и которыя, для пріобрѣтенія преобладающаго вліянія надъ толпою, должны были неминуемо владѣть возвышенными качествами души и доблестями воинской или гражданской службы. Въ Персіи, какъ вездѣ на Востокѣ, существуетъ непоколебимое убѣжденіе, что лишь изъ благородной крови рождается благородная кровь, точно также, какъ лишь породистая лошадь даетъ благородныхъ коней.

Пренебреженіе дворянства, естественной опоры правительства, есть ошибка, которая въ числѣ многихъ другихъ, можетъ современемъ весьма много повредить царствующей въ Персіи династіи, вообще нелюбимой народомъ.

Между-прочимъ, упомяну здѣсь объ одномъ замѣчательномъ человѣ-

кѣ, съ которымъ познакомился я въ Астерабадѣ. Онъ правнукъ Шаха Надира, афшарскаго государя, поправшаго величіе Великаго Могола; имя его *Субхан-Верди-Мирза-Навобъ*. Родословная слѣдующая: Субхан-Верди-Мирза-Навобъ сынъ Надиръ-Султана, сына Шаха-Рока, сына Риза-Кули-Мирзы, сына великаго Шаха-Надира.

По взятіи Кучана (въ Хорасанѣ) покойнымъ Наибъ-Султаномъ, отцомъ нынѣ-царствующаго Мухаммедъ-Шаха, Субхан-Верди-Мирза-Навобъ прибылъ въ Астерабадъ; съ-тѣхъ-поръ онъ получаетъ отъ персидскаго правительства сто тумановъ пожизненной пенсіи. У него есть въ Гератѣ братъ, состоящій на жалованьѣ Остиндской Компаніи.

Субханъ-Верди-Мирза-Навобъ разсказывалъ мнѣ, между-прочимъ, какимъ-образомъ прапрадѣдъ его Надиръ-Шахъ поручилъ потомство свое Ахмедъ-Хану-Дурани, бывшему впослѣдствіи шахомъ афганскимъ. Однажды на *селямъ*, или публичной аудіенціи, Шахъ-Надиръ подозвалъ къ себѣ Ахмедъ-Хана и сказалъ: «Я знаю, что ты замышляешь овладѣть престоломъ послѣ моей смерти, и предвижу, что ты застегнешь царственныя запястья на рукахъ твоихъ (*); но, чтобъ ты меня помнилъ и по смерти моей не забылъ моего семейства, я тебя отмѣчу» и Надиръ велѣлъ обрѣзать ему уши.

Навобъ увѣрялъ меня, что афганскіе Дурани свято хранили *послѣднюю волю* и завѣщаніе Шаха-Надира и никогда не обижали его потомковъ. Конечно, такое поведеніе семейства ахмедова заслуживаетъ похвалы; но должно согласиться, что способъ завѣщать потомство свое признательности своего преемника довольно-оригиналенъ.

Стараясь обезпечить судьбу внуковъ и правнуковъ своихъ милостями афганскихъ хановъ, Надиръ-Шахъ неменѣе-оригинально поступалъ съ дочерьми своими. Какъ-скоро у него рождалась дочь, онъ приказывалъ умертвить ее, изъ опасенія, чтобъ она впослѣдствіи не вышла въ замужство за погонщика муловъ. (Прежде возвышенія своего Надиръ-Шахъ самъ былъ погонщикомъ муловъ въ Хорасанѣ.) Онъ часто говаривалъ: «По смерти моей династія моя прекратится. Если оставлю дочерей, то, по здѣшнему обычаю, ихъ всѣхъ раздадутъ моимъ же *катерчи*, то есть погонщикамъ муловъ». Во времена безначалія и гражданскихъ войнъ ненависть различныхъ племенъ достигла такой степени, что самое обыкновенное мщеніе побѣдоноснаго рода павшему состояло въ томъ, что женщинъ побѣжденнаго племени раздавали самымъ

(*) *Застегнуть на рукахъ царственныя запястья* на персидскомъ языкѣ то же, что по-нашему *надѣть корону*. Вышепомянутыя *запястья* (браслеты)—извѣстные алмазы; ***Куги-нуръ*** (гора свѣта) и ***Даріа-и-нуръ*** (море свѣта). Послѣдній донынѣ составляетъ царственную эмблему персидскихъ шаховъ; первый же увезенъ вышепомянутымъ Ахмедомъ, ханомъ афганскимъ. Впослѣдствіи онъ достался Ренджит-Сингу лахорскому нынѣ принадлежитъ Великобританіи.

низкимъ и презрѣннымъ классамъ общества: это считалось величайшею обидою, какую только можно нанести павшему врагу.

Астерабадское духовенство.

Со времени воцаренія Мухаммедъ-Шаха, мусульманское духовенство значительно утратило народную вѣру въ святость свою, а съ тѣмъ вмѣстѣ и свое вліяніе на толпу.

Шахъ самъ *Суфи*, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и своею вѣротерпимостью и безпристрастіемъ въ религіозныхъ дѣлахъ значительно уменьшилъ ханжество, прежде царствовавшее въ Персіи. При дворѣ множество приверженцевъ этой секты и она ежедневно увеличивается и усиливается. Не должно думать, однако, что *суфеизмъ*—отреченіе отъ Корана, или совершенное невѣріе, напротивъ, между суфіями часто попадаются весьма-строгіе мусульмане, и самъ шахъ свято соблюдаетъ заповѣди арабскаго пророка. Оставивъ въ сторонѣ мистическую часть ихъ ученія, мало-извѣстную непосвященнымъ, здѣсь довольно замѣтить, что суфи допускаютъ свободу совѣсти и не всегда строго придерживаются буквѣ закона. Прибавимъ, однако, что не всѣ на этомъ останавливаются: человѣческій разумъ, предоставленный свободной волѣ въ дѣлахъ вѣры, легко блуждаетъ. Начавъ съ исправленія нѣкоторыхъ ошибокъ въ ученіи мухаммедовомъ, многіе суфи кончили тѣмъ, что, подобно *иллюминатамъ*, впали въ совершенное безвѣріе. Бо́льшая часть этихъ esprits forts находится въ Адербейджанѣ и Фарсѣ, странахъ, далеко-отстоящихъ другъ отъ друга и населенныхъ народами различнаго происхожденія и званія; Адербейджанъ болѣе-воинственъ и населенъ турками; Фарсъ же, лежащій на другомъ концѣ государства, считается ядромъ персидскаго племени и разсадникомъ поэтовъ. Астерабадъ, лежащій на крайней сѣверо-восточной границѣ государства, отдѣленный хребтами горъ отъ остальной Персіи и, слѣдовательно, отъ свободнаго обращенія идей, не принялъ еще новаго ученія Суфи; но странно, однако, что онъ равно избѣгнулъ и нетерпимости, которой можно бы ожидать отъ города, издревле-носящаго титулъ правовѣрнаго, *Дар-уль-муменимъ*, и гдѣ проживаетъ многочисленное духовенство. Можетъ-быть, безпокойное сосѣдство туркменцевъ, принуждающее всякаго быть на безпрестанной стражѣ, не оставляетъ много досуга для богословскихъ преній; можетъ-быть также, торговыя сношенія съ туркменцами-суннитами смягчили суровость религіозной вражды; какъ бы то ни было, но я замѣтилъ большую кротость и мягкость въ астерабадскомъ духовенствѣ.

Въ разъѣздахъ моихъ по Персіи, я вездѣ старался знакомиться съ духовными лицами: вопервыхъ, они свѣдущѣе другихъ, вовторыхъ, гораздо-свободнѣе въ мнѣніяхъ, чѣмъ прочіе ихъ соотечественники.

Мюджтехидъ *Молла-Мухаммед-Али*, шейх-уль-исламъ *Ага-Рахимъ*, хаджи *Сейд-Муфидъ*—всѣ весьма-скоро отдавали мнѣ визитъ.

Менѣе-важные моллы, какъ, напримѣръ, *Молла-Фетх-Али*, имамъ-Джума, или молящійся по пятницамъ въ мечети во имя шаха, *Молла-Сале* и прочіе пріѣзжали ко мнѣ сами, прежде чѣмъ я успѣвалъ засвидѣтельствовать имъ мое почтеніе.

Молла Мухаммедъ-Али, главный мюджтехидъ, живетъ въ тѣснѣйшемъ согласіи съ беглербегомъ; уроженецъ города Ашрефа, въ Мазандеранѣ, онъ не укоренился въ Астерабадѣ, и потому опирается на власть беглербега; такимъ-образомъ они взаимно поддерживаютъ другъ друга.

Между этимъ моллою и имамомъ-Джума существуетъ нѣкоторое соперничество; поэтому можно сравнить ихъ и показать какою степенью вліянія пользуется каждый изъ нихъ и къ какому классу принадлежатъ ихъ партіи.

Власть перваго, какъ выше упомянуто, происходитъ главнымъ образомъ отъ согласія его съ губернаторомъ провинціи; вліяніе же послѣдняго основано на его личной учености и святости—мнимой или истинной.

Такъ-какъ число астерабадскихъ моллъ весьма-несоразмѣрно съ числомъ народонаселенія, то самые набожные мусульмане въ городѣ обратились къ главному мюджтехиду въ Исфагани (объяснителю закона) хаджи Сеид мухаммедъ-Багиру, весьма-уважаемому почти всею Персіею (за исключеніемъ, впрочемъ, Суфи), прося сказать имъ, къ кому изъ моллъ они должны преимущественно обращаться въ дѣлахъ вѣры и совѣсти. Сеид-Мухаммедъ-Багиръ указалъ на моллу Фетх-Али, какъ на самаго ученаго и самаго богоугоднаго человѣка.

Итакъ люди, болѣе-преданные земнымъ благамъ, чѣмъ небеснымъ, совершаютъ *намазъ* свой, или молитвы, въ урочные часы за *месчедомъ*, или ковромъ, на которомъ молится молла Мухаммедъ-Али въ своей мечети; стремящіеся же къ небесному наслѣдію исполняютъ обрядъ этотъ въ мечети Джумѣ, при которой молла Фетх-Али состоитъ *пишъ намазомъ*, или молитвенникомъ.

Иные желаютъ согласить обязанности вѣры съ земными выгодами, и потому сначала отправляются на молитву въ большую мечеть моллы Мухаммедъ-Али, чтобъ мужъ, всемогущій у беглербега, счелъ ихъ въ числѣ своихъ почитателей; потомъ, для успокоенія совѣсти, совершаютъ вторично намазъ свой подъ покровительствомъ моллы Фетх-Али.

Шеихъ-уль-исламъ *Ага-Рахимъ* обязанъ своимъ могуществомъ не учености своей, не святости и не дружбѣ съ начальствомъ; его вліяніе основано на родственныхъ связяхъ съ главнѣйшими фамиліями въ области и на большихъ помѣстьяхъ его. Но, что̀ всего лучше — Ага-Рахимъ человѣкъ практическій и здравомыслящій.

Старый *Сеид-Муфидъ* не пользуется большимъ вліяніемъ въ Астерабадѣ; онъ дряхлъ, разбитъ и уважаемъ только за происхожденіе свое отъ пророка и за то, что дѣдъ его, знаменитый Сеид-Муфидъ, возложилъ корону на главу Надиръ-Шаха въ равнинахъ муганскихъ. Нынѣш-

няя каджарская династія также обязана ему нѣкоторою благодарностью, потому-что въ его домѣ родился и выросъ Ага-Мухаммедъ-Ханъ, возведшій каджаровъ на нынѣшнюю степень величія. Однако, хотя Мухаммедъ-Шахъ хорошо расположенъ къ Сеид-Муфиду и даже переписывается съ нимъ, бѣднякъ жалуется, что семейству его приходитъ плохо отъ беглербега, который отнялъ у него разныя помѣстья.

Вліяніе духовенства болѣе ощутительно въ городѣ Астерабадѣ, въ области же едва-примѣтно, можетъ-быть, вслѣдствіе рѣдкихъ сношеній съ городомъ, затрудняемыхъ частыми набѣгами туркменцевъ. Столкновенія поселянъ съ этими суннитами принуждаютъ первыхъ скрывать свои религіозныя вражды (что̀ дѣлаютъ сами моллы ихъ), и все это поселяетъ въ нихъ равнодушіе.

Въ числѣ астерабадскихъ моллъ былъ одинъ, по имени Ага-Сеид-Фесл-Уллахъ, которому очень хотѣлось обратить меня въ исламизмъ. Однажды отправился я къ нему съ визитомъ; мнѣ сказали, что онъ собрался въ путь въ Мешхедъ (святый городъ персидскій въ Хорасанѣ) и теперь остановился въ своемъ *накли-меканѣ*. Минута отъѣзда персіянина въ путь зависитъ обыкновенно отъ сочетанія нѣкоторыхъ счастливыхъ звѣздъ, и потому они укладываются, выѣзжаютъ изъ дома и останавливаются въ предмѣстьи города или гдѣ-нибудь въ саду, выжидая благопріятной минуты. Эти-то стоянки называются *накли-меканъ*. Здѣсь я засталъ Агу-Сеид-Фесл-Уллаха, очень-пріятнаго человѣка съ привлекательною физіономіею, къ которой чрезвычайно шла зеленая чалма, вокругъ которой обвивалась бѣлая шаль, прекрасно-оттѣнявшая смуглое лицо. Разговоръ скоро обратился на религію, и чалмоносный потомокъ пророка изъ всѣхъ силъ старался доказать мнѣ превосходство своей вѣры предъ всѣми другими. Между-прочимъ, онъ съ горячностью разсказывалъ о недавнемъ чудѣ, совершенномъ въ Астерабадѣ для подкрѣпленія вѣры въ имамовъ. «Мальчикъ лѣтъ шести или семи (говорилъ онъ) былъ отъ рожденія слѣпъ, нѣмъ и лишенъ употребленія всѣхъ членовъ. Родители несчастнаго ребенка оставили его однажды ночью въ *такіэ*, или мѣсто, въ которомъ во время Мохаррема персіяне представляютъ мученичество имамовъ Гуесейна и Гаесана, сыновей Али, и, къ несказанной радости ихъ, на слѣдующее утро мальчикъ видѣлъ, прыгалъ и говорилъ. На вопросъ: кто исцѣлилъ его? ребенокъ отвѣчалъ: «Ага, сшедшій съ неба въ зеленой чалмѣ», слѣдовательно, нѣтъ сомнѣнія, что это былъ самъ имамъ». Ага-Сеид-Фесл-Уллахъ клялся самимъ *такіэ*, что это правда, и спросилъ, что̀ я думаю о такомъ чудѣ? «Богъ великъ» отвѣчалъ я, «и часто являетъ чудеса любви своей къ созданіямъ своимъ!»—«Это правда» возразилъ молла и прибавилъ, что ожидалъ не такого отвѣта. Этимъ примѣромъ чудеснаго исцѣленія онъ хотѣлъ убѣдить меня въ святости имамовъ, заступленіемъ которыхъ совершилось чудо, и въ необходимости покланяться имъ.

XIII.

Разноплеменное народонаселение Астерабада.

Астерабадъ считается колыбелью каджаровъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Аббасъ-Великій переселилъ большую часть ихъ съ турецкихъ предѣловъ въ Западной Азіи на туркменскую границу, на ю.-в. берега Каспійскаго Моря. Но каджары ведутъ родословную свою до временъ гораздо-отдаленнѣйшихъ; по словамъ ихъ, *Каджаръ-Ханъ*, одинъ изъ старшинъ, отъ которыхъ они ведутъ родъ свой, сопутствовалъ *Огузъ-Хану* изъ Туркестана и поселился въ округахъ Діарбекрскомъ и Эрлатскомъ; отсюда чрезъ нѣсколько лѣтъ подвинулся онъ къ Адербейджану и берегамъ Аракса, и уже, по причинѣ могущества ихъ, Шах-Аббасъ, для собственной своей безопасности, счелъ за нужное переселить значительное число каджаровъ въ Шахи-Джеханъ (или Мервъ) противъ узбековъ, и другую часть въ Генджу и Эривань, а третью, какъ мы сейчасъ говорили, противъ туркменцевъ.

Эта послѣдняя отрасль каджаровъ, какъ видно, достигла нѣкотораго могущества, потому-что одинъ изъ ихъ предводителей Фетх-Али-Ханъ предлагалъ свои услуги шаху Султанъ-Гуссейну, стѣсненному въ то время афганцами. Холодный пріемъ, который сдѣланъ былъ Фетх-Али-Хану въ Исфагани, не помѣшалъ, однако, гордому Каджару впослѣдствіи вновь предложить услуги свои несчастному сыну шаха Султанъ-Гуссейна, Тамаспъ-Шаху, когда къ послѣднему явился Афшаръ изъ Абиверда, Кули-Ханъ (впослѣдствіи Шах-Надиръ). Оба стремились пріобрѣсть вліяніе у слабаго Тамаспа, и, вслѣдствіе наущеній Кули-Хана, которому каджаръ былъ помѣхою, Навобъ Фетх-Али-Ханъ, по словамъ персидской хроники, «поглотилъ питье мученичества» (попросту сказать: былъ отравленъ) въ 1726, а сынъ его Мухаммедъ-Гассанъ-Ханъ убѣжалъ къ туркменцамъ. Надиръ, вступивъ на престолъ, непремѣнно требовалъ его выдачи, но никакія угрозы не могли побудить туркменцевъ выдать несчастнаго мстительному шаху; не будучи, однако, въ силахъ укрывать его въ шатрахъ своихъ, они передали его на охраненіе прихивинскимъ казахамъ (*). По смерти Надир-Шаха, Мухаммедъ-Гассан-Ханъ возвратился. Покоривъ Мазандеранъ и Таверистанъ, и повоевавъ съ Азадъ-Ханомъ, афганскимъ предводителемъ, онъ обратилъ оружіе свое противъ Керимъ-Хан-Зеида, котораго осадилъ въ столицѣ его, Ширазѣ. Принужденный отступить, онъ, подобно отцу своему «испилъ шербетъ мученическій» въ Ашрефѣ, въ Мазандеранѣ. Этотъ случай передалъ Иранъ въ руки Керимъ-Хан-Зенда, за-

---

(*) Киргиз-Кайсакамъ.

хватившаго Мазандеранъ, Таверистанъ и разорившаго Астерабадъ. Ага-Мухаммедъ-Ханъ и Гуссейнъ-Кули-Ханъ , сыновья покойнаго каджарскаго предводителя, взяты были заложниками въ Ширазъ. Послѣдній, спустя нѣсколько времени, возвратился въ Астерабадъ, гдѣ «когда про-«шли нѣсколько лѣтъ въ измѣненіяхъ солнца и луны (говоритъ мой персидскій лѣтописецъ), служители судьбы и разрушители лучшихъ на-«деждъ старца и юноши , повелѣли жизни Навоба Гуссейн-Кули-Хана «пресѣчься посредствомъ заговора , составленнаго нѣсколькими ямуд-«туркменцами».

Исторія другаго брата, Аги-Мухаммедъ-Хана , основателя нынѣ-царствующей династіи, равно какъ и Фетх-Али-Шаха, сына Гуссейн-Кули-Ханова , эта исторія , говорю я , слишкомъ-извѣстна и не требуетъ повторенія ; но я предложу здѣсь повѣствованіе туземнаго историка о рожденіи Фетх-Али-Шаха , какъ образчикъ восточнаго краснорѣчія.

«Когда Всемогущій, Преславный и Возвеличенный, перомъ всемогу-«щества повелѣлъ воцариться спокойствію въ странахъ, обитаемыхъ ра-«бами его въ сей юдоли, на мѣсто разврата, огорчающаго Покровителя «міра , тогда знамя правосудія и истины, принадлежащее Верховному «Властителю, развернуто было во владѣніяхъ Рока руками небесныхъ «служителей земли и неба. Тогда его ныньче-царствующее величество, «вторый Джемшидъ, одаренный царскимъ блескомъ, призванъ былъ къ «жизни содѣйствіемъ Божеской силы , освѣтилъ и украсилъ міръ сей «лучезарнымъ своимъ появленіемъ, въ среду, въ ночь на 18-е число «Шевваля, въ годъ Гиджры 1185 (по Р. Х. 1771 г.). Кормилица му-«дрости воскормила его грудью благополучія , и хранитель судебъ за-«вязалъ на благословенной десницѣ его амулетъ царственный. Чародѣи, «принадлежащіе къ міру ангельскому, повторяли надъ его совершенною «красотою свои могущественныя заклинанія, чтобъ сохранить его отъ «дурнаго глаза. Еслибъ благодать Господня не коснулась его , онъ «былъ бы вѣрно нагой выброшенъ на берегъ; но Господь избралъ его «и содѣлалъ однимъ изъ праведныхъ своихъ. Министры, служащіе при «Дворѣ Судьбы, вмѣсто дирхемовъ и динаровъ, принесли въ даръ солнце «и луну, низведенныя ими на благополучную главу его. Когда истол-«кователи теченія планетъ и сочетанія благополучныхъ звѣздъ удосто-«вѣрились, что младенецъ сей возсіяетъ какъ солнце на небосклонѣ «завоеваній, и что горизонтъ побѣды озарится сею блестящею звѣздою, «они нарекли сей кедръ сада великолѣпія, сію свѣжую розу времен-«наго и духовнаго владычества благословеннымъ именемъ знаменитаго «дѣда его, Фетх-Али-Хана. Да почіетъ онъ въ мирѣ!»

Каджары, хотя и малочисленные, вслѣдствіе кровавыхъ междоусобныхъ раздоровъ и войнъ съ туркменцами, продолжали, однакожь, сохранять преимущественное вліяніе въ Астерабадѣ, области, гдѣ началось ихъ могущество; теперь это вліяніе основано не столько на чис-

ленной силѣ, какъ на большихъ помѣстьяхъ и на родствѣ съ царствующимъ домомъ Каджары попрежнему раздѣляются на двѣнадцать колѣнъ-но смертельная вражда, одушевлявшая прежде два соперничествующіе рода *ашага-башей* и *юхари-башей*, подобно фамиліямъ Монтекки и Капулети въ средніе вѣка, теперь угасла, съ-тѣхъ-поръ, какъ Ага-Мухаммедъ-Ханъ, стараясь усилить свое могущество, успѣлъ соединить главы обѣихъ фамилій. Вслѣдствіе этого союза персидскіе шахи происходятъ по мужской линіи отъ Ашага-башей, а по женской отъ Юхари-башей, потому-что Ага-Мухаммедъ-Ханъ женилъ своего племянника Фетх-Али-Шаха, Ашага-баши, на принцессѣ изъ дома Юхари-башей. Плодомъ этого союза былъ Аббас-Мирза, покойный Наибъ-Султанъ или наслѣдный принцъ. Глава каджарскаго племени, Ага-Мухаммедъ-Ханъ, соблюдалъ съ этимъ принцемъ ту же политику, какъ и съ отцомъ его, и выбралъ ему невѣсту изъ дома Юхари-башей. Эта принцесса жива еще; она мать Мухаммедъ-Шаха (*) и сестра Алаяръ-Хана Юхари-баши, Ассиф-у-Даулета и нынѣшняго правителя хорасанскаго.

Родъ Ашага-башей состоитъ изъ слѣдующихъ шести племенъ:

1) *Каанлу*, отъ которыхъ происходитъ царствующій шахъ. Въ исторіи каджаровъ сказано: «Царствующая фамилія называется *Ка-Ан-«лу,* потому-что одинъ изъ предковъ ихъ получилъ въ супружество «дочь *Ка-ана*, сына Чингис-Ханова; по этой причинѣ получили они «прозваніе Ка-Ан-лу (см. Ист. Каджаровъ, гл. I). 2) Шамбеоты, 3) Азаданлу, 4) Карамусанлу, 5) Хазинедарлу; 6) Кіярелу.

Юхари-баши раздѣляются также на шесть племенъ, а именно:

1) Девалу—фамилія Ассиф-у-Даулета; 2) Коялу, 3) Сепанлу, 4) Кохнелу, 5) Дошлу, 6) Зіядлу.

Шахъ Аббасъ, имѣя въ виду защитить персидскія границы отъ туркменскихъ набѣговъ, переселилъ вмѣстѣ съ каджарами въ эту сторону другія турецкія и курдскія племена, какъ-то: герейловъ, хаджеларовъ, масудлу и проч., которыя поселились въ горныхъ ущельяхъ Альбурскаго Хребта вмѣстѣ съ курдами. Потомки ихъ занимаютъ ныньче Семульганъ, Кучанъ и Буджнурдъ; каджары же стояли на рубежѣ степи и на крайнихъ предѣлахъ ея, какъ-то: въ Нисеѣ, Мервъ, Абивердѣ и Ах-Кале. Пока Персія была въ силѣ, вышепомянутыя племена болѣе или менѣе успѣшно противились вторженіямъ туркменцевъ; когда же она впала въ безначаліе, когда согласіе нарушилось между разными частями государства, бразды правленія выпали изъ рукъ могущественнаго самодержца и перешли въ руки мелкихъ начальниковъ; туркменцы воспользовались безпорядкомъ, ворвались въ Персію и захватили что̀ могли въ ея владѣніяхъ. Каджары были отброшены въ

(*) Мухаммедъ-Шахъ скончался въ 1848 году; ему наслѣдовалъ сынъ его Неср-Эддинъ-Шахъ.

Ах-Кале, другія же племена, значительно-уменьшившись въ числѣ, принуждены были искать убѣжища въ неприступныхъ горахъ и съ-тѣхъ-поръ перестали служить защитою противъ туркменскихъ вторженій въ сердце Хорасана.

Когда Ага-Мухаммедъ-Ханъ сдѣлался единодержавнымъ правителемъ Персіи, то счелъ полезнымъ вытѣснить турецкія и курдскія племена изъ укрѣпленій ихъ и переселить въ Мазандеранъ за то, что они будто-бы состояли въ тайныхъ сношеніяхъ съ врагами государства; впрочемъ, можетъ-быть, для нихъ это было единственное средство избѣгнуть притѣсненій сильныхъ сосѣдей своихъ.

Небольшое число хаджеларовъ турецкаго происхожденія населяютъ нынче Кусоръ, гористый округъ, на юго-востокѣ отъ гоклан-туркменцевъ, подлежащій управленію Фендериса; около сотни семействъ того же племени живутъ въ деревнѣ *Сангеръ*, лежащей у подощвы Альбурскихъ Горъ, въ томъ мѣстѣ, откуда вытекаетъ рѣка Чильчай, орошающая гокланскую равнину. Въ Астерабадѣ есть также нѣсколько хаджеларовъ; ихъ вмѣстѣ съ белучами можно насчитать до ста семействъ; имъ поручено охраненіе городскихъ воротъ.

Эти белучи были сначала уведены въ заложники Шах-Аббасомъ изъ Белуджистана въ Исфаганъ, потомъ ихъ перевели въ Мазандеранъ, отсюда уже Ага-Мухаммедъ-Ханъ переселилъ ихъ въ Астерабадъ. Белуджи вмѣстѣ съ хаджеларами выставляютъ на службу сто вооруженныхъ ратниковъ и, кромѣ этого, уже не платятъ никакой подати.

Немногіе герейлы, также турецкаго происхожденія, живутъ въ Роміонѣ и въ окрестностяхъ Калпуша. Турецкій языкъ, которымъ говорятъ они, не похожъ на адербейжанскій, но составляетъ скорѣе какой-то испорченный *джагатай*, вслѣдствіе ихъ частыхъ сношеній съ туркменцами.

Масудлу, происходящіе изъ нынѣшней русской Области Карабахской, были нѣкогда весьма-сильнымъ племенемъ; нынче же ихъ осталось не болѣе пятисотъ семейцтвъ, живущихъ въ большой деревнѣ Сурхан-Кулахъ, въ округѣ Астерабад-Рустагъ. Это племя значительно пострадало, когда узбеки напали на гоклановъ; масудлу поспѣшили на помощь послѣднимъ и болѣе тысячи семействъ ихъ было увлечено въ плѣнъ, въ Хиву. Прежде они жили въ Роміонѣ.

Имрлу, или *джеванширы*, племя, также вышедшее изъ Карабаха, были поселены въ Ах-Кале Агою-Мухаммедъ-Ханомъ; они принадлежатъ къ тому же роду, какъ и Дост-Мухаммедъ-Ханъ кабульскій (*); онъ джеванширъ по матери. *Имрлу* занимаютъ нынче западную часть Астерабада, наиболѣе же Галуго, въ Анезанскомъ Округѣ, гдѣ ихъ

(*) Игравшій въ послѣдніе годы и еще играющій значительную роль въ дѣлахъ Востока.

наберется до восьмисотъ домовъ; очень-красивый народъ, какъ и вообще всѣ карабахскіе переселенцы.

Берберы и *бенкеши*. Въ числѣ разноплеменнаго народонаселенія Астрабада должно упомянуть о *берберахъ* и *бенкешахъ*; они хотя незначительны по числу, но должны занять мѣсто въ моемъ описаніи, потому-что составляютъ черту въ очеркѣ общей физіономіи здѣшняго края.

Бенкеши пришли изъ Кабула, берберы же составляютъ часть великаго семейства *Хезаре*, изъ Пуштику, распространяющихся по всей возвышенной площади Памеръ, до границъ Тибета.

Тѣ и другіе появляются въ Астрабадѣ, подобно перелетнымъ птицамъ, мимоходомъ на пути въ святые города свои Кербелай и Неджефъ близь Багдада, куда ходятъ на поклоненіе гробамъ святыхъ своихъ, шіитскаго толка; сунниты же отправляются далѣе, въ Мекку и Медину.

Усталость труднаго пути, бѣдственное положеніе ихъ, можетъ-быть, и благотворительная теплота воздуха вдоль южныхъ береговъ Каспійскаго Моря побуждаютъ ихъ пріостанавливаться на нѣсколько времени въ Астерабадѣ и Мазандеранѣ, чтобъ собраться съ новыми силами для продолженія пути. Нѣкоторыя семейства даже навсегда поселились здѣсь, и надобно сказать, къ чести персидскихъ властей, что ихъ ничѣмъ не обидѣли, не притѣснили. Эти путешественники пріютились въ хижинкахъ изъ древесныхъ вѣтвей и тростника, которыя прислонили къ стѣнамъ домовъ или даже построили посреди *майдана*, или городской площади; туземцы не безпокоятъ ихъ и равнодушно смотрятъ кàкъ эти жалкія жилища портятъ симетрію города или даже заслоняютъ имъ свѣтъ въ собственныхъ домахъ ихъ.

Кажется, на этотъ счетъ въ Астерабадѣ существуетъ то же добродушное повѣрье, какъ въ Европѣ чувство къ ласточкамъ, которымъ позволяютъ вить гнѣзда подъ окнами и карнизами бѣдныхъ и богатыхъ домовъ—и народъ считаетъ за грѣхъ разорять ихъ.

Чтобъ снискать себѣ пропитаніе, эти пришлецы рубятъ дрова, складываютъ ихъ подлѣ сквозныхъ шалашей своихъ и потомъ продаютъ.

Бенкеши считаются весьма-строгими мусульманами на своей родинѣ; ни одна бенкешская дѣвушка не согласится отдать руки своей жениху, пока онъ не сходитъ на богомолье къ святымъ мѣстамъ.

Движимый чувствами благочестія и пламенной любви, бенкешскій юноша отправляется въ путь, не разсчитывая дальности разстоянія, ни скудныхъ средствъ своихъ; онъ идетъ, идетъ, усталость замедляетъ шаги его, ослабляетъ бодрость духа, умѣряетъ пылкость любви, и за долго до конца пути большая часть этихъ сантиментальныхъ путешественниковъ останавливается отдохнуть въ какомъ-нибудь уголкѣ Астерабада, потомъ строитъ себѣ шалашъ и наконецъ окончательно посе-

ляется здѣсь, а одинокая невѣста, между-тѣмъ, напрасно ожидаетъ возвращенія своего милаго на родину.

Странно, что эти чужестранцы, хотя исповѣдуютъ одну вѣру съ туземцами, но постоянно держатся отъ нихъ въ сторонѣ, рѣдко вступаютъ съ ними въ родство, и единственныя сношенія между гостями и хозяевами заключаются въ томъ, что астерабадцы покупаютъ дрова у бенкешей, какъ сказано выше.

Хезорджерибы. Несмотря на то, что хезорджерибы состоятъ подъ вѣдомствомъ мазандеранскаго начальства, должно упомянуть о нихъ здѣсь, потому-что они владѣютъ деревнями и землями въ Астерабадѣ, гдѣ и проводятъ часть года.

Гористая страна, пересѣченная долинами, которую они населяютъ, называется *Хезорджерибъ* (тысяча десятинъ) и раздѣляется на Хезорджериб-Дуденге и Хезорджериб-Чехарденге. Она заключена въ слѣдующихъ границахъ: округъ Соверъ къ востоку, лѣсистая часть горной цѣпи, идущей параллельно къ каспійскому берегу, къ сѣверу, Савадку къ западу, Альбургскій Хребетъ, видный изъ Семнана и Демгана по хорасанской дорогѣ къ югу.

Въ знойную пору жители Хезорджериба уходятъ со скотомъ своимъ въ горы; при наступленіи осени они спускаются въ долины и собираютъ рисъ и пшеницу съ полей своихъ. Зимою, когда высокія горы покрываются снѣгомъ и холодъ дѣлается ощутительнѣе, хезорджерибы уходятъ съ семействами своими въ низовья мазандеранскія и астерабадскія и располагаются у подошвы сѣвернаго ската Альбурскихъ Горъ, гдѣ гораздо-теплѣе, чѣмъ на каспійскихъ берегахъ.

Тотты. Тотты — коренные жители въ Астерабадѣ, подобно какъ и въ прочихъ частяхъ Персіи; такими, по-крайней-мѣрѣ, признаютъ ихъ всѣ кочующіе народы; они не турецкаго, не курдскаго и не арабскаго происхожденія; живутъ въ деревняхъ, расположенныхъ большею-частью въ лѣсу и окруженныхъ непроходимыми чащами.

Я пораженъ былъ независимымъ видомъ, которымъ астерабадскіе тотты рѣзко отличаются отъ прочихъ персидскихъ поселянъ. Въ Мазандеранѣ, напримѣръ, крестьянинъ тяжелъ; обработка риса составляетъ главное его занятіе и всѣ его мысли сосредоточены на этой одной точкѣ; въ этомъ отношеніи мазандеранцевъ можно сравнить съ пасмурными поселянами Хуэрты Валенсіи, которые проводятъ всю жизнь въ своихъ поливныхъ поляхъ и такъ рѣзко отличаются отъ живыхъ андалузянъ и стройныхъ кастильцевъ. Въ Гилянѣ рисовыя плантаціи и шелководство равномѣрно поглощаютъ вниманіе поселянъ.

Въ Астерабадѣ совсѣмъ-другое. Здѣсь поселянинъ постоянно подверженъ нападеніямъ и грабежамъ туркменцевъ, и принужденъ каждую минуту быть на-сторожѣ и на-готовѣ. Привыкнувъ съ дѣтства владѣть ружьемъ, съ которымъ никогда не разстается, астерабадецъ чувствуетъ, что его безопасность главнымъ образомъ зависитъ отъ собственной его

удали и рѣшимости, оттого физіономія его дышетъ мужествомъ и вообще видъ его отличается смѣлостью и прямодушіемъ.

Если поля нѣсколько вдали отъ деревни, поселяне идутъ на работу вооруженные; одна половина работаетъ, другая стоитъ на караулѣ съ заряженными ружьями и тлѣющимися фитилями, готовая отразить внезапное нападеніе туркменцевъ.

Скотъ нельзя выпустить на траву за двадцать шаговъ отъ изгороды въ деревняхъ, близкихъ къ туркменскимъ степямъ, чтобъ онъ не былъ захваченъ и угнанъ непріятелемъ. Жалко смотрѣть, какъ поспѣшно бѣдныя дѣти прячутся въ самую глубь лѣса, едва-только заслышатъ топотъ шаговъ.

Отправляясь изъ одной деревни въ другую, поселяне должны соблдать тѣ же предосторожности, такъ-что вся жизнь ихъ проходитъ въ безпрестанной тревогѣ то за себя, то за близкихъ своихъ. Оттого въ Астерабадѣ сочувствіе къ ближнему развито сильнѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Персіи; общая опасность тѣснѣе соединяетъ ихъ. Если, напримѣръ, кто-нибудь попадетъ въ руки непріятеля, немедленно составляется подписка на сборъ денегъ для его выкупа, сначала въ семейномъ кругу, если недостаточно—въ деревнѣ, въ ближнемъ городѣ, во всемъ округѣ; всѣ принимаютъ живое участіе въ участи плѣнника.

Разскажу случай, котораго я самъ былъ свидѣтелемъ.

Проѣзжая, однажды, вечеромъ по улицамъ Астерабада, я увидѣлъ женщину, стоящую на колѣняхъ въ отворенной мечети; она обѣими руками обнимала *мемберъ*, или каѳедру, и горько плакала. Спросивъ о причинѣ слезъ ея, я узналъ, что она только-что получила вѣсть о сынѣ своемъ, захваченномъ туркменцами. «Молись усердно» сказалъ я безутѣшной матери: «Богъ услышитъ твою молитву».

Между-тѣмъ вѣсть разнеслась по городу; мы поскакали вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими всадниками въ погоню за хищниками, но возвратились, не открывъ слѣдовъ ихъ.

Попавшійся въ плѣнъ былъ мальчикъ, лѣтъ тринадцати, сынъ красильщика; онъ только-что вышелъ за заставу съ товарищами, чтобъ набрать въ лѣсу хворосту. Туркменецъ, вѣроятно, сторожившій, какъ звѣрь добычу, бросился и схватилъ его, между-тѣмъ, какъ товарищъ его убѣжалъ.

Поздно ночью услышалъ я шумъ и суету на улицѣ подлѣ моего дома. Это былъ пропавшій мальчикъ: онъ успѣлъ уйдти отъ туркменца, и толпа въ торжествѣ водила его по улицамъ съ радостными криками. Такъ-какъ я оказалъ участіе въ его бѣдѣ, то отецъ привелъ его ко мнѣ, чтобъ показать, что онъ спасенъ.

Пока было свѣтло, туркменецъ съ жертвою своею прятался въ рощѣ; когда же наступила ночь, онъ вышелъ изъ своего убѣжища и пробрался къ городскому валу, чтобъ выйдти на долину, таща за руку своего плѣнника, который не смѣлъ кричать, чтобъ не быть убитымъ.

Онъ вспомнилъ, однако, что у него въ правомъ карманѣ ножъ и началъ жаловаться, что туркменецъ такъ крѣпко стиснулъ правую его руку, что она совсѣмъ онѣмѣла, и просилъ, чтобъ онъ немножко далъ ему вздохнуть и взялъ бы за лѣвую; разбойникъ согласился. Высвободивъ правую руку свою, мальчикъ немедленно сунулъ ее въ карманъ, выхватилъ ножъ и со всѣхъ силъ ударилъ имъ туркменца въ руку, державшую его лѣвую руку; разбойникъ отъ боли выпустилъ свою добычу и мальчикъ немедленно скрылся въ рощѣ. Ночь была темная, городъ слишкомъ-близко и туркменецъ не осмѣлился медлить; онъ скоро пересталъ искать и побѣжалъ по направленію къ рѣкѣ Гургану, а мальчикъ пробрался къ городскимъ воротамъ и постучался, чтобъ его впустили.

Дѣло кончилось счастливо; въ противномъ случаѣ, можно вообразить, каково было бы безпокойство родителей, пока они успѣли бы собрать сумму, необходимую для выкупа, потому-что, если не успѣютъ въ-пору представить выкупъ, то несчастнаго плѣнника увлекутъ и продадутъ въ Хиву: оттуда выкупить и освободить его уже гораздо-труднѣе и убыточнѣе. А чтò чувствуютъ тѣ, которые послѣ долгаго, тяжкаго плѣна, опять возвращаются въ нѣдра семейства, въ отечество, въ объятія друзей?.. Кáкъ благословляютъ они свою свободу!..

Я не говорю, чтобъ и прочіе персіяне были чужды человѣколюбивымъ чувствамъ, которыя сродны всему человѣчеству, но въ нихъ они менѣе проявляются, потому-что нѣтъ поразительныхъ случаевъ, которые вызвали бы ихъ наружу, пробудили бы ощущенія, спящія въ душѣ ихъ.

Въ Астерабадѣ нѣтъ ни одного семейства, одинъ или многіе члены котораго не были бы убиты или уведены въ плѣнъ туркменцами, потомъ выкуплены, или проданы въ дальніе края Туркестана и потеряны навсегда; оттого жители необходимо должны поддерживать дружескія связи въ степи, потому-что только съ помощью своихъ туркменскихъ знакомцевъ имѣютъ возможность выкупить своихъ ближнихъ, проданныхъ въ Хиву. Туркменецъ, избираемый для этого посредничества, долженъ даже быть извѣстенъ, какъ *саудегеръ* или *размѣнщикъ*; тогда, если онъ успѣетъ выкупить плѣнника, уже никто не смѣетъ остановить его на обратномъ пути между балканскихъ туркменцевъ, никто не смѣетъ снова отнять у него выкупленнаго плѣнника; даже и текке-туркменцы не смѣютъ обидѣть его, потому-что признаютъ власть хивинскаго хана, съ согласія котораго освобожденъ плѣнникъ, и пятая часть выкупа поступила за то въ казну его.

Говоря о народахъ, населяющихъ Астерабадскую Область, нельзя пропустить *гаудоровъ*, составляющихъ собственно принадлежность Астерабада и Мазандерана.

Гаудоры считаются у персіянъ *неджисами*, или нечистыми за то,

что ѣдятъ свинину; ихъ называютъ также *кафирами*, или невѣрными, за то, что они будто-бы не имѣютъ никакой религіи.

Но отчего же, несмотря на эти важныя обвиненія, несмотря на униженную степень, которую они занимаютъ въ обществѣ, всѣ ищутъ ихъ?.. Рѣдко найдете вы деревню, гдѣ бы не было двухъ или трехъ семей этихъ паріевъ. Чему приписать это пристрастіе?..

Вспомните о личномъ интересѣ людей—и все объяснится! У поселянъ есть рисовыя плантаціи, которымъ кабаны наносятъ по ночамъ большой ущербъ. Гаудоры считаются отличными стрѣлками, и даже ночью рѣдко минуютъ цѣль свою, руководясь шумомъ, который производитъ кабанъ, жуя рисъ. Говорятъ даже, что кабанъ инстиктивно боится гаудора и чуетъ его издалека. Гаудору довольно обойдти кругомъ поля, чтобъ на нѣкоторое время отдалить отъ него кабановъ.

Я не могъ повѣрить на дѣлѣ: справедливы ли эти факты, или гаудоры сами распространяютъ въ народѣ эти повѣрья?.. Не мое дѣло рѣшать, въ самомъ ли дѣлѣ гаудоръ такое драгоцѣнное существо и должны ли религіозные предразсудки правовѣрнаго мусульманина умолкнуть предъ сохраненіемъ полей, и что для него важнѣе? *шализоры* или рисъ, альфа и омега пропитанія его съ семействомъ.

Одинъ изъ моихъ персидскихъ знакомцевъ, никогда не останавливающійся за пустяками, когда могъ разсказать *исторію*, увѣрялъ даже, что одинъ старый гаудоръ только просилъ его назначить въ какую часть кабана должна попасть пуля—и попадалъ именно по назначенію въ самую темную ночь. Qui prouve trop ne prouve rien — разскащику не удалось убѣдить меня!

Никто не могъ правильно объяснить мнѣ происхожденіе гаудоровъ; сами они считаютъ себя пришельцами изъ Индустана, и наружность ихъ не противорѣчитъ этому заключенію. Цвѣтъ лица ихъ смуглѣе и горячѣе, чѣмъ у туземцевъ; выраженіе выпуклыхъ глазъ у женщинъ чрезвычайно-пріятное, совершенно-особенный обликъ и красивый, стройный станъ женщины подтверждаютъ ихъ индійское происхожденіе.

Тѣ изъ нихъ, которые живутъ по близости городовъ или большихъ деревень, исполняютъ наружные обряды мусульманской вѣры; но гаудоры, живущіе въ уединенныхъ мѣстахъ, сохраняютъ свою спокойную независимость и не отправляютъ, повидимому, никакого богопоклоненія.

Положеніе мое не позволяло сойдтись съ ними ближе, присмотрѣться къ ихъ нравамъ и обычаямъ и изучить физіологическія черты ихъ племени; персидскіе же мои знакомцы не могли дать мнѣ объ этомъ порядочныхъ свѣдѣній, потому-что вообще невнимательны къ подобнымъ предметамъ. Нѣкоторые изъ ихъ обычаевъ могли бы, однако, дать ключъ тѣмъ, которые знакомы съ Индіею, и опредѣлить достовѣрность ихъ индійскаго происхожденія.

Когда гаудоръ желаетъ жениться, онъ долженъ увезти предметъ любви своей, подвергаясь, между-тѣмъ, мщенію родныхъ своей невѣсты,

которые могутъ убить его, не подвергая себя строгости закона. Чтобъ избѣжать преслѣдованія, онъ ищетъ сокровеннаго пріюта въ самой глубинѣ дремучаго лѣса и сюда уводитъ свою невѣсту. Ихъ Гретна Гринъ находится въ непроходимой чащѣ современныхъ міру гирканскихъ лѣсовъ, и вѣковой альбурскій дубъ бываетъ единственнымъ свидѣтелемъ ихъ брачнаго союза. Если родители невѣсты успѣютъ открыть убѣжище юной четы въ первые три дня медоваго мѣсяца, то имѣютъ право убить похитителя своей дочери; если же не найдутъ ихъ, то, по истеченіи трехдневнаго срока, они теряютъ всякое право надъ нею и она становится на всю жизнь законною женою гаудора, если, впрочемъ, ея господину и повелителю не вздумается послѣ прогнать ее.

Страбонъ, говоря объ Индіи, упоминаетъ объ особенномъ *племени*, гдѣ юноши увозятъ невѣстъ своихъ, изъ чего можно заключить, что этотъ обычай не былъ общій между туземцами.

Эти подробности разсказывалъ мнѣ одинъ очень-умный молодой персидскій принцъ, котораго можно также считать феноменомъ въ Персіи, хотя и въ другомъ родѣ, чѣмъ гаудоры. Я говорю объ *Аббас-Кули-Мирзѣ* или *Аббас-Кули-Ханѣ*, бывшемъ губернаторѣ керманскомъ.

Когда, во время послѣдней войны между Россіею и Персіею, разнесся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ирана и за границею слухъ о смерти стараго Фетх-Али-Шаха, четырнадцати-лѣтній Аббас-Кули-Мирза провозгласилъ себя *шахомъ*. Какое-то чудо спасло жизнь его; но отъ всѣхъ своихъ обширныхъ владѣній и высокихъ надеждъ онъ удержалъ только двѣ скромныя деревеньки въ Мазандеранѣ, гдѣ живетъ поперемѣнно, дѣля свое время на двѣ части, по выраженію баснописца:

Quant à son temps, deux parts en fit :
L'une à dormir, et l'autre à ne rien faire.

(то-есть одну половину жизни спитъ, а другую ничего не дѣлаетъ).

Что касается числа народонаселенія провинціи, трудно опредѣлить его даже приблизительно; все, что можно сказать, это то, что Астерабадъ населенъ весьма-скудно, по милости чумы, холеры и дурнаго управленія, которое принуждаетъ поселянъ покидать свои деревни и переходить въ сосѣднія земли. Со времени вступленія въ должность нынѣшняго губернатора, годъ назадъ, пять или шесть тысячъ семействъ оставили провинцію и ушли — иные въ Гилянъ и Мазандеранъ, другіе въ горы и въ Шахруд-Бостамъ.

XIV.

Образъ правленія.

Я прожилъ въ Астерабадѣ довольно-долго и потому могу говорить о томъ, какъ идутъ дѣла въ здѣшней провинціи. Сказать, что правосудіе основано на угнетеніи народа — не новость; къ-несчастью, это

основное правило, которому слѣдуютъ во всей Персіи съ неуклонпымъ постоянствомъ, достойнымъ лучшаго употребленія. (*) Не знаешь, кого обвинять болѣе, губернатора за лихоимство, или правительство за соучастіе?... потому-что оно должно же знать поведеніе своихъ агентовъ; а еслибъ и не знало, то не менѣе виновно въ томъ, что принуждаетъ губернаторовъ грабить народъ, взимая съ нихъ напередъ часть податей провинціи, въ которую ихъ отправляютъ; кромѣ-того, они должны *задарить* министровъ, чтобъ получить желаемое мѣсто. Было бы *чудо*, еслибъ эти губернаторы, ежеминутно-трепещущіе отставки, не старались содрать съ жителей послѣднюю копейку въ неопредѣленное время своего управленія.

Но если образъ правленія въ Персіи не новъ, то любопытно узнать, какія мѣры употребляетъ нынѣшній астерабадскій губернаторъ Мухаммедъ Насръ-Ханъ, чтобъ составить себѣ новые источники дохода?

Съ незапамятныхъ временъ Астерабадская Область освобождена отъ всѣхъ податей. Персидскіе государи всегда жаловали Астерабаду эту льготу, чтобъ доставить жителямъ болѣе возможности сопротивляться вторженіямъ безпокойныхъ сосѣдей своихъ—туркменцевъ (**).

Нынѣ-царствующій шахъ (Мухаммедъ-Шахъ), вступая на престолъ, не отнялъ этой льготы, она существуетъ въ полной силѣ; но при настоящемъ положеніи дѣлъ эта льгота—горькая насмѣшка!

По прибытіи своемъ въ Астерабадъ, новый беглербегъ началъ съ того, что потребовалъ восьмнадцать тысячъ тумановъ (червонцевъ): треть этой суммы назначалась на покрытіе расходовъ, сдѣланныхъ имъ для полученія мѣста, на подарки шаху и министрамъ, другая треть на жалованье нѣкоторымъ чиновникамъ, которыхъ дворъ иногда посылаетъ въ провинціи для причинъ, ему одному извѣстныхъ. Не знаю, на что̀ пошли остальныя шесть тысячъ тумановъ, но на Востокѣ правительство не трудится давать отчетъ въ притѣсненіяхъ народа.

Риши-Сефиды, или старшины народа, собрались толковать объ этомъ огромномъ и изнурительномъ требованіи, и рѣшили разложить этотъ налогъ на шесть округовъ и самый городъ Астерабадъ.

Первое дѣло сошло съ рукъ удачно; беглербегъ выдумалъ новое средство добыть деньги. Онъ поднялъ цѣну на всѣ должности, смѣнилъ многихъ наслѣдственныхъ *серкердеговъ*, *хакимовъ* и *кедхудъ*, (***) и посадилъ на мѣсто ихъ новыхъ чиновниковъ, заплатившихъ дороже

(*) Это было писано за 13 лѣтъ назадъ; съ-тѣхъ-поръ, говорятъ, многое измѣнилось въ Персіи; и если такъ, то, разумѣется, къ-лучшему.

(**) Замѣчаніе Геродота, что всѣ части Персіи были обложены податью, кромѣ *Persis proper*, освобожденіе которой отъ налоговъ составляетъ естественную привилегію побѣдоносной націи, прилагается и къ Астерабаду, колыбели нынче-царствующей каджарской династіи

(***) Пограничныхъ, окружныхъ и деревенскихъ начальниковъ.

или предложившихъ богатые подарки. Этимъ средствомъ Мухаммедъ-Наср-Ханъ добылъ отъ четырехъ до пяти тысячъ тумановъ.

Думая безпрестанно о способахъ обогащенія, онъ нашелъ новый источникъ дохода: собралъ всѣ мѣдныя деньги, бывшія въ обращеніи, растопилъ и перелилъ ихъ, сдѣлавъ новые *шахи*, вчетверо менѣе настоящей ихъ цѣнности. Чтобъ пустить ихъ въ ходъ, онъ принудилъ купцовъ и разныя сословія Астерабада вымѣнивать у него эту монету на серебряные сагиб-кораны, считая попрежнему двадцать шахи на одинъ сагиб-коранъ. Эта смѣлая финансовая мѣра принесла беглербегу чистой прибыли три тысячи тумановъ.

Астерабадскіе жители, не въ силахъ будучи терпѣть долѣе, оказали сопротивленіе. Городъ отправилъ депутацію къ шаху жаловаться на притѣсненія новаго правителя; но Мухаммед-Наср-Ханъ предупредилъ ихъ.

Жена его осталась въ Тегеранѣ, чтобъ вести дѣла его; она имѣла свободный доступъ въ гаремы шаха и хаджи, перваго министра, и кромѣ того, принадлежала, равно какъ и мужъ ея, къ каджарской фамиліи. Она искусно внушила, что эта жалоба на беглербега только предлогъ, что истинные виновники возмущенія — тайные приверженцы дяди государева Зели-Султана; что они подстрекаютъ народъ свергнуть подданство шаха и объявить себя въ пользу претендента.

Мирза-Ибрагимъ, одинъ изъ членовъ дивана, былъ посланъ разобрать дѣло. Онъ встрѣтилъ на половинѣ дороги астерабадскихъ депутатовъ, пригласилъ ихъ возвратиться съ нимъ, обѣщая удовлетвореніе; они не повѣрили, но воротились въ Астерабадъ. Впрочемъ, трудненько было бы имъ и отказаться: Мирза-Ибрагимъ имѣлъ при себѣ сто вооруженныхъ всадниковъ и это былъ, вѣроятно, самый убѣдительный аргументъ его.

Прибывъ въ Астерабадъ, Мирза-Ибрагимъ собралъ знатнѣйшихъ жителей города въ мечеть для выслушанія царской прокламаціи. Когда весь дворъ мечети наполнился собравшимся народомъ, онъ велѣлъ запереть ворота и окружить дворъ войсками; тогда уже нетрудно было ладить съ попавшимися въ западню; однихъ взяли подъ караулъ, на другихъ наложили пеню; однимъ словомъ, весь городъ принужденъ былъ заплатить порядочный штрафъ.

Беглербегъ помогалъ Мирзѣ-Ибрагиму, хотя и самъ долженъ былъ заплатить ему контрибуцію. Эта мѣра правосудія доставила Мирзѣ-Ибрагиму восемь тысячъ тумановъ; кромѣ-того, онъ взялъ въ Астерабадѣ заложниковъ въ ручательство спокойствія въ городѣ и шестьдесятъ шесть прекрасныхъ туркменскихъ коней для конюшенъ сильныхъ министровъ въ Тегеранѣ и для своей собственной конюшни.

Это было хуже туркменскаго *чапаула;* на политическомъ языкѣ въ Персіи это значитъ разбирать дѣло!

Вы подумаете, что это былъ порядочный урокъ и для беглербега, который, въ свою очередь, долженъ былъ откупиться. Точно, для го-

рода Астерабада урокъ не пропалъ даромъ; беглербегъ же снова принялся за старое !

Со времени родоначальника каджарской династіи Аги-Мухаммедъ-Хана существуетъ договоръ съ туркменцами такого рода, что если туркменецъ *икъ*, или чистой крови, будетъ найденъ убитымъ на персидской астерабадской землѣ и убійца неизвѣстенъ, то персидское начальство обязано заплатить семейству убитаго сто тумановъ; если же убитый будетъ туркменецъ *гуль*, или *смѣшанный*, то пеня назначается въ пятьдесятъ тумановъ.

Подобнымъ же образомъ, если тѣло персіянина каджарскаго рода будетъ найдено на опушкѣ лѣса или на берегахъ Гургана, то ближайшее туркменское кочевье платитъ сто тумановъ семейству покойника и пятьдесятъ тумановъ, если убитъ будетъ персидскій подданный не каджаръ.

На пограничной астерабадской линіи найдено было тѣло туркменца, носящее истинные или мнимые признаки насильственной смерти. Семейство убитаго явилось съ требованіемъ платы за кровь его. Беглербегъ воспользовался случаемъ и оштрафовалъ всю провинцію. Вмѣсто пятидесяти или ста тумановъ пени, онъ положилъ себѣ въ карманъ тысячу.

Потомъ, чтобъ дать отдохнуть бѣднымъ жителямъ, Мухаммедъ-Насръ-Ханъ обратилъ вниманіе свое въ другую сторону.

Бывало, астерабадскіе губернаторы облагали ямудов-чомуръ , кочующихъ на берегахъ Гургана податью, состоявшею изъ трехъ сагиб-крановъ (однаго рубля серебра) съ *шатра*, Мухаммедъ-Наср-Ханъ не могъ довольствоваться такой бездѣлкою; онъ наложилъ на шатеръ по десяти сагиб-крановъ и, кромѣ того, еще захватывалъ стада овецъ и верблюдовъ, принадлежащихъ ямудам-чорва , кочующимъ вдоль Аттрека. Эти притѣсненія такъ возмутили ямудовъ, что они поклялись отмстить ему и всѣ племена ихъ соединились противъ него. Такое положеніе дѣлъ существуетъ понынѣ; никогда туркменцы не захватывали въ плѣнъ такъ много персіянъ, какъ со времени своей открытой войны съ беглербегомъ; вся область отъ него страдаетъ.

Во время моего пребыванія въ Астерабадѣ туркменцы захватили или убили до ста-двадцати-шести персіянъ. Если же Мухаммедъ-Насръ-Хану удастся взять въ плѣнъ ямудовъ, то онъ не вымѣниваетъ ихъ на астерабадскихъ плѣнныхъ; онъ находитъ для себя выгоднѣйшимъ взять за выкупъ ихъ деньги или лошадей, чѣмъ свободу бѣдныхъ персидскихъ поселянъ.

При Фетх-Али-Шахѣ персидское правительство выдавало ежегодно двѣ тысячи тумановъ на выкупъ персіянъ, попавшихся въ плѣнъ туркменцамъ или хивинцамъ. При нынѣшнемъ состояніи персидской казны это было бы слишкомъ-роскошно, и беглербегъ вполнѣ держится этого мнѣнія.

Въ послѣднее время онъ принялся за колонизацію, объявивъ себя владѣльцемъ тѣхъ мѣстъ, которыя удастся ему заселить.

Спора нѣтъ, что весьма-хорошо и похвально поощрять земледѣліе, прекрасно заниматься процвѣтаніемъ пустынь, заселяя безплодныя земли, но недолжно дѣлать этого въ ущербъ другимъ. Беглербегъ принимается за это дѣло особымъ способомъ. Онъ выгоняетъ изъ деревень своего предмѣстника всѣхъ жителей, принуждая ихъ покинуть свои домы, поля, сады, шелковичныя плантаціи—словомъ, все ихъ изстари-заведенное хозяйство и переселяетъ въ мѣста невоздѣланныя, поросшія терновникомъ и колючими кустами. Между-тѣмъ дикая природа вступаетъ въ права свои: прежнія жилища приходятъ въ упадокъ, поля и сады заростаютъ дикою травою. Эти-то поступки Мухаммедъ Насръ-Хана льстецы его называютъ усердіемъ къ приведенію области въ цвѣтущее состояніе!... *абадъ микунедъ*.

Независимо отъ прибыли, которую приносятъ ему новыя фермы, Мухаммедъ-Насръ Ханъ извлекъ изъ колонизацій и другую выгоду: онъ недавно открылъ кладъ въ одномъ древнемъ курганѣ, около котораго завелъ деревню; но объ этомъ онъ умалчиваетъ (*).

Впрочемъ, клады прибыльны только для него; бѣднымъ же работникамъ приходится отъ нихъ плохо. Я упоминалъ выше, что изъ двухъ поселянъ, открывшихъ богатыя сокровища въ Туренг-тепе, одинъ пропалъ безъ вѣсти, а другому отрѣзали языкъ, будто-бы за сношенія съ туркменцами.

Новѣйшее изобрѣтеніе беглербега относится къ *кетобче* (податнымъ спискамъ).

Назначая губернатора въ какую-либо провинцію, Диванъ обыкновенно выдаетъ ему такой *кетобче* (книжку), или списокъ, въ которомъ означенъ сборъ и число податей съ разныхъ отраслей его управленія. За полученіе такого кетобче платится не болѣе двадцати тумановъ мирзамъ Дафтара, или мелкимъ чиновникамъ по счетной части. Въ Астерабадѣ кетобче совсѣмъ-ненуженъ, потому-что округъ освобожденъ отъ всякой подати; единственный сборъ въ этой области производится только съ частныхъ помѣстьевъ шаха. Несмотря на то, Мухаммедъ Насръ-Ханъ успѣлъ собрать на кетобче около 1000 тумановъ. Этотъ налогъ называется *пули-кетобче* — шнуровыя деньги.

Мухаммедъ Насръ-Ханъ собралъ также въ нынѣшнемъ году богатую жатву съ гоклановъ, между которыми онъ стоялъ лѣтнимъ лагеремъ съ войскомъ изъ 2000 человѣкъ.

Для обученія войскъ своихъ, особенно конницы, Мухаммедъ Насръ-Ханъ посылалъ ихъ перевозить палатки, ковры, попоны, торбы, сы-

---

(*) Описаніе части найденныхъ вещей, помѣщено въ III главѣ этихъ записокъ.

рецъ и прочую собственность бѣдныхъ гоклановъ въ родной городъ свой Демганъ (въ Хорасанѣ) — складочное мѣсто всѣхъ награбленныхъ имъ вещей.

Время отдохновенія своего отъ вышесказанныхъ дѣловыхъ занятій Мухаммедъ Насръ-Ханъ проводитъ въ пляскахъ и пѣсняхъ съ своими любимцами, и въ прочихъ тому подобныхъ забавахъ, иногда же въ обнародованіи глупыхъ прокламацій, подобныхъ нижеслѣдующимъ:

Когда туркменцы умертвили и полонили многихъ богомольцевъ, возвращавшихся изъ святыхъ мѣстъ, народъ громко обвинялъ въ этомъ беглербега. Вслѣдствіе того былъ обнародованъ и прочтенъ на улицахъ приказъ: всякому заниматься своимъ дѣломъ и не мѣшаться въ чужія. Башмачникамъ позволялось говорить только о сафьянѣ, портнымъ о кафтанахъ, мясникамъ о баранинѣ, и такъ далѣе; если же кто осмѣлится толковать о дѣлахъ ближняго своего, тому отрѣжутъ языкъ!

Въ тотъ же день изданъ былъ указъ, которымъ запрещалось коровамъ ходить по улицамъ, въ-особенности ночью; потому-что онѣ безъ церемоніи заходятъ на кладбища и оскверняютъ *сѣни* правовѣрныхъ. Между-тѣмъ извѣстно было, что коровъ невозможно выгонять за городскія ворота, гдѣ онѣ немедленно захватываются туркменцами. И, кромѣ-того, бѣдныя коровы были единственныя существа, очищавшія городъ, поѣдая богатую траву, которая во всей дикой роскоши ростетъ на площадяхъ астерабадскихъ.

И такой человѣкъ назначенъ правителемъ одной изъ важнѣйшихъ областей государства! Ему ввѣрено охраненіе границъ, ежедневно-подверженныхъ вторженіямъ смѣлаго врага! Кто виноватъ болѣе: Мухаммедъ Насръ-Ханъ, или правительство, его назначившее?... Онъ былъ уже прежде губернаторомъ бостамскимъ, слѣдовательно его *знали;* а если *не знали*, тѣмъ болѣе не должны были ввѣрять ему Астерабадскую Область!... (*).

КОНЕЦЪ.

(*) Съ удовольствіемъ прибавляю, что вскорѣ, по возвращеніи моемъ, я узналъ, что Мухаммедъ Насръ-Ханъ отозванъ изъ Астерабада и на мѣсто его назначенъ другой губернаторъ.